

СТАНИЦА

общеказачья газета

издается в России с января 1992 г.

№3 (46) декабрь 2005 г.

Память и памятники

Власти Краснодарского края никак не решатся вернуть своей столице ее историческое имя. Зато спешно возводят - на новом месте, хотя не занято и старое, и сохранились там фундаменты - Войсковой собор Александра Невского.

На это деньги есть.

На то, чтобы помочь энтузиастам установить хотя бы один памятник жертвам большевицкого террора или голодомора - нет...

В номере:

* "Гуси - лебеди"

Что скрывает название детской игры?..
Что общего между казаками и гусарами?

* След кровавый стелется...

Из истории "блудного сына революции"

* Гибель Семиреченского войска

Страницы новой книги о Гражданской войне

* Первый опыт Голодомора

Голод на территории Оренбургского войска

* Эскадрон его мыслей лихих...

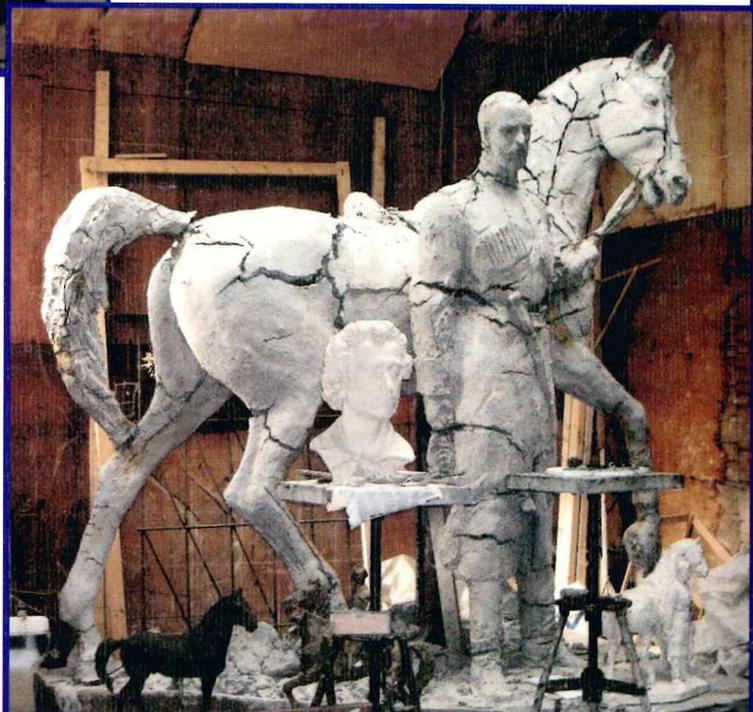
"Казачий писатель" Б. Алмазов

* Записки молодого казака

К 60-летию трагедии Лиенца

* В джунглях Индокитая

Новые книги воспоминаний Ф.И. Елисеева

В мастерской скульптора В. Жданова разрушается модель памятника казакам и офицерам Русской армии, расстрелянным в Горячем Ключе осенью 1917 года...

Возвращение реликвий

В.Г. Науменко.
Сербия, 1920 г.

Историки говорят о 10 миллионах человек, вынужденно покинувших Россию 85 лет назад. Среди них и десятки тысяч кубанских казаков, вдали от родной земли оставшихся верными своим культурно-историческим традициям.

В небольшом американском городке Лавланде, штат Колорадо, живет Наталья Назаренко - дочь казака станицы Петровской, атамана Кубанского казачьего войска (с 1920 по 1958 год) Вячеслава Григорьевича

Науменко. Родилась Наталья Вячеславовна в Екатеринодаре 31 августа 1919 года, а Россию покинула 28 февраля 20-го - на уходящем из Новороссийска пароходе "Константин", вместе с реликвиями кубанских казаков.

Так сама судьба связала дочь атамана с Войсковыми Регалиями. Уже в годы 2-й мировой войны она вместе с супругом Николаем Назаренко участвовала в спасении Регалий, перевозке их из Белграда в Австрию, Германию, а после войны - в США.

Вновь Наталья Вячеславовна посетила Кубань осенью 1998 года - и сразу поставила вопрос о необходимости возвращения всех исторических реликвий. Дочь атамана не просто говорит об этом, но и предпринимает реальные шаги. Ею переданы в краевой архив и музей личные вещи атамана Науменко, эмигрантские издания, фотографии.

Одну из переданных минувшим летом вещей можно увидеть на фото - это серебряный с позолотой бокал с дар-

России с ее славным казачеством от сатанинского ига".

Как историк и сотрудник музея, я убеждена - Регалии необходимо вернуть на Кубань. Многие предметы, особенно знамена, требуют срочной реставрации. И вернуть их нужно именно целостной коллекцией. В одном из обращений к казакам Наталья Вячеславовна писала: "Не окажутся ли Регалии разрозненными, превратившись из гордости казачьей в забаву собирателей старины, американских дельцов? Братья - кубанцы: где бы Вы не находились - если Вы чувствуете себя кубанцами, откликнитесь на призыв вернуть реликвии на Родину. Не отходите в сторону от решенной судьбы кубанских войсковых Регалий, не дайте свершиться трагедии - потере Регалий для Кубани навсегда! Кубанские войсковые Регалии не предмет спекуляции, не коллекция древних знамен, а живая душа Кубани, воплотившая в себе славу и гордость доблестных казачьих поколений и эта душа должна возвратиться и восстановить былую славу, доблестного Кубанского войска!"

Сегодня заканчивается возведение (жаль только, что на новом месте - хоть не занято и историческое!) Войскового Александро-Невского собора. В нем будет помещение для хранения и экспонирования Регалий.

За возвращение их в последнее время выступал и атаман Кубанской организации в США А.Певнев. Казалось бы,

Наталья Назаренко,
50-е годы

В.Г. Науменко - атаман
Кубанского казачьего
войска, Германия, 1944 г.

Кубанские знамена и штандарты
в Войсковом музее, 60-е годы

Участники спасения Рега-
лий Н.Н. Назаренко (справа)
и М. Зарецкий, Белград, 1944 г.

ственной надписью "От Наместника Его Императорского Величества и Главнокомандующего на Кавказе И.И. Воронцова-Дашкова хорунжему 1 Полтавского полка Кубанского казачьего войска В.Г. Науменко, 1906 г., г. Эривань". Его история такова: будучи на службе в 1 Полтавском полку, В. Науменко некоторое время в 1906 году находился в Конное Наместника на Кавказе. Подарок получен из рук наместника за безупречную службу.

Вернулись на Кубань также именным кинжал в роскошных серебряных ножнах (с надписью "Походному атаману Кубанского казачьего войска В.Г. Науменко от офицеров и классных чинов Кубанского краевого правительства 19.X.1919 г."), карандашные рисунки атамана периода 1-й мировой войны, картины Натальи Вячеславовны...

Судьба Войсковых Регалий - одна из самых драматических страниц истории Кубани. Считаю необходимым вернуть их домой, казаки говорили о непереносимости условия этого - падении коммунизма в России. Уточняющие это условие требования выдвигает и современное казачье объединение в США, насчитывающее два десятка казаков (о чем "Станица" рассказывала в прошлом номере).

Когда в октябре 1954 года В.Г. Науменко в США был снова избран кубанским атаманом, епископ Никон Флоридский говорил: "Господи! Поведи огню и ветру возвестить нашим братьям на далекой Родине, что не все еще потеряно, что взойдет заря русской свободы, что поднял атаманскую булаву христоролюбивый воин генерал Науменко. Святая Церковь возносит молитвы о победе над безбожным коммунизмом, об освобождении

вопрос почти решен - да не тут-то было! Посетившая Нью-Джерси в августе комиссия из Краснодара во главе с доктором исторических наук В.Н. Ратушняком, которая должна была описать коллекцию, столкнулась с непредвиденной ситуацией. Во-первых, комиссия с трудом попала в само здание музея, - похоже, новое руководство организации имеет на возврат Регалий свою точку зрения. Во-вторых, при описи реликвий выяснилось, что немалое число из них просто отсутствует! Самое печальное, что пропали почти все уникальные знамена и собрание серебряных предметов. По сравнению с предыдущей описью 1969 года, сделанной при приеме музея атаманом В. Бубликом, не хватает очень многого...

В заключение от имени музея за помощь в осуществлении последней поездки к Н.В. Назаренко выражаю благодарность редакции "Станицы" и московскому Благотворительному фонду "Вольное Дело".

ст. научный сотрудник Краснодарского музея

Н. Корсакова

PS: На Кубани издана подготовленная Н.В. Назаренко на основе дневников отца книга "Пути-дороги казачьих регалий". Записи охватывают период с последних месяцев 2-й мировой войны до момента, когда Войсковые Регалии перевезли в США. Это рассказ из первых уст об опасном пути спасенных казачьих реликвий по военным дорогам Европы - и о порой нелегких взаимоотношениях разных групп казачьей эмиграции.

Блюдо и бокал, 1906 г. Подарок хорунжему В. Науменко

Жители станицы раскололись на два лагеря. Спор нешуточный: "Свиньи, конечно, не виновны, что могила оказалась под ними, а вот мы можем оказаться свиньями..."

В книжке местных журналистов - братьев Харченко и А. Кистерова - в главе "Красный террор" довелось как-то прочесть, что в нашей станице Азовской, на территории действующей свинофермы находится яма-могила 45 станичников, в основном казаков, расстрелянных осенью 1921 года 195-м экспедиционным отрядом.

"Части особого назначения", говоря современным языком, проводили "зачистку". Гражданская война на Кубани уже отгремела, и целью террора было устрашение: навсегда выбить из казаков вольный дух и традиции самоуправления (вот и сегодня эта склонность, мягко говоря, не поощряется: слово "самоуправление" хоть и входит в название районного исполнительного органа, но это лишь камуфляж).

Красный террор в казачьих землях вполне соответствовал методам большевицкой власти. Достаточно вспомнить известное распоряжение главного ее идеолога - Ленина, требовавшего расстрелять как можно больше, как он выразился, "консервативных священников", чтобы "эта публика" больше не могла вредить "борцам за народное счастье". Одним из расстрелянных в Азовской людей стал священник местной церкви. В соседней станице Северной были расстреляны более сотни казаков, нередко вместе с семьями...

Мысль, что на территории свинофермы лежат останки десятков станичников, не дает покоя. Надо сделать все возможное, чтобы найти их и перезахоронить на кладбище, где лежат их предки (а теперь уже - и многие из потомков). А то ведь пройдет еще несколько десятков лет, и уйдет в небытие память о казненных. Между тем, фамилии их - Чайка, Кобыляцкий, Мироненко, Сметана, Волков, Бесмертный, Кабан, Бабенко, Гац, Ежец, Емец и другие - носит половина станичников. Они же начертаны на камне у подножия памятника Воину-Освободителю.

Один из авторов упомянутой книжки, Валерий Харченко, познакомил меня с жителем поселка Ильский Алексеем Григорьевичем Мерчанским, у которого хранится архив уже покойного краеведа Алексея Михайловича Кистерова. Подлинные документы и свидетельства очевидцев дали возможность заняться поисками захоронения.

В Ильском, граничащем с Азовской, живет и внук расстрелянного у той ямы станичного атамана Трофима Максимовича Сметаны - в тот недобрый год ему было 9 лет. Григорий Павлович согласился приехать в станицу.

Выйдя из автомобиля, старик долго и пристально всматривался в полосу свободной земли перед корпусами СТФ, повел взглядом по кромке лесистых гор. Помолчав, сказал с перерывами между фразами:

- Все так изменилось... Свинофермы тогда не было... Речка тоже ушла к горам...

Мы медленно шли вдоль ограды свинарника.
- Вот здесь было старое русло. За ним начиналось возвышенное место. Вот сразу там и была могила. Где-то здесь...
- А от русла до нее было далеко?

- Нет, всего несколько метров.
Важное свидетельство! Значит, могила не под корпусами фермы - до них от старого русла и забора еще несколько десятков метров. Старик стоял, опираясь на кизилевую палку, и вспоминал:

- На второй день после расстрела мать мне сказала: "Сходи, сынок, к деду, он очень любил тебя, ты у него, при случае, с колен не слезал". Я пошел к могиле. Тогда бугор над ней мне был как раз по шейку...

Старик плакал о своем дедушке, погибшем 82 года назад. Если найдем яму-могилу, то первый ком земли при перезахоронении останков на гроб бросит Григорий Павлович. И восстановится разорванная связь времен.

На ферму согласились приехать и Вера Игнатьевна Алефирова, Анна Титовна Мельник, Вера Филипповна Слезка. Старушки в 21-м были еще моложе Гриши. На могиле были, помнят ее, но точного места указать не смогли. Хуже того - их мнения не совпали. Стало понятно, что территория поиска будет большой, хотя границы ее и наметились.

В этих границах были силосные ямы, и грунт неоднократно смещался, землю уплотнила тяжелая техника. Попробуй-ка перерыть полгектара... Впору было задуматься: а по силам ли? Может, как советовали некоторые, поставить памятник где-нибудь поблизости? Но снова тревожил во-

Свиноферма

прос: кто же мы будем, если не сделаем все, чтобы вывозить останки казаков с территории свинарника?

Свиньи не виновны, что могила оказалась под ними, а вот мы можем оказаться свиньями и виноватыми перед памятью погибших. Придут ли родственники к тому памятнику, коли знают, что косточки их родных в другом месте?..

Поколения взаимного озлобления уже ушли в небытие. Но знать свою историю мы должны, знать, к каким несчастьям приводят вражда и жестокость. Одно дело художественная литература или учебники, другое - безыскусные свидетельства очевидцев. Вот пересказ воспоминаний свечдас уже покойного Петра Филипповича Чайки:

Ночью он вышел во двор и увидел три группы станичников, которых вели в сторону Северной под конвоем. За ними ехала подвода с ездовым Николаем Омельченко. Вскоре послышались выстрелы. Петр понял, что орудует отряд карателей, прибывший со стороны станицы Крепостной. Когда подвода вернулась в Совет, он побежал за околицу, увидел холм свежей земли. Наткнулся на кожух деда Сербы, одежду и обувь других расстрелянных. Обреченные разбрасывали их, чтобы родные узнали, где они погибли.

На рассвете к месту казни прибежали люди. Они, как сказал Петр Филиппович, "страшно ревели" и раскапывали голыми руками землю - думали, кто-то мог остаться живым. А, может, и правда земля еще "дышала". Но прискакали конные и разогнали людей.

На другой день станичные власти разрешили огородить могилу, поставить крест. Но через неделю забор и крест убрали, а могилу разровняли, над ней ничего не осталось. Потом здесь посеяли пшеницу. Она выросла высокой, с тяжелыми колосьями, которые склонялись к земле.

Из воспоминаний Веры Игнатьевны Алефировой: "Я сидела утром на печке в хате деда Мироненко, и видела сверху, как прибежала с места расстрела моя бабушка с дочками, все в грязи, побитые назайками. Они сильно кричали и плакали. Дед был писарем в станичном правлении, но мы не были богатыми. И не знаю, за что его расстреляли".

Из воспоминаний Анны Титовны Мельник: "Когда пришли арестовывать казака Емеца (имя Анна Титовна не вспомнила), то собаки не пустили карателей во двор, и хозяин успел убежать. Тогда арестовали его дочку Прасковью. Она была очень красивой девушкой, и один солдат из отряда карателей просил командира не убивать ее. Он сказал, что хочет жениться на ней. Но командир пригрозил и его отправить в яму. Мать девушки часто ходила на могилу и сильно кричала, а через некоторое время сошла с ума и умерла. Наверное, если бы отец знал, что потом произойдет, он бы не стал убежать. Через много лет в станицу пришло от него письмо откуда-то из-за границы. Но я не знаю, ответил ли ему кто-нибудь..."

Анна Титовна назвала карателей экспедиционного отряда просто бандитами. Но это был бандализм особого свойства - когда агрессивность, равнодушие к бедам себе подобных поддерживаются государством, его идеологией, и даже организуются им. Такого рода бандализм сродни эпидемии, в которой гибнут души людей.

Ложь дотянулась и до наших дней. Люди, к кому пришлось обращаться за разрешением на поиски могилы, не соглашались отразить в документе, что карательный отряд был красным, посланным Советской властью.

Странное мнение довелось услышать и от пожилого образованного казака: "Отряд тот был организован бело-зелеными бандитами, чтобы озлобить казаков против Советской власти". А кто же тогда организовал в начале 30-х годов раскулачивание, и из небольшой в то время станицы, как писалось в тогдашних документах, "изъято" было 47 семей - то есть отправлено на гибель в суровые земли? А в 1933 году в результате тотального, под метелочку, изъятия продуктов руками так называемых активистов (которых набирали в основном из лодырей, завистников и прочей дрянью) в станице умерло с голоду почти 200 человек...

Людоедская политика исходила от самого вождя - что, его тоже в Кремль заслали "бело-зеленые" или какого еще иного цвета бандиты? Впрочем, по большому счету, так и было. Сталин был ставленником политических бандитов - которых, правда, сам постепенно и слопал. У этой публики испокон веков так и водится.

Пишу не в укор своим собеседникам. Недавний пресс запу-

гивания и лжи редко кто мог выдержать. До сих пор многие, с кем начинаешь разговор о расстреле 1921 года, отвечают неохотно, а то и отказываются от беседы. Люди еще недавно не только боялись поспешать ту могилу, но и говорить о ней; а если кто и решался сходить помянуть погибших, то тайно. Вот и вышло, что одно поколение не передало другому даже знание того места, где зарыты их предки!..

С середины лета поисками мы занимаемся вместе с атаманом Азовской казачьей общины Дмитрием Ивановичем Франченко. Вряд ли бы удалось начать поиски, не возмись он за дело. Атаман пользуется в станице таким авторитетом, что за разрешением разных общественных проблем люди обращаются к нему, а не в администрацию - хотя и нет у него практически никаких административных и экономических ресурсов. Многие сделал он и для строительства храма.

Атаман обратился к родной тете - Вере Филипповне Слезке, одной из старейших жительниц станицы. И лишь на свиноферме старушка сказала, что среди расстрелянных был отец матери атамана - его дед Филипп Серба.

- Вот как боялись люди! - говорит атаман. - Тетка живет рядом с моей хатой, я прожил всю жизнь в станице, но не слышал ни слова, что ее отец находится в той яме-могиле!..

В архиве А.М. Кистерова есть список из 50 казаков и казачек Азовской, неблагонадежных, с точки зрения Советской власти, составленный не позже 30-х годов. Против фамилий приписано: "муж расстрелян как противник Советской власти, враг, сын - бандит, отец бело-зеленый, брат эмигрировал...". и тому подобное. Напротив фамилии Григория Кочубея написано, что отец его "бандит" и расстрелян (между тем, тот был одним из атаманов станицы). Поверить такому документу - значит, совершенно не представлять уклада жизни и ценностей казачьей общины.

У молодежи же, за редким исключением, особого интереса к тем событиям нет. Для большинства молодых они из числа "преданий старины глубокой", не тревожащих души.

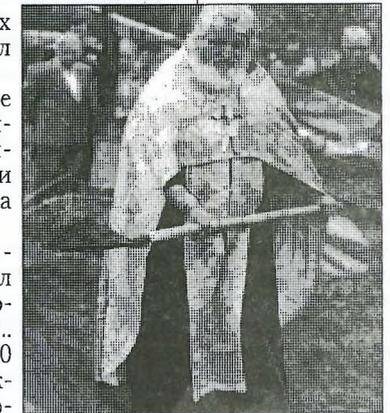
Вообще отношение к поискам могилы очень точно характеризует людей! Один уважаемый работник культуры, сделавший много для станицы, сказал, что лучше этого не делать. Мол, на свете столько зла, что не надо вытаскивать из небытия еще одно. Да и расстрелянные были врагами других сословий, которых порой жестоко эксплуатировали!..

Но забвение не убергает от зла, а ведет к его повторению. И пытавшиеся разрубить узел противоречий жестокостью, насилием, лишь многократно усиливали зло.

Кое-кто в станице так отозвался о поисках: "А на хрена вам все это надо? Мало, что ли, и без того головной боли?" Еще говорили - ничего вы не найдете, все давно на свиноферме перелопачено. Если кому и попадались кости, то их поскорее засыпали, чтобы никто не увидел.

Что ж! Если так - и перелопаченные кости будем искать. В начале хлопот казалось, что для организации поисков достаточно согласия главы администрации сельского округа и руководителей предприятия - собственника свинофермы. Не тут-то было! Потребовалось "высочайшее" разрешение

На территории фермы.
Атаман Д.И. Франченко

районного начальства - и более двух месяцев ходок по кабинетам. Запомнился совет пойти в прокуратуру - мол, найдены неизвестные останки. Заведут дело...

- Но они еще не найдены! - удивились мы. - И мы знаем, где там кости!..

В кабинетах власти нам очень помог атаман Северского районного казачьего общества Виктор Алексеевич Лемешко. А в станице нет лучшего доброжелателя, чем заведующий свинофермой, еще сравнительно молодой, Алексей Подобный.

Но вот разрешение получено. К поискам подключился поисковый отряд "Собор", созданный для перезахоронения останков защитников Отечества. Через 83 года погибших казаков снова причислили к защитникам Отечества!

Утром 10 октября благословить поиски останков казаков на территорию свинофермы пришел священник станичной церкви отец Сергей. В яме, которую мы ищем, находятся и останки станичного священника тех грозных лет - отца Ильи. Сейчас уже никто не помнит его фамилию - разве что осталась запись в церковных архивах?..

Сначала поверхность земли обследовали металлоискателем: у казаков могли быть на одежде пуговицы, пряжки, все они носили кресты. Но детектор подавал голос слишком часто: в земле много всякого лома. Командир отряда Виктор Кондратенко выслушал наши соображения, и ковшом трактора решили рыть ямки - в несколько рядов, в трех метрах друг от друга, глубиной до двух метров.

Дмитрий Иванович выпросил трактор у директора Азовского сельскохозяйственного предприятия на субсидию. Но, чтобы обследовать всю намеченную территорию, дня мало. Чтобы оплатить работу трактора за несколько дней, остается надеяться на помощь людей.

Зима - не подходящее время для раскопок. Но и ждать до весны опасно - на ферме возможны строительные работы...

Недавно я наведлся в Ильский. Григорий Павлович Смелана все так же бодр духом и ясен умом. Как обычно, рассказывал о минувшем. Внуку расстрелянного атамана - 93 года! Я пока не говорил ему про раскопки. Но, когда найдем останки казенных, узнает он об этом в тот же день!..

Господи, помоги и нам, живым, и не упокоенным душам казенных!

В. Булыгин ("Новая газета Кубани")

PS: Когда номер уже был готов, атаман станицы Д.И. Франченко сообщил последние сведения о ходе поисков:

- Почти месяц рыли экскаватором на дворе свинофермы, но останков не нашли. В этом месте было несколько глубоких силосных ям, почву переворачивали... Решили на станичном ходе перенести землю с этого памятного места в центр станицы и поставить там поминальный крест.

Районная власть всячески нам препятствовала, а вот станичники избрали недавно главой нашего сельского поселения заведующего свинофермой казака Алексея Подобного. Случай со свинофермой помог людям увидеть в Алексее Владимировиче то, чего не хватает многим нашим начальникам - уважения к простым людям и памяти предков!..

"Собаки Берии"

3 октября довелось принять участие в перезахоронении праха генерала А.И. Деникина и профессора И.А. Ильина с супругами в некрополе Донского монастыря. У устроителей, слава Богу, хватило в этот раз такта обойтись без красных тряпок. Играли "Преображенский марш", марш "Гренадер" и даже "Коль славен наш Господь в Сионе" (интересно, знали ли устроители, что это официальный гимн РОА и Комитета Освобождения Народов России?)...

А накануне звонят из телекомпании НТВ - с просьбой, в преддверии акции "национального примирения", интервью по некрополю московского храма Всех Святых на Соколе. Не подозревая дурного, я рассказывал об истории Всех-

святого некрополя - ныне лишь небольшая часть Всероссийского Братского военного кладбища (где в годы Великой Отечественной войны 1914-17 гг. похоронены десятки тысяч верных сынов России). Советские власти устроили на его месте парк, построили дома и кинотеатр. С огромным трудом удалось со временем установить кое-где на местах безымянных могил символические надгробия военным, павшим за Отечество и умученным от большевиков. Среди них и два камня с высеченными фамилиями Корнилова, Деникина, Юденича, Врангеля, Колчака, Дроздовского, Кутелова, Краснова, Шкуро, последнего Походного атамана всех казачьих войск генерала Гельмута фон Паннвица.

Белая Русская армия не капитулировала в первой гражданской войне (1917-22 гг.) и не заключала никаких со-

глашений с большевизмом режимом. Участие ее воинов в вооруженной борьбе против сталинской диктатуры - это не "государственная измена": они красному "государству" никогда не присягали и гражданами "Советской России" никогда не были..

Во время разговора к нам вдруг подошел похожий на дрозда молодой человек в черной комиссарской кожанке. И журналист, задававший вопросы, неожиданно заявил: "А вот, кстати, еще один гость нашей программы - не разделяющий, в отличие от Вас, идеалов Белого движения..."

Это оказался Илья Крамник - адвокат, защищающий в судах членов национал-большевизмской партии Лимонова (или, как он сам сообщает о себе в Интернете - член "лево-радикальной организации "Собаки Берии"). Стало ясно, какого "примирения" следует ожидать...

Товарищ Крамник с ходу принялся поливать грязью Белое движение, напирая на то, что "красный террор и сравниться не может с белым террором по жестокости - а уж белые казаки превосходили в жестокости даже самых жестоких неказачков!"

Тут же появился коренастый качок с волосами, собранными в конский хвост и серьгой в ухе - некий Макаров, "заместитель президента национал-сталинистской организации, оказывающей, не против увековечения памяти "истинно русского патриота генерала Деникина", зато решительно против "военных преступников и палачей, немецких прихвостней и нацистов" Краснова и Шкуро, коим "не место на советском церковном кладбище!.."

Умри, Макаров - лучше не скажешь! Невольно вспомнились воспоминания протоиерея о Льва Лебедева об отношении "собак Берии" к православию: "...до 60 человек тащили по земле (летом!) на полозьях огромную бочку с человеческим калом из ближнего лагеря. Содержимое бочки вылили в ров, конвоиры поставили всех у края рва. К каждому подходили с пистолетом, задавая один вопрос: "Бог есть?". Следовал ответ: "Есть!". Выстрел - человек падал в ров с нечистотами, и так все 60!"

Первый же "немецкий прихвостень" - товарищ Ленин, в plombированном вагоне привезенный немцами в Россию и на их денежки разложивший Русскую армию.

С чего бы это, кстати, красная плесень делает исключение для Деникина, милостиво соглашаясь признавать его не "врагом трудового народа", а "русским патриотом"?

Не потому ли, что, как писал атаман Краснов - "Генерал Деникин, быть может, сам того не понимая, работал на разрушение Донского войска, рубил сук, на котором сидел". Не потому ли, что он прервал рейд казаков Мамантова и Шкуро по красным тылам, не желая ни с кем делить лавры победителя? Не потому ли, что бросил под Новороссийском казаков на произвол судьбы, не дав им места на уходивших пароходах?..

Деникин скончался в США за написанием своего "Пути русского офицера" - в тот же год, когда были замучены на Лубянке не сложившие оружия Краснов, Шкуро, Семенов и другие. Их бранные останки покоятся том же, в Донском монастыре - только без креста и надгробия - среди прочих "невостребованных прахов". Кем "невостребованных"??

А сам факт перезахоронения останков Деникина рядом с останками Ильина преисполнен глубочайшей исторической иронии. Профессор Ильин, идеолог Белой эмиграции, писал П.Б.Струве о Деникине: "Признаюсь, для меня стоит вопрос (и не только для меня), надлежит ли еще по-прежнему этому пережившему себя бышему человеку". А в письме П.Н.Врангелю был еще категоричнее: "Деникинищина есть керенищина внутри белого движения!.."

Как бы то ни было, Антон Иванович - все же не Каменев и не Брусилев (что бы тот не писал "в стол" о красных хозяевах). Генерал Деникин даже требовал от американских властей не выдавать Советам русских антикоммунистов, и это многое извиняет.

Но, уверен, недалек день, когда честь воздадут всем белым героям. Как говорится, "собаки лают - караван идет!"

В. Акунов

От редакции: Между прочим, недовольно сыскать далеко не одни лишь маргиналы от политики - но и, с позволения сказать, "деятели культуры". Например, 25 ноября в опубликованной "Газетой" беседе с режиссером А.Аскольдовым (снявшим фильм "Комиссар") тот поведал, что "Деникин был кровавым палачом" (!).

Следы же "Собак Берии" действительно сыскались в Интернете! Правда, как сообщает содержатель странички И.Крамник (оно же - "erwin_langman", оно же - "red_bloodhound") - "наименование сообщества изменено. "Псы государевы" представляется более адекватным..." Желющие могут глянуть - прелюбопытнейшее явление с точки зрения околосудебной психиатрии!..

Записки очевидца

Антон Иванович, однако, родился 4 декабря (по старому стилю). И ведь никто этого до сих пор не заметил!

Когда останки генерала извлекали на Свято-Владимирском кладбище в Касвилле, в кадре по ТВ были ветераны РОА. И диктор говорит - от таких соседей, "предателей родины", генералу и надо вернуться в Россию! Но на территории Донского кладбища как раз находится прах генерала Власова и других, по версии ТВ, "предателей" - Шкуро, Краснова, Семенова. Как сжигали в его крематории тела и других "предателей" - расстрелянных коммунистов и красных генералов...

В попытке сотворить новый миф о "генерале-патриоте" и "национальном примирении" Деникина стараются показывать избирательно - лишь лояльного Совдепии. Письмо его командующему оккупационными силами США в Германии Д.Эйзенхауэру (от 31.01.1946 г.), с требованием прекратить выдачу казаков и власовцев в лапы НКВД, или аналогичные обращения в Конгресс США не упоминают!

...Четыре гроба красного дерева стоят в храме. Гроб Антона Ивановича покрыт нашим флагом. Зажигаются свечи одна от другой, воск капает на церковный пол... Атмосфера нереальности происходящего! На руках гробы поплыли к могилам. Офицер несёт темную старую шашку генерала. За ним - ордена, попарно на подушечках...

Погода была торжественно праздничной. Когда отпевали, с самого высокого дерева у монастырской стены посыпались мелкие листочки. Отзвучали залпы салюта...

Давайте не будем в данный момент выяснять, кто больше любил свою несчастную Родину, у кого больше жизненных ошибок. Они теперь в русской земле. Люди, на ней живущие, меняются, а земля... Земля - та же.

Упокой, Господи, Души раб Твоих: Антона, Ксении, Ивана, Натальи - в селениях праведных!

Запомнилась и служба в соборе Свято-Донского монастыря, и сама процедура перезахоронения. Очень всё торжественно и печально. Служил панихиду сам Патриарх.

Перед похоронами - церемония заложения памятного камня на месте будущей часовни и мемориала. Говорили о примирении - только не очень понятно, кого с кем (а тут еще кто-то позвонил, обьявив о заминировании). Сыграли, как всегда, гимн Советского Союза...

Вход по пропускам и отдельным спискам. Для кого-то простое любопытство, для кого работа, а многие пришли по зову сердца - для кого не служба России, а служение. Бросалось в глаза множество папах и фуражек, различных нашивок-шевროнов. Чинов военно-исторических клубов и объединений, вместе с казаками, пресса тут же обозвала привычно - "ряженными".

И ещё: едва ли не самой расхожей похвалой генералу Деникину звучало - "он не помогал фашистам". Кому это? Муссолини? Германия, как известно, была национал-социалистическая. И кто ему чего предлагал - на восьмом-то десятке лет жизни? Военная тайна. В русской же военной эмиграции он большим авторитетом не пользовался...

Кажется, про генерала столько писано всего, и хорошего, и плохого. А путаницы еще хоть отбавляй! Вот в некоей "казачьей" (?) газете "Преображение" главный редактор, сталинист (и по совместительству - "председатель Объединения Журналистов Казачества"), пишет: "А.И.Деникина, врага советской власти, оказавшегося на территории, освобожденной Красной Армией, не повесили, как Краснова и Власова, потому как он ничем не запятнал своё честное имя патриота России". Вот не знал, что Красная Армия в 45-м "освободила" Францию - спасибо, мил-человек, просветил! В ноябре того же года Деникин уехал в США - то-то от радости "освобождения" забыл, где его заботливые ребята из НКВД дожидались...

И ещё ошибка. На деревянном кресте, установленном над могилой генерала, стоят даты: "15.VII.1872 - 07.VIII.1947".

Об употреблении казаками в качестве самоназвания слова "казара"

Из истории известно о существовании в древности могущественного государства под названием Хазарский каганат, традиционно датируемого VI-X веками - хотя некоторые ученые выдвигают более смелые предположения о последней дате. *"Нет сомнений, что в сильно сузившихся границах оно (т.е. Хазарское государство - Н.Г.) продержалось еще как минимум 200 лет, то есть до середины XII в., а возможно - хотя и более сомнительно - до середины XIII в."* - пишет, например, А. Кестлер ("Тринадцатое колесо. Крушение империи хазар и ее наследие").

До недавнего времени происхождение хазар, именуемых в славянских документах *казарами* (*козарями*), представлялось загадкой. Сложность поиска корней хазарской культуры в том, что ни один из современных народов не считает себя их потомками. Сегодня практически все исследователи, основываясь на сведениях арабских авторов об употреблении хазарами тюркского языка, пришли к мнению, что хазары являлись одним из тюркских племен.

Истории Хазарии посвящено не так уж мало книг, но чаще всего они посвящены обращению части хазар в иудаизм и их последующей судьбе. Однако, согласно свидетельствам арабских авторов, хазары-иудеи были религиозным меньшинством. Крупнейшими религиозными группами в Хазарии являлись христиане и мусульмане. Аль-Масуди: *"Если бы мусульмане и христиане вошли бы в оглашение, царь не имел бы средств [противостоять им]"*.

В отношении хазар-иудеев существует мнение, что они, мигрировав с приволжских земель на Запад, осели на Украине и в Польше, образовав многочисленные еврейские поселения. Но куда же делась оставшаяся, и при том бо'льшая часть хазар? Даже несмотря на все войны, многочисленное население Хазарии не могло бесследно сгнуться. Неужели бежавшие хазары-иудеи - единственное живое свидетельство существования Хазарского каганата?

Приводимый ниже материал - это попытка пролить свет на судьбу неиудейской части жителей Хазарии.

Мнение о родстве летописных *казар* и *казак* высказывались давно. Ему следовали многие ученые XVII-XVIII веков. Знаменитый архиепископ Белорусский Георгий (Кониский) в "История русов или Малой России" в конце XVIII века писал: *"Воины сии ... переименованы от царя греческого Константина Мономаха из Козар - Козаками, и таковое название навсегда уже у них осталось"*. Но подтверждений в обосновании этого мнения на происхождение казаков выдвинуто не было. Единственно, чем обосновывалась связь казаков с хазарами - это близость слов *казак*/козаки и *казары*/козары.

Отсутствие серьезной аргументации дало повод противникам этой теории совсем отказаться от всестороннего анализа выдвинутого предположения. На смену поискам исторических предков казаков пришла теория об их происхождении от беглых крепостных. Между тем, обращение к казачьей этнографии дает весьма интересный материал.

Важный аргумент при этом - что до сих пор в обиходном языке казаков старейших общин присутствуют в качестве самоназвания слова, которым летописи и другие старые документы именуют хазар.

На Яике (совр. Урал) хорошо известно слово *казара*, - как этноним, наряду с собственно *казак* (в отличие от этнонима *русские*, который до недавнего времени вовсе не был распространен среди казаков). В уникальном "Словаре говора уральских (яицких) казаков" под редакцией Н.И. Малечи говорится: *"КАЗАРА, казарра, -рре, собир., иногда шуточно или пренебреж., - уральские казаки"*.

И примеры употребления этого слова: *"Што это мужики обиждаются, кода их музланам дразнят? Нас вон назовут казарой да еще мокржопой, а нам, мотри, вроде как-то приятно. Скв. Горяченныи вы, казара! - Что делать? Быват! "Уралей", 1898, № 46. Казарра - ча сделаешь? Батенька ррадимый! Вот она де порода-то рразинска! Вот де! Ур. Иногда сами казаки говорили про себя: все вот сами наделали казара. Оз. Казара за Родину погибнуть готовы были. Казара, особенно уральцы, дисциплинисты были. Чап. М/с. - Буд., Куш., Инд., Сер."* Интересно, что последний пример наглядно показывает уверенность яицких ка-

заков, что именем *казара* называются все вообще казаки!

Как эквивалент слову *казак* слово *казара* знало и население соседних губерний. Использовал его и Дмитрий Фурманов, костромской крестьянин по происхождению, не знакомый с культурой региона до гражданской войны, в романе "Чапаев" (1923 г.).

В годы советской власти слово *казара* использовалось на Яике в качестве брани по отношению к казакам. Нестор Малеча отмечал по этому поводу: *"Употр. неказаками (иногородними) как бранное слово, обычно с прибавлением эпитета "проклятая" и т.п."* Показательны и приводимые им примеры: *"Казара проклята, на говне распята! (фольк.). Ур. А иногородни отвечали: "У-у, казара уральска!" Сер. Ах вы, казара проклята, только бы драться вам, бить всех! УВВ, 1871, № 42"*. Не правда ли, довольно выразительно?

Жители кубанских станиц, в основном бывшего Черноморского Войска, употребляют слово *козарлюга* (эквивалентное *казачина*), означающего удалого казака, молодца, и обычно употребляемого в сочетании с "матерый", "ширый". Факт этот хорошо известен и тоже зафиксирован в литературе. На его раннее употребление еще запорожцами указывает наличие этого слова в казачьем фольклоре XVIII века. Так, в песне, повествующей о разгроме Екатериной II Запорожской Сичи, поется: *"Васюринский козарлюга та пье в корчми, гуляе, Свого пана кошового батьком называе"*.

Несколько хуже обстоит дело с донцами. У А.В. Миртова ("Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков", 1929 г.) отмечено слово *казарно*, с пометой аналогичной той, что поставил в своем словаре Малеча - *"собир. пренебр."*, "о казаках". В недавнем изданном "Большом толковом словаре донского казачества", составленном по материалам последних лет, ни самого слова *казара*, ни его производных *"при сборах при подготовке этого словаря обнаружено не было"*.

Однако по устному сообщению ряда информаторов - донских казаков на Дону (по крайней мере, раньше) все-таки употреблялось слово *казарлюга*, с таким же смыслом, как и запорожцами. С уверенностью нельзя сказать, самостоятельно ли оно для Дона, или это - результат влияния запорожцев. Но все-таки пример с *казарно* указывает на бытование и среди донцов исходного слова *казара*.

Стоит заметить, что большинство опрошенных высказались отрицательно к идее происхождения или какой-то связи казаков с хазарами, считая хазар иудеями, а Хазарский каганат враждебным государством. Но нетрудно заметить, что это есть лишь сформированный в последнее время на основе научных (и не только) изысканий образ. В таких условиях продолжающееся до настоящего времени бытование слов *казара* и *козарлюга* говорит об исконном наличии этих слов в казачьем лексиконе.

На древность употребления казаками этнонима *казара* указывает и то обстоятельство, что он был широко распространен на обоих полюсах первоначального ареала казачьего расселения - Днепра на западе и Яика на востоке. И ввиду большой удаленности этих двух казачьих Войск друг от друга (к чему следует добавить изоляцию Яицкого Войска после "опустения" берегов Волги в конце XVII века), а также существенных различий в их культуре, говорить о влиянии какой-то одной группы на другую почти не приходится.

Интересно, что яицкое *казара* стоит во множественном числе - именно поэтому Н. Малеча сделал отметку *"собира-тельное"*. Это заставляет задуматься о том, какова же была форма единственного числа? Никогда она не употребляется в разговорной речи. Как было раньше, сказать сложно, ведь в письменных источниках она не зафиксирована.

Итак, сделанные выше наблюдения этнографического характера говорят о древности этнонима *казара* и об исконности его применения по отношению к казакам. Как для казаков старейших казачьих общин, так и для окружавших их народов слова *казак* и *казара* были равнозначны.

Но, несмотря на столь интересные этнографические данные, вопросу о соотношении летописных *казар* и казачьей *казары* не уделено никакого внимания - ни в исследованиях по Хазарскому каганату, ни по казачеству. Насколько мне известно, ни одна статья, пусть даже критическая, отно-

сительно происхождения в казачьем лексиконе и самого этого своеобразного этнонима, и производных от него, не появлялась. На фоне повышения интереса к истории казар, и казаков такое положение вещей вызывает недоумение.

Вероятно, сталкиваясь с такими словами, находящимися в употреблении у казаков, ученые приходят в замешательство, и вот от чего. Все имена и названия, производные от летописного имени казар, сегодня однозначно связываются с хазарами. В Восточной Европе, например, существуют поселения Казара, Козаров, Козаржевск и т.д., основателями которых считаются хазары: *"На Украине и в Польше очень много древних топонимов, происходящих от слов "хазар" и "жид" (еврей): Жидово, Козаржевск, Козара, Козаров, Жидовска Воля, Жидадице и т.д. Некогда это были, наверное, деревни или временные лагеря хазарско-еврейских переселенцев на Запад"* (Кестлер А., "Тринадцатое колено...").

При этом на саму связь казаков с хазарами есть прямые указания самих казаков. А.И.Ригельман в своей "Истории о донских казаках" критикует одно из них: *"Сия сказка (рассказы казаков о начале Донского Войска - Н.Г.) точно весьма подобна басням Сечевских, то есть Запорожских, Козаков, как они о себе объявляли, что будто б и их войско начало свое возымело чрез вышедшего из Польши некоего человека, именем Семена, роду Казарского"*.

К тому же наблюдается и территориальное соответствие районов проживания казаков той территории, которую занимал древний Хазарский каганат. И тут обнаруживаются хронологические противоречия, из-за существующей в истории временной лакуны. Ведь конец Хазарского каганата традиционно относят к X веку, иногда к XII и даже XIII веку. Но и столь поздняя датировка не спасает, т.к. появление в летописях слова *казак* относится лишь к XV веку (отметим здесь и другую временную лакуну - на этот

раз применительно к запорожским казакам. Хорошо известно, что запорожского казака отличала длинная прядь волос на голове - *оселедец*. Но также хорошо известно, что оселедцы носили киевский князь Святослав Игоревич и его дружинники. Временной разрыв между этими двумя примерами - такой же, как и в нашем случае, 500 лет).

Видно, все эти обстоятельства основательно смущают исследователей, раз до сих пор не только вопрос о явной связи казаков с хазарами старательно обходился стороной, но даже и сам по себе вопрос о судьбе хазар-христиан и хазар-мусульман после распада Хазарского каганата.

Основной фактор, заставляющий прекращать всякое изучение ранней истории казаков - все еще довлеющая с XVIII века над умами басня о беглохолопском их происхождении. Хотя имеющиеся в настоящее время сведения показывают, что многие казаки (по крайней мере, трех старейших общин) - потомки жителей Хазарии, того самого бесследно исчезнувшего из официальной истории христианско-мусульманского большинства хазар.

Во избежание кривотолков, замечу, что Хазарский каганат был многонациональным государством, в него входили не одни только хазары. С течением времени подданные народы могли принять на себя имя хазар, что могло особо проявиться при контактах с внешним миром. Но даже относительно самих хазар можно привести такое свидетельство Истахри: *"Хазары... разделяются на два разряда, один называется кара-хазар, они смуглы так сильно, что их смуглота отдает в чернь, они словно какой-либо разряд из Индии. Другой разряд - белые, красивые и совершенные по внешнему виду"*. Но исследование происхождения народов, населявших Хазарию, уже выходит за рамки настоящей статьи.

Н. Гостев

*"Я-то гусь, а за мной придёт лебедь" - Ян Гус
"Я не ворон, а воронёнок, а ворон-то летает"*
- Емельян Пугачёв

В ряде трудов по истории казачества (к примеру, "Казачьи войска. Краткая хроника возникновения казаков и образования казачьих войск", 1912 г.) говорится о происхождении слова *"казак"* от *"каз"* - турецко-татарского *"гусь"*. *"Каз-ак"*, таким образом, в переводе с тюркских языков - *"гусь белый"* или *"лебедь белый"* (вспомним и гуся-казарку - уральские казаки называют её *"казара"*, как и себя самих!).

Это определение и верно, и нет (материалы о тюркских корнях *"qaz"* дают иной перевод). А то, что собрано ниже - всего лишь попытка выяснить: могло ли так быть?..

Раскроем знаменитую книгу 1778 года - *"Историю или повествование о Донских Казаках, отколь и когда они начало своё имеют, и в какое время и из каких людей на Дону поселились, <...> из многих вернейших российских и иностранных историков, летописей, древних дворцовых записок и из журнала Петра Великого через труды Инженер-Генерал-Майора и Кавалера Александра Ригельмана"* - обратив внимание на один из эпизодов участия донских казаков во взятии Казани.

Казаки узнают, что московский царь Иван Васильевич в течение семи лет ведёт войну с татарами, желая взять Казань. *"Атаман послал от себя некоторую часть Козаков своих к устью реки Дона и велел тамо, настрелявши довольно число птиц баб, коих там находилось весьма многожественно, привезть великое количество перьев их"*.

Хотя этот отрывок часто цитируется историками, стоит еще раз внимательно прочитать в текст.

Казаки те жили где-то по Дону, у границ Московского государства (в Червлёном Яре?). Атаман послал их к устью реки. Войско готовится к походу, а часть его отсылается за чем-то за какими-то перьями - и по тексту чувствуется, что отсылается не близко. К Таганрогскому заливу? Но про Азов ни слова - видно, мимо не проходили.

А если взглянуть на эту историю под другим углом? Взглянем на старые карты Рязанской губернии. По ее территории Дон, с притоком Воронеж, протекал более 80 вёрст, а в Великом Княжестве Рязанском и того более! Но ведь на Рязанщине - исток, а в тексте у Ригельмана - устье?..

Возьмём энциклопедию: *"Устье - место впадения реки в море, озеро или дру-*

"Гуси-лебеди"

гую реку". Кстати, местонахождение Червлёного Яра, одного из мест проживания пра-казаков, в точности не установлено. В "Казачьем словаре-справочнике" указывается, что так называли реку Воронеж (опять границы Рязанщины). А.В.Миртов в своей работе ("Донской словарь: Материалы к изучению лексики донских казаков") постоянно подчёркивает несомненную связь говоров верхне-донских казаков с Рязанью. О рязанских казаках нет надобности писать - их упоминают часто.

В церковно-славянском слове *"устие"* - *"берег, край, отверстие, углубление"*, производное от *"уста"*. Где устье сабли или меча? Место, где клинок переходит в гарду? А вот в том же церковно-славянском слове: *устие меча - острие меча*. Наконец, словарь В.Даля: устье ружья - дуло. И главное: *устье реки - исток!*.

Верстах в 50-ти от Дона находится город Скопин, под которым находились многочисленные казачьи слободки. Позже здесь образована была Засечная черта - от Шацка до Скопина, где несли службу казаки. В церковно-славянском слове за 1900 год читаем: *"Скопин - город в Рязанской губернии, назван так от водящейся здесь птицы скопы, которая изображена в гербе города"*. Значит, это место славилось своими птичьими базарами.

Скопа (или Рыболов) - птица отряда соколообразных. Но читаем далее у Ригельмана: *"На другой же день, подняв святые иконы и навесив на концы пик пышные крылья птиц баб, двинулись к стенам Казани... Их строй имел подобие леса, вершины дерев которого были покрыты снегом..."* Снегом! Значит, птицы были большими и белыми. Это не соколы! Да и на старом гербе Скопина - большая белая птица с пышными крыльями (в отличие от современного, на котором действительно сокол)...

Можно предположить, что в описываемом Ригельманом эпизоде мы имеем дело с пережиточной формой локального тотемизма, когда от птицы-предка ведёт происхождение группа людей, связанная уже не по родству, а лишь территориально. Перья белоснежных крыльев птиц передавалась у тех казаков, как драгоценная память от предков!

Что за птицы-бабы у Ригельмана? В старом энциклопедическом словаре

старый и новый гербы г. Скопин

Брэма находим: "Пеликан или птица-баба. На юге её зовут бабурой..." В России известны два вида - Розовая баба-птица (водится по берегам Чёрного, Каспийского и Аральского морей) и Серая (у Чёрного и Каспийского), покрупнее. В известной книге О. Сулейменова взгляд цепляется строками: "Если русских обозначают - соколы, то степняков - гуси и лебеди. В "Задонщине": "Тогда гуси возгоготаша на речку на Мечи, лебеди крылы всплескаша. Ни гуси возгоготаша, во поганый Мамай на Русскую землю пришел, а выводы своя привел" (Список И-1). "Уже бо те соколы и кречеты за Дон борзо перелетели и ударились о многие стада гусиные и лебединые. То ти наехали рустиие сынове на сильную рать татарскую".

Параллель половцы - лебеди у автора "Слова" не вызывает возражения. Все, что имеет какое-то отношение к половцам, часто несет в поэме четкий знак лебедей. И сразу понятным становится описание, где половцы "побегоша к Дону великому", и "крычать телеги полнощью, рыц лебеди ропущени". Скрип половецких телег, плеск колес по болотинам, хлопанье на ветру полотняных палаток, вскрики женщин и детей напоминают автору лебединый всполох.

В некоторых былинах мать Тугарина сравнивается с "лебедью белой". Половецкие воины, возвращаясь с неудачного набега, прихватывали подвернувшихся ребятишек - вот и разгадка многочисленных сказок под общим названием "Гуси-лебеди".

"Соколы" в конечном счете одолели "лебедей" - и, как пишется в Церковно-славянском словаре за 1900 год: "половцы постепенно слились с славянами и венграми". Но память народная хранит теперь уже предания - что и видно в истории с гербом-тотемом, украшением себя перед битвой лебедиными перьями-оберегами... Половцам, несторианам-христианам, носимые кресты ничуть не мешали почитать гусей-лебедей.

Прибавим и свидетельства француза Шарля-Луи Лесюра в книге "Histoire des Cosaques" (1814 г.): "из первых рук" - от казаков, пришедших в Париж. Красной нитью у него проходит, что предками казаков были половцы, что после монгольского нашествия эта категория населения - профессиональных воинов - не могла исчезнуть навсегда и внезапно. "По чертам, нравам и привычкам, казаки более татары, чем русские, а конституции донских и днепровских казаков делала их, как бы отдельной нацией" - заключает француз.

Но нас интересует, прежде всего, Юг нынешней России. В половецком словаре (1303 год) значение слова "казак" - "сторож, воин" (вымерший язык известен по находке в библиотеке поэта Петрарки в середине XIX века латино-половецко-персидского словаря). Наши предки дружили с половецкими ханами, женились на "красных девках половецких", принимали крещёных половцев в свою среду - и стали потомки запорожскими и слободскими казаками, сменив традиционный славянский суффикс принадлежности "-ов" на тюркский "-енко".

Лебедь - древний тотем половцев-куман ("кумане рекше половцы"). "Кум" на половецком - "лебедь". В упоминаемой выше книге Сулейменова спрашивается: "Почему обидя половецкая машет лебедиными крыльями?"

У Е.Д. Федюкина ("Склока о полку Игореве") находим эпизод о походе хана Боняка (1097 год) из "Повести временных лет": "Существует птица, которая отождествляется в "Слове" со всеми половцами. Читаем: "Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая - галлицы стады бегать к Дону великому". Перевод: "Не буря соколами понеслась чрез поля широкие - галки стадами бегут к Дону Великому". Сумаруков считает, что галка (галлица) - тотем хана-объединителя Кончака. А вот другие тотемы: лебедь, гусь, ворон, сокола, дятел, соловей, змей (полз). Восточные источники называли половецкое Поле "Лебединью". Собственно говоря, "кумане" в буквальном переводе и значит "лебеди"...

Г.В. Сумаруков ("Кто есть кто в "Слове о полку Игореве") "вычислил", что тотем хана Гза - гусь, а тотем его сына Романа Гзича - лебедь. Но отец и сын, принадлежат к одному роду, должны иметь общий тотем! Впрочем, и гуси, и лебеди, и утки - общий подотряд гусеобразных. Вероятно, к концу XII века половецкие тотемы утратили мистический смысл и превратились в эмблемы орд.

В личном архиве интересовавшегося этой темой донского

генерала Терентия Михайловича Старикова (ГАРФ) есть черновые выписки: "Угры передеижаются к Западу от Дона и оседают около 830 года в местности, называющаяся Лебедья... между Доном и Днепром ("Известия о хазарах, славянах и руссах Ибн-Даста", СПб. 1868 г.).

Арабские географы говорят о восточных и западных Башкирах-маджарах... Около 884 года одна часть Мадьярского племени с восточными печенегами выселилась из вышеупомянутой страны (варианты: Лебеденск, Лебедьянь, по имени тогдашнего славного их начальника Лебедея)".

Предки мадьяр лет 200 жили в верхьях Дона, на Куме и Подкумке (Кубань). Н.М. Карамзин, ссылаясь на путешественника XIII в. Рубруквиса, писал, что "между Волгой и Доном в домонгольские времена бродят русские (называли их бродниками), явившиеся предшественниками донских казаков, аланские, башкирские и венгерские (?) разбойники. Между тем, как указывали арабские путешественники X-XIV вв., в степях Северного Кавказа и сопредельных территорий обитали в основном куманы-маджары".

Профессор Йельского университета Г.В. Вернадский, сын знаменитого академика, сообщает, что Константин Багрянородный называл страну, занятую мадьярами, "Лебедией" (о связи мадьяр-маджар с мещерой, мещерскими казаками уже писалось в "Станице"). Далее узнаём, что "мадьярская орда состояла из семи кланов (ogus). Первого воеводу звали Лебеdias. Можно предположить, что это не личное имя, а название клана... Liba значит "гусь" по старо-венгерски".

Добавим общеизвестное - большая часть куман, откочевав на запад, влилась в будущий венгерский народ. Общий язык хунну-хунгар в корне - древнетюркский и близок к половецкому.

Н.М. Карамзин, ссылаясь на путешественника XIII в. Рубруквиса, писал: "Между Волгой и Доном в домонгольские времена бродят русские (называли их бродниками - Н.К.), явившиеся предшественниками донских казаков, аланские, башкирские и венгерские (?) - Н.К.) разбойники. Между тем, как указывали арабские путешественники X-XIV вв., в степях Северного Кавказа и сопредельных территорий обитали в основном куманы-маджары".

"Следует упомянуть следующие названия южнорусских местностей и рек, поскольку некоторые из них сохраняют память о древней Лебедии: Лебедин, деревня в Шигиринском уезде Киевской губернии; Лебедин в Браславской губернии (записано в 16 веке); Лебедин в Харьковской губернии; Лебедьянь в Тамбовской губернии; река Лыбедь, впадающая в Днепр под Киевом; две реки с таким же названием соответственно в Черниговской и Рязанской губерниях (параллель: Киев - река Лыбедь и Угорское место. Рязань стоит на реках Лыбедь, Дунаевец и место Мещерское...). Примечательно, что первый в перечне Лебедин находится недалеко от истока реки Ингул, а Константин упоминает реку Чингилус в Лебедии, которая могла обозначать либо Ингул, либо Ингулец. В дополнении к названию Лебедии в топонимике можно обнаружить следы племенного названия мадьяр (угры). Так, около древнего Киева было место, известное как Угорское. В "Книге Большому Чертежу" упоминается река Угрин, приток реки Уда, которая, в свою очередь, является притоком Донца. Один из притоков Оки также называется Угра" (Г.В. Вернадский).

А другой - Гусь... И таких географических якобы "совпадений" немало! Здесь же припомним: по мнению этнографов, русский женский головной убор "кика" (кичка) - по форме напоминает птицу, а его название происходит от названия лебединого кика ("кикать" - кликать, кричать). И "кичка" - это ещё и старинный головной убор женщин-казачек (см. у того же Ригельмана).

Предоставим слово историку казачества Савельеву: "Хотя слово "казак" есть собственное имя огромного народа, но оно очень давно сделалось уже нарицательным и притом имеет правильное производство от известного корня. Как нарицательное в восточнотурецких языках оно означает - бесприютный, скитающийся, никому не подвластный, вольный... Как производное оно происходит от "каз" - гусь и значит гусак - "свободный, как дикий гусь", говорят турки. Название черкесов, которые сами себя именуют "адигами", происходит от персидского слова "серкеш", испорченного грубыми устами горцев, и тоже значит - "неподвластный, бунтующий, вольный"...

Венгеро-славянское: гуса, гусар - "свободный всадник,

бродяга, разбойник", происшедшее от слова гус (гусь), с его производными - "гусарити", т.е. разбойничать на море, "гусарица" - разбойничья лодка, и т.д".

По Савельеву, это все разные наименования одного и того же сословия - потому донские и малороссийские казаки и звались попеременно черкасами, казаками, вольничей и даже (как новосербские их товарищи) - гусарами. Здесь мы подходим к ещё одной загадке, и озглавим её:

Гусары и казаки

Во многих современных источниках (видимо, основанных на данных энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона) сказано: "Гусар" - от венгерского *Huszar*. *Husz* - 20, *ar* - жалование (производное от "гусь" кажется авторам слишком очевидным?..) От каждых двадцати дворян-мадьяр выбирались один в конное войско, остальные 19 должны были оплачивать содержание призванного и его военных помощников. Именно из Венгрии (*Magyar Orszag* - "страна мадьяр", по-славянски Угрия) гусарская кавалерия распространилась на соседние страны, в первую очередь Польшу. В металлических крыльях знаменитых польских гусар использовались в первую очередь гусиные перья, а затем уже и орлиные.

В Польше и Литве к тяжёлой кавалерии относились *гусары* и *панцирные*, только в Литве они назывались *петигорцы* (невольно приходят на ум пятагорские казаки-черкасы!). Впрочем, в Польше лёгкая кавалерия были казаки, а в Литве татары-улань. Картограф Гийом де Боплан, в XVII веке живший на Украине, пишет: "Гусары, служащие в качестве улан..." (История Украины, 1651 г.).

Подобная система существовала и в пограничной службе ("Обороне Поточной") *Rzeczpospolita*, где "гусары" (хорваты и венгры) и "козаки" (украинцы) были выборными воинами от 10 дворов. Так и на Руси "сторожи" и "станции" комплектовались из числа мелкопоместных дворян ("детей боярских"), посадских людей приграничных городов и казаков.

Вспомним тут, кстати, пресловутую *десятину* в Орду (или, иначе - "дань кровью"). Забираемые в Орду русские юноши, как и молодые люди других покорённых народов, использовались для охраны степных границ, несения ямской службы и т.д.

Ещё Батый, согласно Никоновской летописи, у рязанцев "...*требуя себе десятой части во всем: в князьях, и в людях, и в доспехах, и в конях*". Возьмём в руки "Четьи-минеи", где в житии Александра Невского пишется, что хан "освободил [князя Александра] от тяжелой обязанности нести военную службу в татарских полках".

Сопоставив корни - казаки-гусары, хунгары-хусцары - подумаем, почему именно с венгерскими гусарами сравнивал в своё время казаков генерал-адъютант Винценгероде (гессенский немец) в 1812 году ("Привыкли всегда считать венгерскую конницу первой в мире, я должен отдать преимущество казакам и перед венгерскими гусарами").

Реки на Кубани - Кума и Подкумок, и именно там, где жили мадьяры. Шапка у польских гусар называлась - "магерка". У кавказских горцев большим спросом пользовалось "Белое оружие" с клеймами под общим названием "гусар". В Полном Церковно-Славянском словаре, в толковании слова "сабля" указано: тоже, что "палаш". У Фасмера в словаре разъяснение: палаш - "прямой клинок... является венгерское *pallas* - то же; от турецкого *rala*" (меч, кинжал). "Сабля" - за источник принимают венгерское *szablya* (от *szabni* - "резать"). С какого боку ни посмотреть, - всюду мадьяры-мадьяры с куманами!

У венгров встречается фамилия Маджар (*Madzсар*). В приказах по Кубанскому Войску за 1919 год сразу на одном листе напечатано: "есаул Мажарь, кандидат в члены Думы, кавалер ордена Крест Спасения Кубани" 1-й степени" и "сотник Фёдор Потапович Мажара, Член Кубанской Законодательной Рады".

И почему в свое время малороссийских каза-

ков переводили именно в гусары? В 1651-1765 гг. слободские казацкие полки (Сумской, Изюмский, Ахтырский, Харьковский, Острогожский) переформированы были в гусарские - хотя, кажется, логичнее бы в уланские (лёгкая кавалерия, тюркского происхождения, кстаны). В 1634 году первую роту русских гусар (тоже с гусиными крыльями!) возглавил, кстати, князь Мещерский!..

Свою толику вносит В.И. Даль, толкуя гусар от клика *hussa* (ура?) и далее - "легковооружённый воин, в венгерской одежде; как и казаками называют служителей, по-казацки одетых... Гусарить - молодецествовать".

В словаре древнерусского языка "гусар" - тот, кто пасёт гусей (или, может, стоит над "гусями", т.е. главный над родом-племенем?). Вот и Ригельман пишет - перед походом атаман взял белые перья и "сими перьями убрал он поверх одежды, с головы и до ног, войско своё, и так пышно, что каждый человек представлялся увеличившим страшищем...". Казаки украшают себя перьями, как будущие гусары!

У гусар крылья лебедя или дикого гуся крепились к копьям, к щитам и т.д. И это не просто пережитки тотемизма, здесь и боевая выгода: в первую очередь они доставляли хлопоты лошадям противника.

На западной гравюре 1551 года изображен всадник в татарском платье, с луком и перьями за спиной. Гравюра называется *Cirka* - надо ли разъяснять кто такие *чи(е)ркасы*?..

Версия имеет место быть, как к ней не относиться. По-венгерски "hus" - "гусь". И "казак" некоторые производят от "каз" - "гусь". Гуся-казарку уральские казаки называют "казара", как и себя самих. Куманы, гусары, казаки... И тут не просто "совпаение", если таких "совпадений" - десятки! Вот и будущему "князю Сибирскому" Ермаку путь за Урал указали... всё те же лебеди!

"Взял однажды мальчик Васютка (будущий атаман Ермак) три яйца из гнезда погибшей лебедихи и подложил их дома под гусыню. Она-то и высидела лебедят, они потом до самой Ермаковой смерти дарили ему удачу: и на россъсти драгоценных самоцветов находили, и путь в Сибирь указали... Вовеки бы ему в сибирскую воду проход не найти, кабы лебеди не пособили". Народный сказ, записанный П.П.Бажовым, так и назывался - "Ермаковы Лебеди".

И, быть может, на известной картине художника К.Васильева персонажи - богатырь Дунай, поляница-княжна (в сказаниях царевна эта известна под разными именами, вплоть до Лебеди Белой. В одной из былин эту "дочь неверного царя" Дунай спрашивает: "Из какой ты орды?") и лебединые крылья вовсе не случайно соединились?..

А. Азаренков

PS: Запорожцы, да и донцы прежде называли себя "черкасами". Происхождение слова точно не известно. Историк Василий Татищев почему-то считал, что они пришли из египетского города Чиркас и говорили на смеси татарского с египетским (!). Скорее, слово "черкас" - тюркского происхождения, и изначально указывало на часть народа Каз (касов), кочевавшую в Причерноморье до монгольского нашествия. Со временем "казаками" стали называть не только черкасов, но профессиональных воинов-наемников вообще, даже вольнонаемных работников.

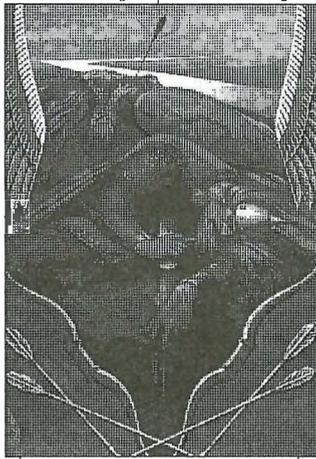
Г.В.Вернадский пишет: "Название черкас является сокращением от Чахар-Кас. Чахар по-персидски означает "четыре". Отсюда Чахар-Кас значит "четыре касса", или "четыре рода касов". Необходимо отметить, что черкесы, как и аланы, считались первоклассными воинами. Военные соединения этих двух народов монгольские ханы во многих случаях брали или нанимали в качестве собственной охраны. Черкесские солдаты, вероятно, не смешивались с монголами и тюрками в монгольских армиях, а формировали собственные самостоятельные сообщества, своего рода военные братства. Позже название Кас, по-видимому, стало также употребляться и в отношении подобных братств среди поселенцев приграничных зон тюркского, русского и украинского происхождения".

Средневековая гравюра - всадник-степняк с крыльями; подпись - "Circa".

Русский гусар, 1678 г.

Картина К.Васильева

из истории Терских станиц:

В начале 30-х годов XIX века на Кавказ прибыли два Малороссийских полка, личный состав которых был зачислен в Кавказское линейное казачье войско и поселен вдоль дороги Екатериноград - Владикавказ. Так были образованы станицы Архонская, Ардонская, Николаевская, Котляревская, Пришибская и др. Станица Змейская была основана в стратегически важном месте - у т.н. Эльхотовских ворот, получив название от извилистой речки Змейки.

К 1912 году Змейская насчитывала 3400 жителей и состояла из 522 казачьих дворов и 78 - иногородних. В центре на площади находились станичное правление (с июня 1910 года атаманом был вахмистр Аристарх Диденко), храм Сошествия Святого Духа и станичное училище.

Большинство станичников занималось земледелием, садоводством и рыболовством. Для развития казачьих хозяйств в Змейской было создано кредитное товарищество. В состав его правления вошли вахмистры Федор Яковлев, Дмитрий Лозовский, Аристарх Диденко, урядники Иван Лепехин, Федор Раздорский, Максим Белозерский, Петр Пастернак и казак Дмитрий Диденко.

В 1872 году в станице было открыто станичное училище. В 1912 году в нем обучалось 137 мальчиков и 27 девочек казачьего сословия и 11 детей иногородних. Заведующим училищем долго был Александр Малюга, почетным блюстителем урядник Федор Шелковников, а учителями в разное время Андрей Кузьменко, Наталья Малюга, София Мирославлева, Раиса Хрипунова, Мария Джеблева, София Диденко, священники Василий Попов, Михаил Касаевский и Андрей Поляков. Кроме обязательных предметов, учащиеся изучали садоводство, пчеловодство.

1 сентября 1915 года в Змейской было открыто еще одно училище. Его заведующим был Федор Коробко, затем Наталья Малюга. В нем работали Антонина Моисеева, Серафима Ренжиглова, Елизавета Павлова. В 1917 году училище было преобразовано в Высшее начальное; в 1919 году возглавил его Николай Успенский.

Со дня основания Змейской станичники участвовали во всех военных кампаниях, где находились терские части - Кавказская и русско-турецкая войны, туркестанские походы, русско-японская война. Но больше всего отличились они в 1-й мировой войне.

С казаками станиц Пришибской, Котляревской, Александровской и Николаевской уроженцы Змейской составили 1-ю сотню Сунженско-Владикавказских полков. Весной 1914 года в 1-й Сунженско-Владикавказский полк отправилось 13 станичников, по мобилизации 14-го года - более 200 человек. В Конвое Государя их было 5 человек, в 1-м Сунженско-Владикавказском полку - 54, во 2-м - 33, в 3-м - 56, во 2-м Терском пластунском батальоне - 37.

Были в станице и офицеры: войсковой старшина Владимир Малюга, командир 5-й Кубанской казачьей батарее войсковой старшина Андрей Бородин, военный инженер капитан Дмитрий Бородин, штабс-капитан генерального штаба Петр Малюга, подьесаул 1-го Сунженско-Владикавказского полка Евгений Бородин и Василий Кириллов, подьесаул 1-го Читинского полка Забайкальского войска Павел Лепехин, поручик 7-го саперного батальона Александр Бородин... В 1-ю мировую офицерами стали Константин Мясоедов, Семен Олихейко, Михаил Мясоедов, Илья Лозовский, Антон Павлов, Владимир Игнатенко, Павел Фисенко, Василий Мясоедов, Константин Кириллов, Николай Клишин, Николай Лозовский, Георгий Карабельников, Алексей Игнатенко и Алексей Мясоедов.

Отличились станичники, воевавшие во 2-м Сунженско-

З м е й с к а я

Владикавказском полку. Полным Георгиевским кавалером стал вахмистр Василий Бондарь, по три креста получили урядники Василий Лепехин и Гавриил Синянский, по два - Степан Халин, Федор Борисенко, Андрей Кукса, Дмитрий Сорочинский, Казьма Кукса, Иван Ткаченко, крест 4-й степени имели Роман Халин, Илья Чернов, Андрей Ткаченко, Антон Павлов, Василий Гречкин, Дмитрий Докучаев, Трофим Фисенко и другие, георгиевские медали 4-й степени Семен Синянский, Василий Липов, Алексей Перепеченный, Аким Перепеченный и другие.

Так же с честью воевали в этом полку урядники Александр Кривенец, Петр Слесаренко, Георгий Синянский, приказные Василий Кривдун, Иван Петрушенко, казаки Василий Голтва, Антон Ганзюк, Андрей Минко, Григорий Нечитко, Алексей Лянттик, Григорий Нецепко, Николай Пашко, Антон Бородай, Василий Клишин, Андрей Куценко...

В этом полку погибли в боях в Карпатах приказной Михаил Пастернак, старший урядник Григорий Кондратенко, казак Петр Цыкало, ст. урядник Василий Клишин, мл. урядник Алексей Минко...

22 июня 1916 года было утверждено постановление станичного сбора о переименовании станицы в Анастасиевскую - в честь супруги Главнокомандующего Кавказской армией Великого Князя Николая Николаевича. Станичным атаманом в это время был вахмистр Федор Яковлев. Но уже в сентябре 1917 года при атамане уряднике Василии Лепехине станице было возвращено прежнее имя.

В 1917 году станичники принимали участие в деятельности войсковых кругов Терского казачьего войска. Депутатами от станицы были Федор Яковлев, Дмитрий Диденко, Терентий Кривдун и Дмитрий Лозовский. В марте 1918 года во временный исполнительный комитет ТКВ вошли Николай Клишин (зав. финансовым отделом) и Алексей Игнатенко (зав. строительно-гидротехническим отделом).

В августе 1918 года возле Змейской были расстреляны делегаты 4-го Терского народного съезда во главе с председателем Терского совнаркома Пашковским, что надолго занесло станичников в разряд врагов советской власти.

С приходом Добровольческой армии станичники, отличившиеся в боях с красными, были произведены в следующие чины. Подхорунжими стали Федор Яковлев и Федор Раздорский, старшим урядником Василий Лепехин, младшими урядниками Андрей Куриной и Павел Борисенко, приказными Георгий Зайко, Устим Монанников, Николай Никитинко, Иван Пах, Иван Пелих, Павел Васильев, Александр Романовский и др. В станице начали восстанавливаться хозяйства, вновь открылись школы.

Весной 1920 года Терскую область заняла Красная армия, начались репрессии. Многие казаки укрылись в лесах и еще долго продолжали сопротивление. В перестрелках погибли есаул Константин Мясоедов, А.Цапенко, М.Мясоедов, Г.Лепехин, Г.Клишин и другие.

Позднее были расстреляны священник Николай Никитинский, Константин Лозовский, Яков Сорочинский, на длительные сроки осуждены Николай Кривдун, Илья Лепехин, Павел Лепехин, Николай Лепехин, Степанида Лепехина, священник Георгий Синянский, Василий Липов, Василий Синчук, Дмитрий Сорочинский...

Несмотря ни на что, в 1941 году сотни казаков Змейской отправившись на фронт. Очень многие не вернулись с полей сражений. Так, фамилии Липовых и Синянских потеряли по 14 человек, Черновы - 11, Кравченко - 10, Бондарь - 9...

Ф. Куреев

Вероисповедание в гребенских станицах

До 40-х годов XIX века гребенские казаки были исключительно старообрядцами. В 1847-48 гг. в их станицы переселили православных крестьян из Харьковской и Черниговской губерний Слободской Украины, а по окончании Большой Кавказской войны - небольшую группу казанских татар-мусульман.

Расселяемые в кубанских и терских станицах украинские крестьяне были в большинстве своем потомками слободских казаков и казаков Запорожской Сечи. Слободское казачество левобережья Днепра (Харьковская, Полтавская и Черниговская губернии) до его упразднения 28 июля 1765 года выставляло в Русскую армию лег-

коконные полки - Ахтырский, Сумской, Гадячский, Острогожский, Харьковской и Изюмский.

Но гребенцы-староверы встретили новопоселенцев негостеприимно. В станице Червленной они даже отдали в ущерб себе часть пахотной земли и сенокосов, чтобы переселенцы строились отдельно. Когда в станицу завезли строевой лес для постройки переселенцам храма, казаки обратились с протестом к командиру Гребенского полка барону Розену. "Ну, если к завтрашнему утру, - ответил тот, - лес будет перевезен к Николаевскому мосту, и на площади не останется ни одного бревна, я согласен". На утро площадь уже подметали - червленцы за одну ночь

вывезли весь лес. Переселенцы поселились в слободе Николаевской (впоследствии станица).

“С поселением на Терек бывших государственных крестьян-малороссов из Харьковской губернии, и их переименованием в казаки, - писал в 1915 году Ф.С.Гребенец (“Ново-Гладковская станица в ее прошлом и настоящем”), - без того существовавшая нетерпимость гребенских казаков-старообрядцев к православию усугубилась... Переселенцам вначале было очень плохо: их до того подавляло влияние и разные притеснения коренных станичников, что они образовали отдельные выселки у каждой гребенской станицы, построив там свои хаты и церкви...”

Казаки Ново-Гладковской станицы отвели им место в низине, у болота близ Терека. Место было настолько низкое, что в дождливые годы в избах стояла вода, печи размокали, а во дворах и по улицам не было ни проходу, ни проезду. Целых 20 лет держали ново-гладковцы переселенцев на этой топи и лишь после нескольких неудачных попыток, им удалось выселиться на более возвышенное и сухое место в 3-х верстах от станицы... Им не позволяли брать воду из колодца “погаными” ведрами - приходилось ждать прихода казака-старовера или просить его ведро, чтобы зачерпнуть воды. Не разрешали хоронить умерших на гребенском кладбище, и много другое. А сколько их погибло и попало в плен к чеченцам на первых порах поселения! Ведь они не были готовы к такой жизни, не знали повадок горцев...”

Переселенцев сразу не зачислили в полковые списки, а поручили охрану станиц и переправ через реку Терек, обучая в это время искусству владения оружием и верховой езде...

Со временем отношения несколько сгладились, поскольку казакам-мужчинам пришлось вместе испытывать все тяготы и лишения военных походов, боевых стычек, связанных с охраной и защитой кордонной линии. Несмотря на общую службу, казаки-старообрядцы все равно продолжали относиться к своим одностаничникам-православным недружелюбно, недоверчиво...”

К началу XX века казаки из бывших переселенцев в поселенных станицах уже имели свои храмы (в Ново-Гладковской - Архистратига Михаила, в Старо-Гладковской - Святой Троицы, в Щедринской - Николая Чудотворца; в Курдюковской и Червленной православных церквей не было).

Что касается казанских татар, живших в станицах Ново-Гладковской и Щедринской, то история их переселения следующая. После пленения Шамиля в 1859 году, одна из его просьб к князю Барятинскому была в том, чтобы в отношении всех сдавшихся с ним воинов не было репрессий. Между тем на стороне Шамиля воевали и перебежчики из Русской армии, в том числе татары. Находясь у Шамиля, многие татары завели семьи, и после капитуляции пожелали остаться на Кавказе. Они были прощены и поселены в гребенских станицах, где жили отдельными слободами, имели мечети.

В конце 90-х годов XIX века в Ново-Гладковской их было 140 человек (из них 77 мужчин). Отношения христиан и мусульман в станице были самые дружеские - гребенцы даже были больше расположены к казакам-татарам, нежели к переселенцам-христианам.

Гребенцы были последователями старой веры и обрядов, с которыми пришли на Кавказ - жили в Гребнях, после переселились на левый берег Терека. После церковного раскола власть постоянно понуждала их к переходу в православие.

Когда Петр I в 1722 году посетил Терки, местное духовенство обвиняло казаков Гребенского войска за участие “в расколе”. Царь ответил: *“Если Гребенское войско покорствует церкви и служит мне, Государю, верно и без измены, то все остальное - и двуперстное сложение, и хождение по солнцу, и борода, и платье - дело маломочное, и не в этом заключается сила раскола... Скорее надо удивляться, как это малолюдное войско сумело удержать у себя православие среди сильнейших его магометанских народов...”* По преданию, сам царь “жаловал свое верное Гребенское войско крестом и бородами”.

Через 10 лет в Кизляре было учреждено особое духовное правление под председательством архимандрита Федора (Иванова), ему и были подчинены гребенцы. Управление возобновило нападки на казаков - “раскольников”, на что 18 мая 1738 года гребенцы подали жалобу епископу Астраханскому и Ставропольскому Иллариону.

Епископ своим указом потребовал от гребенцов соблю-

дения воинского устава, предписав пристроить ко всем имеющимся в станицах молебельным домам алтари, а священникам совершать литургии, и пригрозил: *“Попы за означенную Святой Церкви противность, по жестокому наказанию, имеют быть расстрижены и отсланы в каторжную работу”*.

Казаки выразили готовность исполнять все обряды и построить алтари, но просили разрешения креститься двумя перстами, что и было им разрешено. Но, к сожалению, Синод посчитал уступку астраханского епископа излишней и распорядился настоять, чтобы гребенцы крестились тремя перстами. Пришлось владыке Иллариону отправлять к гребенцам “искусного” священника, чтобы путем уговоров склонить к отказу от двоеперстия.

Вероятно, порученец с задачей не справился. Более того, казаки даже прекратили строительство уже почти готовых церквей. Пришлось властям опять действовать жестко. 8 января 1741 года всех священников гребенских станиц вызвали в Кизляр под видом обучения правильного совершения богослужения. Здесь они были взяты в заложники - пока казаки не закончат строительство церквей.

Лишь благодаря позиции Войскового атамана Иван Петров, человека очень уважаемого, и старшин казаки не взяли за оружие. Было решено все же достроить церкви. Затем атаман обратился к астраханскому владыке - *“дабы повелено было милостивым архипастырем отпустить из Кизлярской крепости наших попов в казачьи городки, понеже мы имеем в том великую нужду и живем без попов, аки скоты без пастыря”*. Священников отпустили. На освящении храмов казаки крестились двумя перстами, на что владыка Илларион внимания не обращал.

Очередная распря пришла, откуда не ждали - от самих же гребенских священников. В 1744 году они завалили епархию обвинениями войскового атамана в покровительстве расколу.

Между тем весной 1745 года у границ России стояли войска персидского Шах-Надира, и любое волнение среди казаков могло привести к тяжелым последствиям. Командант Кизляра князь Оболенский просил владыку Иллариона *“вовсе не насылать консисторских указов, чтобы тем наибольшие не привести казаков в развращение и в дальние замыслы”*. Но было уже поздно.

Казаки изгнали священников, пошедших против интересов войска, и стали на должности своих уставщиков выдвигать разного рода самозванцев. Последним епархиальным служащим в Старо-Гладковской станице был дьякон Иван Иванович Тамазин, но он принял сан старообрядческого уставщика. Его сын Филипп Иванович тоже был более 50 лет уставщиком и умер в начале 1850 года (он был лучшим знатоком казачьей старины, но, как часто бывает, не нашлось человека, кто бы записал для потомков его рассказы).

В итоге гребенцы вышли из-под контроля господствующей церкви. *“Раскол отразился только на некоторых чертах их домашнего быта, - писал В.А.Потто (“Два века Терского казачества”), - замкнув Гребенское войско в узкий круг мировоззрения, привил к ним много суеверных понятий, разобщил их от остального русского общества; но он не стал на путь их движения вперед, не создал рутин, не заглушил нравственного чувства гражданского долга”*.

Коренные гребенцы были старообрядцы поповского и беллопоповского толка Белокриницкой митрополии (т.е. приемлющие священство; при временном отсутствии у старообрядцев епископов был этап, когда священников у них не стало, и предки поповцев стали принимать специальным чином “беглых” священников, рукоположенных православной церковью).

Одной из попыток ослабления старообрядчества стало “Окружное послание” 1863 года, выражавшее полное согласие с православной церковью, провозглашавшее анафему революции, врагам Отечества и религии. “Окружники” (признавшие послание) положили начало единоверческой церкви. Но в 1868 году старообрядческий Собор в Белой Кринице отверг одно из центральных положений “Послания” - молитву за царя, постановив молящихся за власть отлучить от церкви.

К середине XIX века среди гребенцов-староверов появились и так называемые “субботники” - переходившие в иудаизм. Это отметил еще в 1834 году в описании ст. Черв-

ленной штабс-капитан Каламберг: "Жители сей станицы все без исключения старообрядцы, в числе коих есть 11 семейств еврейского вероисповедания..." 25 января 1836 года в "Ведомости о состоянии в Гребенском казначеем полку разного рода людях" командир полка граф Стенбок-Фермон пишет: "Во вверенном мне полку числятся... евреи в числе 10 душ мужского пола и 8 душ женского". Конечно, это были русские казаки, проживавшие в станицах со дня их основания, среди них офицеры и урядники. Из "жидовствующих" указаны семьи отставного сотника Василия Ермолаева, урядника Никифора Ермолаева, казака Трофима Шавырева...

Явление это было отмечено и в других полках Кавказской линии (Хоперском, Кавказском, Волгском). Командующий Кавказской линии и Черноморией генерал-лейтенант Граббе писал наказному атаману Кавказского линейного казачьего войска генерал-майору Николаеву:

"Как в деле сем весьма много зависит от ослабления в умах раскольников фанатического убеждения в справедливости иудейской веры, то вменитесь в обязанность полковому начальству под личным наблюдением Вашего Превосходительства при всяком удобном случае делать субботникам внушения, в виде упреков в тяжком их заблуждении; при чем должно всемерно отчуждать православных от всяких сношений с ними в общественном быту и именовать их и заставить их самих именоваться не иначе как людьми жидовской секты. Внушить им понятие о том презрении, которое справедливо тяготеет над их единоверцами жидами во всех странах света, и о невыгодах, предстоящих им в новом звании через жидовство, ибо секта их преграждает им путь к производству в чины и отличиям..."

Архиепископ Афанасий в письме от 7 ноября 1838 года тоже изложил командующему свой взгляд на проблему. Он считал, что основное внимание надо уделять детям "субботников" - "определять их в гражданские или военные училища, в которых законоучителям поставить в непрелюбимую обязанность иметь особое попечение о внушении детям чистоты и святости христианской веры..."

В рапорте наказного атамана по итогам расследования, откуда среди казаков распространился иудаизм, говорилось, что его принесли выходцы из Новороссийского края, попавшие туда при первоначальном заселении (особенно из Польши).

Судя по документам, жесткие меры в отношении казачьих субботников не предпринимались. Служили они на общих основаниях с одностаничниками, их не лишали звания, льгот, земельного надела; все противодействие свелось к попыткам переубеждения.

У гребенских старообрядцев при каждой станице имелись скиты, где проживали за счет подаваний отшельники. Как правило, находились они на месте т.н. "старых станиц", где оставались заброшенные постройки. Вот что пишет Ф.С.Гребенец, побывавший в Ново-Гладковском скиту в конце 80-х годов XIX века:

"В гребенских станицах встречаются особые усадьбы, обнесенные высоким и глухим забором или плетнем, из-за которого виднеется густая зелень плодовых деревьев. В тени этих деревьев стоят необычайно маленькие избышки. После продолжительного блуждания вокруг забора нам удается найти маленькую, незаметную калиточку, в которую можно пройти, только изогнувшись в три погибели. Но калитка эта крепко заперта на запор изнутри..."

Все эти избышки по своей постройке имеют совершенно однообразный и оригинальный вид, который нигде в Терской области не встречается, кроме гребенских станиц. В них сразу виден характерный тип великорусской избы - сравнительно высокий сруб, составленный из круглых дубовых или сосновых бревен, с острой крышей, крытой тесом или соломою; по краям крыши, косякам и прочим углам виднеется резьба по тесу и разные фигуры. Каждая мелочь дышала желанием удержать старину во что бы то ни стало...

В скитах вовсе нет молодых женщин... В каждой избышке скитницы живут по одной, по две - не более, и живут совершенно самостоятельно, и никому не подчиняясь... Из двух живущих в ските, обыкновенно, старший считается владельцем, который, умирая, передает его соседу... Кроме движимого имущества, вроде платья и обуви, скитники могут иметь фруктовые и виноградные сады, и быть даже владельцами «пая» в мирских виноградниках...

В скитах нет иерархической подчиненности и не только нет общего имущества, но даже каждый один или два скита отделяются от прочих забором.

Староверы считают своей обязанностью щедро помогать скитам на том основании, что скитники и скитницы молятся о них Богу за их мирские грехи...

Гребенские скиты отличаются от древних раскольнических. Прежние скиты основывались гонимыми старообрядцами, главным образом, с той целью, чтобы укрыться от "мирской неправды"; для этого скитальцы прятались в глухие трещины, болота и дремучие леса. Основой была идея веры, которую требовалось спасти. Здесь же поступают в скит, преимущественно, из личных невзгод: от бедности и неудач в жизни, от физического убожества, по интересам семьи и только весьма немногие идут из-за тех побуждений, которыми руководствовались древние скитники..."

Мне не удалось найти описание обрядов венчания, крещения, отпевания, похорон в гребенской общине. Вероятно, они происходили, как у всех старообрядцев. Но обряд поминания усопших конца XIX века описан П.Т.Кулебякиным ("Гребенцы", 1888 г.):

"Не малую долю разорения казачьему хозяйству приносили поминки умерших. Каждый казак заботился о поминках даже больше, чем о свадьбе. Умер человек - его начинали поминать: 1 помин шел сразу после похорон и назывался "горячим столом"; второй помин - на 3-й день после смерти. 3-й на 9-й день, 4-й - на 20-й день, 5-й - на 40-й день, 6-й - в полгода, 7-й - на год, 8-й - память дня рождения покойного. Во все эти дни созывались уставщики и человек 40 и более родственников и посторонних стариков и старух... Кончив поминки и помолвишись Богу, садились снова за так называемый "присест"... Всех покойников после смерти поминали 2 раза в год: в день смерти и в день рождения покойного... Поминки очень тяготили казаков, и многие были бы не прочь заменить их чем-нибудь полегче, но уставщики за поминки крепко держались..."

В старообрядчестве существует немало запретов, которые должен исполнять верующий. Нельзя есть и пить из одной посуды с иноверцами, сквернословить, богохульствовать, играть в карты, пить спиртное, чай, курить табак и т.д. Происхождение табака, например, старообрядцы объясняют по-своему - от блудной девки. Произошло это тогда, когда народ был строгий и суровый. Одна девка согрешила, ее убили и закопали у дороги, далеко от селения. Прошло много времени, и на могиле выросла какая-то особенная трава с широкими листьями. Однажды рядом проходил путник. Черт надоумил его сорвать листик этой травы, свернуть его, поджечь и попробовать. Понравилось, и решил он выкопать траву с корнем. Дорылся до могилы и увидел, что корень как раз выходил из с...я блудницы.

Вино употреблялось на протяжении всей жизни казака и при исполнении всех соблюдавшихся обрядов. С точки зрения старовера, это не считалось пьянством (за исключением тех, кто этим явно злоупотреблял - но таких были единицы). Зато употребление водки не приветствовалось. Казак считал для себя унизительным переступить порог кабака (питейные заведения появились в станицах в конце XIX века). В Червленной был один кабак (хозяин - ногаец), и посетители его были, как правило, люди приезжие. Казаки не ходили туда, в том числе, из-за брезгливости к "поганой" посуде.

"Удивляюсь, как крепко удерживаются обычаи в станичной среде, - писал о земляках Ф.С.Гребенец. - Казак-старовер, поступив на службу, в течение 5-8 лет окружен православными, пьет и ест без разбора из "поганых" чаи, ест свинину, курит табак и т.д. Но стоит ему вернуться домой, и он вновь нетерпимый старовер..."

Женщина остается наиболее упорным ядром завета отцов. Это и понятно, если взять во внимание, что женщины большей частью находятся в станице, тогда как казак успевает подчас побывать в Польше, Персии, Тифлисе, Санкт-Петербурге.

Живут староверы своей особенною жизнью, делят между собою горе и радости, взаимно помогают друг другу в хозяйстве, считают себя верными хранителями древнерусских обычаев и порядков, верными сынами древнехристианской церкви, и глубоко убеждены в своей непогрешимости. Это придает им нравственную силу, выносливость и гордость".

А. Петров

Наша фамилия

Во второй половине XIX века, по данным Н.Бородина ("Уральское казачье войско. Статистическое описание в 2-х томах", 1891 г.) в нашем Лебедке было 105 домохозяев, всего 505 жителей (263 казака и 242 казачки). Добрая половина из них - Шуковы, Шукуровы и Скачковы.

В 1990 году мы с братом и сыновьями доплыли на байдарках до Лебедка по Уралу. Увидели лишь полуразрушенное кладбище: кое-где еще стояли деревянные кресты, другие упали и сгнили. От поселка же - только холмы на месте казачьих мазанок. Яик Горыныч подмывал высокий лебяжинский берег, и остатки их падали в реку. В яру были видны культурные слои многолетней жизни поселка, попадались кокурки, багренные крючки, подковы, ножи...

По словам одного из краеведов, яицкий писатель Иосиф Игнатьевич Железнов в "Очерках быта уральских казаков" в середине XIX века записал легенду происхождения поселка Лебяжинский (Лебедок), откуда и пошла странная на русский слух фамилия - Шуковы (старики произносили ее с ударением на "-ов").

В старые времена прибегали будто на Яик три калмыка - Скач, Шук и Шукур - и основали поселок на высоком правом берегу Яика (на самарской стороне). А на бухарской (азиатской) стороне было (и есть) чистое озеро Лебяжье - по нему-то и дали название поселку. Когда калмыков принесли в казаки и крестили, то и дали, якобы, такие фамилии - Скач-ков, Шук-ов, Шукур-ов...

Я в эту легенду не очень верю - по нескольким причинам. На Руси Скачковы и без того распространены. Шукуровы же - явно тюркская фамилия, и она тоже широко известна в исламских регионах. К тому же в трех томах сочинений И.И. Железнова той самой легенды не сыскалось.

А вот другая версия. Как-то в начале 70-х годов наш студенческий стройотряд работал на Сахалине. Рядом работали и осетины. Один из них рассказал, что слышал по местному ТВ о каком-то герое труда Шукове. Это я взял на заметку. А в 1972 году, когда преподавал в Высшей школе МВД, среди студентов был кабардинец Пшуков. Он-то и поведал о большом роде Шуковых в Кабарде. Назвал и селение Куба, в котором очень много Шуковых.

Рассказал также, что с древних времен у кабардинцев был обычай - дорогомю гостю преподносили жареную на вертеле заднюю ляжку молодой кобылы. По кабардински кобыла - "шу", а ляжка - "ко". Потому, будто бы, самые гостеприимные люди и получили такую фамилию - Шу-ков...

В 1984 году мне удалось, наконец, посетить селение Куба. Спрашивая на остановке, где живут Шуковы. Интересно - "каких надо?". Говорю, любых, что поближе. Удивились, но показали - вот за поворотом, первый дом. Вхожу, представляюсь, показываю паспорт. Очень интересно, говорю, русскому Шукову познакомиться с кабардинскими Шуковыми.

Встретили меня хозяин Биляль и его жена Софья. Пришли дети. Я стал рассказывать, как узнал об их существовании, о русских Шуковых. Собрали стол. Пришел старший брат Биляля, Хазрайль, и пошла оживленная беседа на много часов. Приняли меня как близкого родственника. А хозяйка дома все очень внимательно меня разглядывала. Оказывается, я обличем очень похож на кабардинца. А вот по поводу перевода нашей фамилии сказала - "на самом деле мы просто Ляжкыны!.."

На другом берегу реки Малка, прямо против селения Куба, стоит казачья станица Марьянская, основанная в 1877 году. Оба старшие Шуковы рассказали, что были случаи, когда кабардинцы уходили к казакам или в казаки.

Так что возможный вариант происхождения нашей фамилии - от пришедшего к казакам кабардинца. Тем более, что и яицкие казаки срочную службу несли на кавказской линии. "В 1724 году 100 казаков служили в "Низовом корпусе" на Кавказе. Начиная с этого года в течение всего 18 столетия Яицкое войско почти непрерывно отправляло от 100 до 400 казаков" ("Казачьи войска", 1912 г.).

Позже из рукописи В.В.Богданова ("Казачьи Исторические корни и соседи") узнал: кабардинцы и осетины перешли в казаки нередко и с большим желанием:

"В 1837 году старший адъютант штаба войск на Кавказе поручик Кутузов просил коменданта Моздока выяснить причины переселения горцев в Моздок, также и их тяги к казачьей службе. Плац-майор Кудинов, распросил Моздокских старожилых, сообщил Кутузову, что общество "казачьей братии" сформировалось из "беглых кабардинцев и осетин, кои учены побег от своих владельцев, поселились в Моздоке, а по разыскании их владельцами - были ими возвращены; во избежание чего сей переселенцы записывались в казаки".

В 1768 году кабардинские князья М. Кургока и М. Карамурзин жаловались главнокомандующему войсками на Кавказе П.С.Потемкину: "Осмеливаемся донести Вашему Превосходительству, что холопы наши кабардинцы, разбежавшись от нас, находятся жительством около крепостей Георгиевской, Павловской и в Моздоке". На Терек в массовом количестве переселились "дигорцы, недовольные заведенными в стране порядками".

Чиновник А.Ребров в прошении главнокомандующему войсками на Кавказе в 1812 году писал: "Сей осетинцы выведены с гор в 1804 году в крайней бедности, здесь занимают хлебопашеством и скотоводством и не несут никаких повинностей". В народе этих переселенцев звали "ерашти" (по названию одного из рукавов Терека) - так появились "ерошкинские казаки" и имя Ерошка среди казаков.

Царское правительство было заинтересовано в увеличении численности казаков, и потому тратило на обустройство переселенцев большие деньги.

С Шуковыми из Кабарды у нас сложились хорошие отношения. Переписывались. Сын Биляля Мохамед приезжал; дочь Айшет была несколько раз у нас дома. Но с распадом союза, а всего вероятнее - после возрождения казачества - эти связи увяли...

В завершение замечу, что и в наши дни встречается немало фамилий с корнем "шук": Машуков, Вашуков, Шешуков. Наконец, в переписи 1723 года значатся казак десятой сотни Пишуков Борис Григорьевич из Самары и казак Шешуков Назар Михайлович из самарских посадских людей. Все они произносятся с ударением на "ов" - так, как и произносилась наша фамилия на Яике.

Добавлю еще интересный факт из истории нашего рода. В переписи 1723 года отмечен "Казак 13 сотни Степан Мартмянович Лытунин от роду 25 лет, дед и отец родной были шведы выборховского (выборгского?) уезда, деревни Каргукуля (нынешний город Каргополь Олонецкой губернии), и я из той же деревни завоеван яицкими казаками и привезен на Яик; крестился в прошлом 1706 году, а в казачью службу приверстан тому третий год при атамане Иване Щербакове и работников нет, неграмотный". В комментарии к этой записи в газете "Уральские войсковые ведомости" за 1869 год (N 22) написано, что в 1706 году в Шведской войне участвовали 500 казаков из Яицкого войска. И таких пленных, оказывается, вывезли казаки из Финляндии немало.

Авторы комментария (И.И.Железнов или М.К.Курилин) не сомневаются, что это не шведы, а финны. А мне кажется, что Степан Лытунин точно знал, кто он есть - потому и назвал деда и отца шведами.

Наша бабушка, Пелагея Макарьевна (жена Константина Прохоровича Шукова) - из Лытоновых Сахаровской станицы. Думаю, что со временем у них буква "у" в фамилии поменялась на "о". В той же переписи 1723 года значатся еще два брата Лытуновых - Иван и Никита Денисовичи, в сказке которых записано: "Алаторского уезду помещика Ивана сына Нехаева села Сары. На Яике со 171 г." (т.е. с 1663 года).

В. Шуков

Мирон Иванович

У каждого из нас, казачат, были свои дедушки и бабушки, но не всякий помнит их живыми. Наши же казачьи дедушки, какое бы они не занимали место по общественной лестнице или имущественному положению, все очень любили своих внучат. Это от них мы знакомились со словом "казак" и им первым обещали - соглашались быть тоже казаками, по детски воображая, что это зависит исключительно от нашей воли.

Любили мы и своих родителей, слушались их беспре-

кословно, но дедушка всегда был ближе всех, как-то мягче других и баловал нас больше, чем остальные члены семьи.

Моего дедушку казаки звали Мироном Ивановичем, был он станицы Илецкой, из самого "Города". И любил же я своего дедушку по мальчишески так крепко, что трудно это и словами выразить. Звали мы его тогда "Деданькой". В ответ на эти мои чувства он относился ко мне с большей теплотой, чем к моему старшему брату Никите, и иногда защищал меня от его попыток пользоваться своим старшинством. А, может быть, и только потому, что я

был младше моего брата на два года.

В силу такой нашей "дружбы", я всегда сопровождал деданьку на реку Илек с "мордами", "самоловками" вечерами по субботам, чтобы на воскресенье "рыба на пироги была", как говорил он. В конце мая ездил с ним на "степной сенокос", где казаки "ударом" косили степи и несколько лугов по Илеку. С середины лета, по воскресеньям до обедни ездили с ним на бахчи за арбузами.

Деданька, насколько я помню, большими работами по хозяйству не занимался, а лишь "по дому и по молочам". Жил он с бабушкой Аграфеной Тихоновной со всеми нами, но в большой комнате, отделенной от всего дома общими сенями. Эту часть дома называли "кельей". Вход туда нам был строго запрещен, кроме как по приказанию, с приглашением деданьки и бабушки на обед или ужин. В распорядке деданьки была воронья кобыла, жирная, хитрая и злая. Меня, в начале нашего знакомства, она близко к себе не подпускала: прижимала уши, делала злые глаза и принимала вид, что готова броситься на меня. Только после "усовершенстваний" деданьки, угроз побить ее за такие "дерства", я смог приблизиться к ней, да и то не сразу, а после многих репетиций и всегда с участием деданьки.

Как-то в воскресенье рано утром, едва солнце показало из-за верб на озере Песчанка, мы с деданькой выехали на бахчу. Проехали кузницы, "обрывину" (место, где летом хранили сено), ветрянки, что были нам по пути, и как только минули последние, голова деданьки опустилась на грудь в бороду, он, выпуская возжи из рук, засыпал. Кобыла, сразу учтя обстоятельства, меняет свою "рысцу" на шаг, да еще на такой, что едва переставляет ноги, кося глазом назад.

Вначале я думал, что она это делает намеренно, чтобы не разбудить деданьку. А мне хочется приехать на бахчи скорее, да и деданька, выезжая из дома, говорил: "Вишь как солнце высоко... Торопиться надо... А то опоздаем блинам..." И я решаю тихонько коснуться локтем локтя деданьки, и потихоньку, как будто также боясь разбудить его, шепчу: "Деданька, ты спишь?.." А он, как будто ничего не произошло, поднимает голову, забирает возжи в руки, да как закричит на кобылу сердитым голосом: "Ах ты, шельма проклятая!.."

Кобыла, услышав окрик, с места бросается в карьер, а мы с деданькой валимся назад в телегу на спины. Деданька долго поднимается, долго ворчит на кобылу, упрекая ее в коварстве, лени и всех других пороках, применительно к случаю показывает ей кнут и т. д. А кобыла с карьера также быстро перешла на свою обычную рысцу, будто бы ничего не произошло. Деданька сердито ворчит на кобылу, на меня и не смотрит, и я думаю, что он сердится на меня, что я его разбудил. У меня мелькает мысль: "Лучше бы я его и не будил бы... Как-нибудь бы доехали..." Мне стало жалко деданьку, жалко и себя за сделанный промах, и я готов был уже заплакать, как он ласково обратился ко мне: "Так ты говоришь, сынок, что я спал?" А потом совсем весело добавляет: "Беда не велика, но только ты запомни навсегда, что казаки никогда не спят!.."

Такое неожиданное заявление меня так удивило, что я совсем растерялся, и в голове у меня полное недоумение. С одной стороны, я обрадовался, что деданька на меня будто бы не сердится. А в то же время думаю: "Как же так? Ведь я видел, что он заснул... И на сенокосе мы спали с ним в одном пологу... А деданька не может говорить неправду..." Но еще не уверенный полностью, я ему отвечаю: "Я сказал, что кобыла хотела остановиться... А ты сказал, что надо торопиться..." А он совсем уже весело со мной разговаривает, как бы утешая меня, что беды в том, что я сказал, никакой нет, а торопиться, действительно, надо.

Тут и кобыла затрусила веселее, на душе стало веселее, и я успокоился, что деданька на меня не сердится. Но мое недоумение, что казаки никогда не спят, все сильнее, и я решил этот вопрос уточнить, так как я ведь обещаю деданьке, что тоже буду казаком. Делая вид, что я ничуть не боюсь моего печального будущего (то есть не спать), ставлю ему вопрос ребром: "Так ты говоришь, деданька, что казаки никогда не спят?"

"Нет!" - следует короткий ответ, и за ним пояснение: - Казаки не спят, а отдыхают!"

Отдыхают?.. Дальше следует долгое пояснение, что казаки, находясь все время на войне (это мне нравится!)

спать "не полагается", так как он должен быть всегда начеку, всегда готовым ко всему, все знать про противника, что он замышляет, коварство или нападение и доносить об этом своим начальникам. "А отдыхать казак должен для того, чтоб всегда в свежести, в силах быть!.."

После такого разъяснения боязнь за мое печальное будущее и недоумение в голове исчезли, и я решаю, что спать я тоже не буду, а буду, как и все казаки, только "отдыхать".

Но тут деданька огорошил меня новым заявлением, что казаки к тому же не едят и не пьют!. Это заявление привело меня в полное отчаяние, выбило из колеи все до того сложившиеся представления, понятия о дальнейшем существовании. "И зачем я согласился быть казакком?.." - думаю, а голова продолжает работать, я совсем забыл про деданьку, мне вновь стало себя очень жалко. И у меня невольно вырвался вопрос, полный отчаяния: "А как же блины-то, пироги? Все пропадет?.."

Деданька, поняв мое беспокойство начал меня успокаивать: "Ты не горюй, сынок! Приедем с бахчи, закусим и блинов, и пирогов - ничто не пропадет..." И опять начинает говорить, что казак всегда должен быть "в готовности" для выполнения своего долга. "Долга? Ну и жизнь же..." - думаю. А деданька продолжает, что казак не мужик, что он не может распысаться, есть долго и много, толстеть, наедать брюхо. У него на войнах (опять) нет времени для всего этого, да и "в стройности" он должен быть всегда... А потому казаки не едят, а закусывают! А вино только пьяницы беспутные пьют, казаки же - выпивают... "Такое, значит, положение наше казачье..." И еще долго после говорит о "положениях казачьих". А когда говорит долго, то забывает, что слушателем является его внук, и часто для большего веса неоспоримости своих доводов называет меня, слушателя - внука - "Братец мой..." Долго при каждом "братец мой" я невольно левой рукой (правая всегда была чем-нибудь занята) касался своего подбородка, думая - не выросла ли у меня уже борода?..

Наконец, подъезжаем к станичным бахчам. Издали слышны неистовые крики ворон. Еще сильнее их кричит, с промежутками трескотни трещотки, караульщик бахчей дедушка Лисей, силясь отогнать ворон шумом. Порох "станичный со свинцом в припорицию" Лисей давно уж расстрелял, кобелек его Волчек охрип от лая, гоняясь за "каргой" (так называют у казаков ворон). Но вот мы приехали. "Здравствуй, Лисей Ликсевич (Елисей Алексеевич)".

"Добро пожаловать, Мирон Иванович!" - приветствуют друг друга старые сослуживцы-вояки.

"Что нового, хорошего в Городе?" "Все по-хорошему - отвечает деданька - решили на сходе степь косить со следующей недели, а луга перед Петровым днем... Ну, а ты, Лисеюшка, как управляешься со своей службой?"

"И не говори, Мирон Иванович! Такой службы не дай Бог и злему татарину! Осаду такую производит на меня карга эта проклятая, что мочи от нее нет! Хуже всякого киркиза или туркмена! Днем ни на одну минутку не дают покоя. Лишь только ночью немного отдыхают..."

Слушаю их, думаю: "Отдыхает тоже..." Дальше все шло быстро. Собрали арбузы, дыни. Я уже поспел "закусить" предложенным мне дедушкой Лисеем арбузом, надергал несколько кустов "вороняжки" для сестренки (дикая сладкая ягода вроде черники, росла по бахчам в изобилии "самосадом") и занялся охотой на ворон. Деданька, как полагалось, привез в корзинке для дедушки Лисея пяток яиц, горшочек с каймаком, витушечку или несколько "канурек", а из-под сена в телеге вытянул "полумерочек" вина. Уж очень он был дружен с "Лисеюшкой".

И, пока я бежал за воронами, они вытывали вино и закусывали, "чем Бог послал", прося Николу Святителя простить их за то, что они до окончания обедни позволяют себе это. "На походах и на войнах это позволено" - говорил дедушка Лисей.

Домой доехали быстро. По дороге деданька не "отдыхал", а дома нас ждали блины да пироги, которыми мы и "закусили". После обеда деданька пошел отдыхать, а я раньше, чем вылезти из-за стола, решил: "Хоть мне и трудно придется в жизни, когда я буду большим, но я, как деданька, останусь казаком!.. Не буду спать, есть и пить, а буду отдыхать, закусывать и выпивать!.."

Милый мой деданька!..

П. Фадеев ("Родимый Край", 1972 г.)

Судьба атамана

Что мы знали еще совсем недавно о генерал-лейтенанте Андрее Ивановиче Кияшко - личности интересной и незаурядной? В героическом ореоле вернулся с Маньчжурского фронта русско-японской войны, недолго служил атаманом Майкопского отдела, пять предвоенных лет - начальником штаба Кубанского казачьего войска, в 1912 году назначен наказным атаманом Забайкальского казачьего войска - и убит почему-то в Туркестане. Кажется, все...

Когда стало возможным поглубже заглянуть в свою историю и делиться со всеми своими открытиями, первому удалось познакомиться с первоисточниками по семье А.И. Кияшко кубанскому писателю Виталию Бардадыму. От него мы узнали, что глава семьи действительно был убит краснотурецкими в Туркестане, а его жена Елена Ивановна (урожденная Горбачевская) и приемная дочь Наталья Николаевна Десино расстреляны в 1920 году в Екатеринодаре.

Я, как и другие краеведы, исподволь собирал сведения о земляках. Когда понял, что нечто существенно новое в открытых источниках уже не найти, решил опубликовать собранное - в надежде, что кто-то дополнит. Очерки о шести кубанских военачальниках отдал главному редактору одной из краевых газет. Через год он попросил принести еще раз, так как не помнит, кому из сотрудников передал статьи. И снова тот же результат. А когда пленум ЦК РКП принял решение о возврате к "ленинской национальной политике", я и вовсе стал в редакции нежелательным гостем...

Но не зря же говорят, что рукописи не горят. В конце 1999 года пришло письмо из городка Солцы Новгородской области от Ивлева Максима Николаевича, потомка семириченского казака. В сентябрьском номере журнала "Кубанец" за 1998 год он прочел мою статью об А.И. Кияшко, а в июньском сам рассказал о нем - как о наказном атамане Семириченского войска. А потом в одном из томов серии "Россия забытая и неизвестная. Белое движение" вышли воспоминания о событиях декабря 1917 года в Ташкенте.

Вот что мы знаем теперь.

Родился Андрей Иванович Кияшко 30 ноября 1857 года в семье 32-летнего хорунжего Ивана Алексеевича Кияшко, проживавшего в станице Екатеринодарской (в черте города Екатеринодара). С расселением ее Кияшки были переселены в станицу Ирклиевскую. По окончании Кубанской классической гимназии в сентябре 1879 года будущий атаман поступил юнкером в 1-е Павловское военное училище, а по окончании курса наук был выпущен хорунжим в Таманский конный полк. Служил младшим офицером, полковым адъютантом, командиром сотни, участвовал в военной кампании 1885 года, получил чины сотника и подесаула, награжден орденом Св. Станислава 3-й степени...

Новый виток его биографии начался с поступления в Николаевскую Академию Генерального Штаба 19 октября 1888 года. "За отличные успехи в науках" 22 мая 1892 года он производится в есаулы. По окончании академии причисляется к Генеральному Штабу и назначается 11 сентября 1892 года старшим адъютантом штаба войск Закаспийской области, с одновременным переименованием в капитаны Генерального Штаба.

В этот период службы он одно время командует Туркменской милицией, производит съемку местности в Каркалином приставстве и рекогносцировку границы с Персией от Каспийского моря до поста Гауда на Кучанском шоссе. Назначенный заведующим картографическим отделением штаба войск Закаспийской области, он почти год (с 15 июля 1892 по 8 мая 1893 года) участвует в работе Временного холерного комитета, а с 28 июля 1893 по 14 января 1894 года как начальник рекогносцировочной партии - в Комиссии по установлению границы с Персией и Афганистаном.

В 1895 году Кияшко поручается сбор статистических сведений о Мерве и Мургабе, а год спустя по поручению командующего войсками Закаспийской области он готовит "Военный обзор Закаспийской области". За свои научные исследования 12 декабря 1897 года избирается действительным членом Кубанского статистического комитета - первой научной организацией, объединивший в своих рядах ученых всех областей науки, работавших в Кубанской области. Награждается орденом Св. Анны 3-й степени.

Возвратившись в том же году из Закаспия в чине подполковника, Кияшко избирается членом распорядительного комитета Кубанского офицерского (дворянского) собра-

ния и членом Комитета офицерского заемного капитала, награждается орденом Св. Анны 2-й степени (6 мая 1899 года), производится в полковники (9 апреля 1900 года).

15 октября 1900 года он назначается командиром 1-го Кавказского полка в Закаспийскую область, со штаб-квартирой в Мерве. Впоследствии старшие офицеры во всех случаях приводили его в пример. По их словам, в полку часто можно было слышать: "А полковник Кияшка сделал бы так... А Кияшка этого не допустил бы... А при Кияшке было так..." Говорили о нем как об умном, настойчивом и самостоятельном начальнике. В Мерве он избирается почетным мировым судьей Асхабадского окружного суда.

Следующий этап жизни Кияшко связан с Дальним Востоком. 17 февраля 1904 года он назначается в распоряжение Наместника Государя на Дальнем Востоке, где с началом русско-японской войны формирует, а затем и командует "Особым рекогносцировочным отрядом для разведок о противнике". "За успешно проведенную разведку к Бенсиху, а также за проявленное мужество в боях 12 августа 1904 года у деревни Даян и 18-го у Бенсиху" награждается орденом Св. Равноапостольного князя Владимира 4-й степени с мечами и бантом, а чуть позже тем же орденом 3-й степени. "За отличие в боях 17-18 августа 1904 года" приказом Главнокомандующего вооруженными силами, действующими против Японии, по Удостоению Георгиевской кавалерской думы Кияшко награждается Золотым оружием на Георгиевской ленте с надписью "За храбрость".

Затем следуют награды медалью на Александро-Георгиевской ленте в память русско-японской войны и медалью Российского общества Красного креста "В память участия в деятельности общества во время русско-японской войны 1904-1905 гг.". 22 апреля 1907 года, когда уже были проанализированы военные действия и вклад каждого, А.И. Кияшко производится в генерал-майоры.

По расформированию полевых частей Маньчжурской армии он сначала прикомандировывается к штабу 2-го Туркестанского военного округа, а 2 февраля 1907 года Высочайшим приказом назначается атаманом Майкопского отдела, и уже 23 декабря - начальником штаба Кубанского казачьего войска.

В 1910 году наказный атаман войска генерал-лейтенант Михаил Павлович Бабыч собственноручно составил аттестационную характеристику А.И. Кияшко:

"К службе усерден, энергичен, строевую и административную службу знает. Характера твердого, ровного, по службе требователен. К казенному интересу относится бережливо, к законности привержен. Быт офицера и казака знает. Физически здоров, переносит труды походной жизни может. К занимаемой должности подготовлен и вполне по оной трудолюбив, соотвествует. Командовал кадровым полком более трех лет.

Заслуживает повышения на должность начальника казачьей дивизии или начальника Окружного штаба вне очереди. В целом - выдающийся."

О деяниях Андрея Ивановича того времени можно судить по скупым строчкам документов.

2 сентября 1907 года епископом Ставропольским и Екатеринодарским Агафадором он утвержден почетным блюстителем церковно-приходской школы одной из беднейших закубанских станиц - Губской. Наверно, в этом деле он не был свадебным генералом, так как вскоре по Кубанскому войску вскоре объявляется: "Ставропольский Епархиальный Училищный совет отношением от 5 сентября сего (1909) года за № 2904, уведомил войсковой Штаб, что начальник названного штаба генерал-майор Кияшка имеет право на пошение серебряной медали, Высочайше установленной в память 25-летия церковных школ..."

31 декабря 1908 года по Войску объявлено: "По инициативе начальника Войскового штаба генерал-майора Кияшко, в названном Штабе учреждена писарская библиотека, для образования которой помимо выписанных уже книг и

журналов, начальником штаба принесены в дар 127 экземпляров книг и 4 картины. Благодаря такому щедрому и ценному дару, названная библиотека уже осуществлена...

В начале апреля 1909 года для работы в комиссии "для окончательного установления желательных изменений в форме обмундирования Кавказских казачьих войск" от Кубанского казачьего войска уезжают начальник Войскового штаба Кияшко, начальник Екатеринодарской военно-фельдшерской школы Чекалов и командир 10-го кубанского пластунского батальона Расторгуев.

В том же году в приказе наказного атамана объявлено, что "начальник Войскового штаба вверенного мне войска генерал-майор Кияшко назначен Почетным Мирным Судьей Екатеринодарского округа на трехлетия с 1-го января 1909 года".

10 января 1911 года начальнику Кубанского Войскового штаба генерал-майору Андрею Кияшке "Высочайше разрешено принять и носить "Знак общества восстановления православного христианства на Кавказе".

И даже когда Андрей Иванович уже служил в Забайкалье, в приказах атамана Кубанского войска объявлялось: "Государь Император, по всеподданнейшему докладу Военного Министра, в 10 день сего января (1913 года) Всемилостивейше соизволил предоставить бывшему начальнику Войскового штаба вверенного мне войска, ныне наказному атаману Забайкальского казачьего войска генерал-майору Кияшко - звание почетного старика станиц Старовеличковской, Васюринской и Троицкой".

Было ясно, что Андрей Иванович по своим способностям явно перерос должность начальника Войскового штаба. 1 декабря 1911 года Наместник Кавказа, Главнокомандующий войсками Кавказского военного округа генерал-адъютант граф И.И. Воронцов-Дашков (в юности принятый в казаки кубанской станицы Новотроицкой) созывает аттестационное совещание под председательством генерала от инфантерии Шатилова. В характеристике А.И. Кияшко стоит только одно слово: "выдающийся" - и рекомендация: "Удоставляется на должность военного Губернатора и Наказного Атамана в одном из менее значительных войск".

Вскоре кубанский атаман объявил: "Высочайшим приказом, состоявшимся 28 марта 1912 года, состоящий по Кубанскому казачьему войску начальник войскового штаба генерал-майор Кияшко (Андрей) назначается Военным Губернатором Забайкальской области и Наказным Атаманом Забайкальского казачьего войска, с зачислени-

ем по Забайкальскому казачьему войску".

По доходившим до Кубани слухам, дела у Кияшко шли нормально.

После февральской революции судьба снова забрасывает Андрея Ивановича в Туркестанский край. 21 июня 1917 года он был назначен начальником 1-й Туркестанской казачьей дивизией (в состав которой входили полки Оренбургского, Семиреченского и Уральского войск, несшие сторожевую службу в Средней Азии и Персии). 14 июля приказом по Туркестанскому военному округу Кияшко назначается наказным атаманом Семиреченского казачьего войска и командующий войсками одноименной области.

Поначалу семиреченцы настороженно отнеслись к чужаку, но решительные шаги нового атамана по наведению порядка в области изменили их отношение, и 5 августа 1917 года съезд семиреченских казаков постановляет "признать назначенного генерал-лейтенанта Кияшко Наказным атаманом Семиреченского казачьего войска". Общими усилиями атамана, Войскового правительства, станичных и поселковых атаманов формируются добровольные конные и пешие сотни, которые следят за порядком в Семиреченской области, и некоторое время она еще остается сравнительным уголком спокойствия в окружении охваченных беспорядками территорий.

Но долгая служба в различных климатических условиях сказалась на здоровье генерала, и он решает возвращаться на Кубань. По пути - в красном Ташкенте - его арестовывают. О последнем дне Андрея Ивановича рассказал участник тех событий капитан Ф. Гнесин.

13 декабря 1917 года в Ташкенте прошла антибольшевическая демонстрация, собравшая до 150 тысяч человек. Манифестанты освободили из тюрьмы офицеров и отвезли к зданию городской думы на митинг. К вечеру демонстранты (в большинстве своем узбеки) разошлись по домам. Когда их осталось не более 500-600 человек, большевики открыли огонь из пулеметов. Более 150 человек были убиты или утонули в реке. Большинство освобожденных из тюрьмы за это время успели скрыться, а восемь человек, в том числе генерал Кияшко, снова были арестованы, отвезены в крепость и там зарублены.

Так почти через 85 лет мы узнали тайну гибели одного из талантливых военачальников, кубанского казака, который верно служил России и принял за нее смерть на далекой окраине страны.

В. Шкуро

О воспоминаниях Ф.И. Елисеева

Первые шаги молодого хорунжего

Хорунжий - первый офицерский чин в казачьих частях Российской Императорской Армии мирного времени. Начальные шаги на военной службе, которые делал молодой казак, прежде чем достичь этого чина - являлись и первыми ступенями становления русского офицера.

Учитывая "объективность" повествований о службе казаков "выдающихся советских", да и нынешних авторов, где "тяжелая муштра", "издевательство командиров" и "падающие от бескормицы кони" (в мирное время!) присутствуют повсеместно - мы предлагаем посмотреть на казачью жизнь начала XX века глазами человека, в ней выросшего, прошедшего путь вольноопределяющегося - юнкера - офицера и написавшего об этом тысячи страниц воспоминаний.

В книге, составленной из собранных воедино очерков и брошюр Ф.И. Елисеева, он вспоминает свою службу вольноопределяющимся в 1-м Екатеринодарском Кошевого Атамана Чепеги полку ККВ, учебу юнкером в Оренбургском казачьем военном училище и первые годы молодым хорунжим в 1-м Кавказском Наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полку ККВ в Туркестане.

События казачьей службы в изложении Елисеева захватывают сразу и не оставляют равнодушными. "Назначили меня во 2-й взвод к "Дмитрий Юхымичу Победа" (ударение на "а") - как называли его все в сотне. Небольшого роста, очень смуглый, с черным усом, закрученным «чоротом», весь сотканый из одних мускулов, на таком же небольшом черно-вороном коне, прытким и веселом - они, словно, дополняли друг-друга, сливаясь вместе".

"...Песня заводилась" - мягко, нежно, протяжно. В нее вступали вторые голоса, а потом уж басы. Расширяясь по-

степенно во всю свою мощь, в которой заливались тенора и рычали басы - она привлекала к себе внимание остальных казаков сотни, которые, присоединившись к задним рядам, усиливали состав и мощь хора. Кругом все замолкало, словно, при священнодействии.

Как они пели?!.. как они пели эти совершенно простые казаки - без нот, без учения, а так, как родила и воспитала их родная Казачья Отчизна.

Я пел первым подголоском, пел, прислушивался, улавливал новые и неведомые еще мне нотки этого безнотного казачьего пения и разных переливов, и влюблялся в них, в этих простых неискушенных казаков, которые в своих староказачьих песнях и напевах - открывали мне новый духовный мир...

Песни они "спивали", т.е. как бы молились своей Казачьей Отчизне, не отдавая отчета - в чем эта Отчизна заключалась, но знали, что она есть".

Военно-строевой уклад жизни казаков, управление Войском, отдами и станицами - настолько точно и емко изложены, что могут служить настольной книгой для любого Казачьего Войска, с учетом особенностей каждого.

В те времена, даже малыши станичных школ, одетые в казачью форму и с деревянными шашками, могли обидеться и не ответить на приветствие Наказного Атамана: "Здоро-

Ф. Елисеев - юнкер Оренбургского казачьего училища, 1911 г.

во, детки!" "Мы не детки, а казаки, - пробурчал кто-то на правом фланге. И каков же был энтузиазм и взрыв пискливо-го ответа на повторное приветствие улыбнувшегося Атамана. - Здорово, к а з а к и - и!.. Дух был крепкий, казачий".

В "Степной Школе" - Оренбургском казачьем училище - обучались казаки 10-ти Казачьих Войск: "Мы все были равны, все мы принадлежали к "казачьему племени", что чувствовали интуитивно. К тому же - все готовились стать офицерами, что еще больше связывало нас духовно. Мы были одной и той же Казачьей психологической среды, раскинувшейся от Черного и Азовского морей, через всю Сибирь, до самого Великого океана, где «всяк всякому брат»".

Становление молодого хорунжего перед Великой войной 1914 года, картины полковой жизни, офицерское общество... Еще тогда судьба подарила Ф.Елисееву службу и встречи с людьми, чьи имена позднее впишут на скрижали Русской Военной Истории. Это атаманы М.П.Бабыч и А.И.Дутов, генералы А.В.Самсонов, Л.В.Леш, И.Е.Гулыга, легендарные А.Г.Шкуро и В.Д.Гамалий, первые добровольцы Белого Движения на Кубани и Тереке П.А.Галаев и З.А.Серебряков-Даутоков, последний командир Русского Корпуса А.И.Рогожин и многие другие.

Казаки любили военную службу, свой территориальный полк, словно и родились для того, чтобы служить в нем по священной обязанности своего происхождения. Гордость за принадлежность к родному полку звучала в словах конного казака 1-го Таманского полка, в ночной темноте на вопрос "что за люди?", глухо и недовольно ответившего: "Цэ ны люды, а Таманци!"

И случись война, протрубит трубач "сбор" - съезжались на станичную площадь казаки и сразу вставали в строй под команду своих льготных офицеров. В два-три дня составлялись все второочередные конные полки Войска, без всяких затрат от государства - обученные, спянные крепкой дисциплиной, выработанной вековыми особенностями казачьего уклада жизни.

"Так было во всех Казачьих Войсках до 1920 года, т.е. до того времени, когда красная власть из центра России захватила вековые казачьи земли и насильственно уничтожила живой организм КАЗАЧЕСТВА".

В книге приведен кадровый состав офицеров по выпускам из военных училищ в казачьи части Русской Императорской Армии в предвоенные годы. Предлагаем фрагменты из нее.

Довольствие и быт 4-й сотни

Питались казаки отлично. Каждый получал ежедневно 3/4 фунта мяса, 2,5 фунта отличного душистого ржаного хлеба сотенной выпечки. При сотне был свой огород, где помидоры, свежий лук, огурцы, укроп и другие мелочи, сдабривающие еду, были в изобилии. Работали казаки на своем огороде охотно, с большой любовью и удовольствием, как над своим личным хозяйством. По весне и летом, сотенный борщ с помидорами - был объеденье. Мы, вольняки, получали на руки "приварочные деньги" - чуть свыше 7 рублей в месяц, но после занятий часто приглашались на казачий борщ и ели с большим аппетитом. После борща следовала горячая порция мяса, отваренного в борще и гречневая каша на коровьем масле. Кроме порционного мяса - все остальное можно было есть "стики влизэ", как говорили казаки. Ели казаки просто Медный бак или деревянная миска на 10 человек. У каждого была своя собственная деревянная ложка, "чабанская". Казаки ели аппетитно, захватив борща или каши "повну ложку, шоб нэ смыкать часто". Все у них было очень просто, добротное и сердечное. Все урядники ели вместе со своими взводами, не выделяясь ничем от них. Жили между собою дружно, и проступков по службе было мало. Доброе было время...

"Взятие городка"

(посвящается Оренбургским казакам)

Подходила масленичная неделя. Зима была в полном своем величии - снежная, с морозами. Город Оренбург, от Форштадта, разделяла широкая площадь, на которой проходили парады войск всего гарнизона, а несколько смен юнкеров ежедневно на ней производили конное ученье,

всегда заканчивающееся джигитовкой.

Форштадт - оренбургская станица с казачьим населением и со своим станичным управлением. По воинскому уставу "фронт есть святое место" - т.е. запрещено отвлекаться в стороны при занятиях. Но мы обратили внимание, что в течение масленичной недели до десятка человек рабочих на санках сваливали снег по соседству с "собачьим садиком" у западной стороны Форштадта, пластами его в широкий круг по диаметру саженной в пять и поливали ледяной водой пласт за пластом.

К концу недели, из этой замороженной глыбы снега образовалась круглая конусообразная кривая фигура, у которой с основания диаметр стен постепенно увеличивался вверх и, дойдя до высоты, приблизительно, трех саженной - эта фигура заканчивалась острой круглой крышей. Закончив "фигуру", рабочие из пожарной кишки "окропили" ее водой и разошлись. Нас, юнкеров с Кубани и Терека, заинтересовала эта постройка. Спросили юнкеров Оренбуржцев - что это? Они ответили с доброй улыбкой: "Завтра, в воскресенье, в последний день масленицы - увидите".

Наступило воскресенье. Было очень холодно, морозно, хотя и светило яркое солнышко. У снежного конуса, с южной стороны - толпы народа. Из Неплюевской улицы показался взвод конных казаков Отдельной Оренбургской казачьей сотни, единственной казачьей части, стоявшей в городе. Они без шашек, в шинелях и в зимних фуражках - черная туля с синим околышем. Все они молодые казаки "действительной службы", 21-25 лет. Почти все блондины, безусые, но с пышными русыми чубами, задористо выглядывающими из-под темных фуражек с левой стороны.

Запела кавалерийская сигнальная труба и взвод казаков, развернутым строем, шагом рассек толпу, образовав "улицу". Тем же строем, широкой рысью, взвод прошел назад, сделал полный заезд кругом и стал вдоль "улицы". Заиграла труба. По улице несется казак на полном карьере. Он легко и уверенно делает "двойные прыжки через седло" (по-оренбургски "перелеты") и круто останавливает своего коня у "снежной фигуры". Вернее - конь сам остановился. За первым казаком скачет второй, третий и, по очереди, весь взвод. Все это было так быстро и сноровисто, как в синема. Из подвернутых за пояс полшинелей - мелькают синие лампы на черных шароварах Оренбургских казаков, так знакомые теперь и нам, юнкерам с Кавказа.

Вдоль "улицы", на дистанции 20-25 шагов положены четыре фуражки. Их легко подхватывают казаки на полном карьере, броском вниз всем телом. Их лошади. На них следует остановиться. Как и у всех казаков на действительной службе - они собственные; здесь они киргизской местной породы, низкорослые и разных мастей. Заметно - хорошо выезженные и "совки" на повод. Казак и конь - слиты воедино. Летит конь птицей в джигитовке, вытянув вперед шею и голову с напряженными глазами, боясь поскользнуться на обледенелой снежной дороге. Все кони без подков. Они, на карьере, своими маленькими копытцами, словно цепляются за ледяной грунт, чтобы не поскользнуться и не упасть.

Джигитовка закончена. Запела сигнальная труба. "По улице" среди толпы развернутым строем, полным карьером, несутся человек 15 казаков с воинственным "гиком" к ледяной глыбе. Два длинных черных ножа-кинжала, крест накрест заткнуты спереди за поясами каждого казака. С азартom подлетели они к глыбе, круто осадил

коней, встали ногами на седла, бросили повод уздечек, схватили по одному кинжалу в каждую руку и бросились на заледеневшую стену, вонзив в нее их, всем телом прилепившись к стенкам с разных сторон. Кони, освободившись, табунком весело поскользились назад.

Все перелились глазами в казаков, которые как бы повис-

Сторожевой пост "Разгонный" на берегу Кубани, сохранился в Екатеринодаре до 1920 г.

Посещение Государем Императором Войскового Круга ТКВ. Владикавказ, 4 декабря 1914 г.

ли в воздухе. Снежная глыба построена так коварно, что стены ее, сужаясь к основанию в своем диаметре - совершенно не давали возможности казаку опереться на них коленями или ногами сапог, чтобы взобраться на ее крышу. Но начало крутой конусообразной крыши началось на высоте, когда казак, став ногами на седло, мог свои ножки-кинжалы воткнуть в крышу, высоко бросив руки вверх, чтобы уцепиться за нее кинжалами. После этого началась борьба - чтобы не сорваться вниз, казаки, последовательно вонзая кинжалы по самые рукоятки, на мускулах подтягивались к крыше. Но тут ждала смельчаков злая шутка. Вокруг "постройки" лежали кучи снега. Появилась группа рабочих с деревянными лопатами широкой полосты, и начали бросать этот снег вверх на головы, на руки, на их плечи, стремясь затруднить карабкание казаков вверх. Послышался резкий протест толпы, перешедший в смех, когда убедились, что это "игра", а ни что иное.

Казаки уже на крыше; вонзая кинжалы в глыбу, один за другим, по-лягушачьи ползли на животах к ее вершине, упиравшись коленями и сапогами для быстроты движения. Все это продолжалось несколько минут. Один из казаков достиг вершины, руками схватил древко флага у основания, подтянулся к нему, вскочил на ноги, выдернул древко и поднял Войсковой синий флаг над своей головой. Крики "ура" толпы приветствовали победителя. Он был награжден серебряными часами с цепочкой. Сюжет представления надо искать в не так далекой старине Оренбургского Войска, поселенного на рубеже России по среднему и верхнему течению Урала. При завоевании Туркестана, в котором активное участие принимали Оренбургские казацкие полки - они, видимо, не раз ходили в конные атаки на глинобитные укрепления тех народов, поэтому представление это называлось "Взятие городка".

В джунглях Индокитая

Вторая Мировая война застала полковника Ф.И.Елисеева на острове Суматра, где оказались в 1939 году казаки-джигиты его группы, "избороздившие" до этого в своем турне Европу, Индию, часть Китая и Юго-Восточную Азию.

Считая союз гитлеровской Германии с красной Россией ненормальным, он, офицер Русской армии, сдал экзамены на офицерский чин во Французской армии. Военными и политическими событиями оформление затянулось.

Вызванный в штаб во французском Индокитае, в 1943 году Елисеев поступает в чине лейтенанта в Иностранный Легион. Началась его третья война.

Во французской армии иностранцы не могли быть офицерами - за исключением принимавших подданство и закончивших французские военные учебные заведения. Во время Второй Мировой войны 1939-45 гг. иностранные офицеры, прожившие во Франции не менее 10 лет, могли поступить во французскую армию в звании "офицеров Т.Т." ("тип темпорэр" - временных). Всего, после экзаменов при штабах военных округов, звание офицеров Т.Т. получили около 400 русских.

Иностранный Легион считался во французской армии образцовым воинским соединением. К середине XX века он состоял из 7 полков со своим Депо (управлением) в Северной Африке. В Легион стремились попасть лучшие французские офицеры. Рядовой состав и сержанты - исключительно иностранцы, преобладали немцы.

В 20-30-х годах, в Северной Африке, в 1-м Кавалерийском полку Иностранного Легиона служили казацкие офицеры, лично знакомые Ф.И.Елисееву. Хорунжий А.Галкин - хоперец, ставший в Легионе "Николаем Корсовым", выступал затем в джигитовке вместе с Елисеевым. Хорунжий Шопин - 1-го Лабинского полка ККВ, поступил в Легион рядовым, дослужился до звания сержанта и погиб в Сирии в бою против восставших друзов. Вместе с ним погиб молодой есаул 1-го Кавказского полка ККВ С.Поволоцкий, также сержант-легионер.

Мой двоюродный дед, Н.Абашкин, кадетом старшего класса Владикавказского корпуса был эвакуирован в Болгарию. Во Франции выступал в джигитовке, затем устроился конюхом и садовником к маркизу д'Обержон. Окончил летное военное училище и поступил в Иностранный Легион. В 30-х годах воевал в Северной Африке, сбрасывал легионерам воду и лед в пустынях, там и погиб.

В начале 20-х годов в Сирии, в Легионе состояло более 150 казаков. Большинство - на Евфрате, у границы с Турцией. Служили по пять лет. Донец С.К. вспоминал: "...На пустынном холме Ливана мелькают огни костров отдельной роты Иностранного Легиона, расположившейся на отдых после утомительного перехода под палящими лучами сирийского солнца... Вдруг мертвящую тишину душной ночи прорезал молодой энергичный голос, произнесший на русском языке: "А не спеть ли нам, братцы. Что-то грустно стало на душе!..." Послышались одобрительные восклицания из темноты: "Собирайся, ребята!" У одного из костров собралась группа около 30 человек, все молодые казаки, лагерь ожил... И вот, над пустынным холмом полилась казацкая песня. "Поехал казак на чужбину далеко - на добром коне он своем вороном", - пел молодой голос, страстно затихая на последних словах. Плавным аккордом вступил хор других голосов, на фоне которых зазвенел высокий подголосок. Песня лилась, то стихая, то усиливаясь. Все притихли - задума-

лись... "Allez coucher!" (всем спать!) - нарушил молчание начальнический голос. Грустные, под наплывом воспоминаний, разошлись легионеры по своим палаткам... Тихо кругом, и только где-то далеко раздаются протяжный, ноющий вой шакалов..."

Легионер-иностранец является существом "без рода и племени". По смерти - вычеркивался из списков Легиона "как номер". Никаких родных у него "не было" и не должно было быть. Вещи его продавались с аукционного торга и поступали в роту или батальон. То же относилось и к офицерам-иностранцам. Смерть офицера в бою ничего не стоила, казенный конь был "дороже". Все они считались "селибатэр" (неженатыми), даже если и имели жен. В случае их гибели - семья не получала ничего!..

Елисеев описывает заключительный период войны с японцами в Индокитае весной 1945 года. Внезапной ночной атакой 9 марта японские войска разбили французские гарнизоны: в Тонге штыками были уничтожены все чины штаба; в Ханое, более полутора дней шла осада упорно сопротивлявшихся защитников цитадели, действовали танки, потом японцы ворвались в крепость и в рукопашной схватке не пощадили многих.

Только 5-й пехотный полк Иностранного Легиона, где служил "лейтенант Элизе" - успел уйти из своего расположения. С боями, в течение двух месяцев, отряд отступал в Китай - ушел и спас честь воинского знамени.

Командира пулеметного взвода и опытного кавалерийского офицера, Елисеева назначили вести разведку - чрезвычайно опасное задание в тех условиях. "Война в здешних джунглях, - говорит автор, - была совсем не похожа на войну в Европе. Это была партизанская война в горах и лесах, и на короткую дистанцию и где штык японского солдата оканчивал жизнь отсталых, пленных и раненых, т.к. "возиться" с ними было некогда и не к чему".

Прикрывая в арьергарде отступление батальона и спасая тяжело раненого легионера, Елисеев оказался в плену у противника. На марше, в крайне трудных для пленника условиях, он наблюдает и изучает неприятельскую армию - имея возможность видеть ее "без всяких прикрас"; испытывает как внимание со стороны японских офицеров, так и ненависть японских солдат к людям белой расы.

В книге приведен состав легионеров разных национальностей, в том числе русских. Один из них, погибший в Индокитае капитан В.Комаров - приходился внуком генералу А.В.Комарову, чей отряд при Кушке в 1885 году разгромил второе превосходящих его афганцев, перешедших русскую границу; причем казаки 1-го Таманского полка ККВ едва не захватили в сражении английских инструкторов, бежавших на афганскую территорию.

В боях против японцев лейтенант Иностранного Легиона Ф.Елисеев был ранен, отмечен 9-ю наградами и высшим из них - орденом Военного Креста 2-й степени.

Любопытно продолжение этой истории. При подготовке работы к печати, из Японии - спустя 60 лет (!) - откликнулся бывший командир японского отряда в джунглях Индокитая, 88-летний капитан, выказавший в плену доброту и уважение к казачьему офицеру!..

П. Стрелянов (Кулабухов)

Ф. Елисеев - лейтенант Иностранного Легиона, 1947 г.

След кровавый стелется...

Нестор Махно: "блудный сын" Революции

Махно рано попал в поле зрения энергичных людей, нацеливавшихся на захват власти в России. В типографии, куда он подростком попал на обучение, контроль над ним взял в свои руки человек под красивым псевдонимом "Волин" - Всеволод Эйхенбаум. И вот уже в 1906 году, в возрасте 22 лет, при налете на уездное казначейство Нестор без раздумий совершил тройное убийство...

Он был приговорен к бессрочным каторжным работам, причем о смягчении участи Махно настойчиво хлопотали влиятельные люди...

После октябрьского переворота, 22 июля 1918 года, он посетил в Москве своих прежних наставников. Ленин и Свердлов не жалели похвал. "У всемирной революции много врагов, и всех надо безжалостно уничтожить..." Работы - непохвальный край!.. Окрыленный Нестор отправляется домой.

Вскоре пришел и его звездный час.

На пути к Москве 17 сентября 1919 года казаки генерала Шкуро берут Воронеж. Захвачены 13 тысяч красноармейцев, бронепоезд "Товарищ Ворошилов" быстро восстановлен и получает новое имя - "Генерал Шкуро".

В этот момент и начинается, при поддержке трех бронепоездов, рейд 15-тысячной махновской конницы по тылам армии Деникина. Во главе РВС своей бригады Нестор Иванович ставит давнего знакомого - Волина.

Под власть Махно попадает пятая часть Украины. Он угрожает Таганрогу - ставке Деникина. 25 сентября в Воронеж отсюда поступает телеграмма: "Немедленно направить на станцию Волноваха одну из конных дивизий корпуса генерала Шкуро".

Через три дня новое указание: "Принять все меры к ускорению переброски Терской дивизии и Донской бригады..."

2-я отдельная Донская бригада полковника Василия Ивановича Морозова отправляется из Калача на юг. С остальными Шкуро медлит: в штабе Донской армии генерал-лейтенант Александр Павлович Кутепов настаивал не сдавать Воронеж.

6 октября - новый приказ Деникина: "Немедленно вывести Терскую дивизию из боя и спешно отправить в тыл. Махновцами заняты Александровск, Мелитополь, Бердянск, и сегодня они ведут наступление на Мариуполь. Преступление задерживающих дивизию ничем оправдано быть не может!"

Командующий Донской армией генерал-лейтенант Владимир Ильич Сидорин вынужден отправить на Лихую свой последний резерв - Тульскую пехотную и Горско-Моздокскую казачью бригады.

В тот же день на спасение ставки главнокомандующего из по железной дороге в Волноваху была отправлена 2-я бригада Терской казачьей дивизии, а Шкуро подал рапорт об отставке. 7 октября его 3-й конный корпус перестал существовать - безо всякого участия "легендарного" Семена Буденного.

Андрей Григорьевич писал потом: "Получив приказ отослать Терскую казачью дивизию под Таганрог, я запротестовал и заявил, что в этом случае вынужден буду оставить Воронеж..."

11-го казаки ушли из города, а 24 октября 15-тысячная конармия Буденного, наемные части чехов, латышей, мадьяр, китайцев, австрийцев заняли Воронеж. Вошли в город под голубыми знаменами с шестиконечными звездами и еврейские части - на груди у многих жетоны с портретами Карла Маркса.

80 верст от Воронежа до Касторной по снежной равнине три оставшихся при Шкуро полка прошли за три недели. Вместе с казаками шли солдаты 25-го полка, сформированного из рабочих Воронежа, и Землянского (Партизанский генерала Алексева пехотный) полка, сформированного из студентов и гимназистов.

Махно в результате своего рейда захватил и отправил в Москву и Петроград более 100 вагонов зерна. Он был награжден одним из первых - за № 4 - орденом Красного Знамени и на время даже превратился в "комбрига РККА".

9 января 1920 года Махно отказался выступить на фронт против поляков и был объявлен большевиками "вне закона", но уже 27 сентября подписал новое соглашение с Красной Армией. 7 ноября 1920 года полторы тысячи махновцев в одиннадцатиградусный мороз форсировали семиклометровый Сиваш и ударили в тыл защитникам Перекопа, решив судьбу Белого Крыма.

Сам Нестор Иванович предусмотрительно оставался в своей "столице" - Гуляйполе. И не зря - почти сразу после взятия махновцами Симферополя командующий их "Революционно-Повстанческой армией" Каретник был захвачен, а сама "армия" разгромлена. Махно спас Ленина - и стал ненужным.

Формальным поводом к разгрому махновцев стал их отказ влиться в ряды Красной Армии. Но фактически участь их была решена после отказа от участия в массовых казнях сдавшихся в Крыму русских офицеров. 26 ноября Красная Армия окружила Гуляйполе. С отрядом всего в 200 человек Махно вырвался из городка. С боям прорвался на Полтавщину и Харьковщину, далее на север, к Курску.

В это время в Тамбовской и других губерниях Центральной России вспыхнуло народное восстание под лозунгом "Даешь Советы без большевиков!".

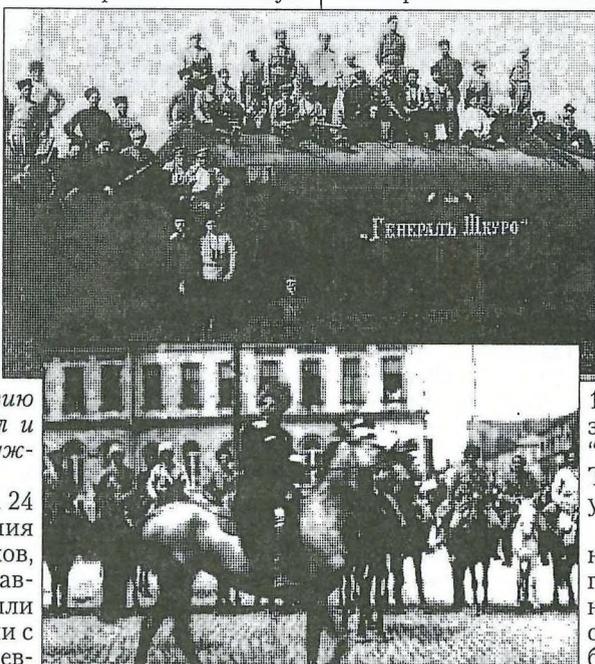
25 января 1921 года Курская губчека сообщала: "Банда Махно имеет цель направиться в Тамбовскую губернию. Численность банды Махно три тысячи человек при 15 пулеметах и одном оружии". В апреле особый отдел Тамбовской губчека: "Существует связь с руководителями восстания и других местностей, как, например, через посредничество Колесникова, прибывшего в Тамбовскую губернию, с Махно..." (тогда и произошла загадочная встреча продотряда станицы Вешенской с махновцами. В живых из продотрядчиков Нестор Иванович почему-то оставил только Шолохова).

Части Красной Армии, подавляя восстание, с помощью немецких интернационалистов применили химическое оружие. Не дойдя до цели, "батка" ушел на Орловщину - к химической войне он готов не был. Очень скоро все недавние друзья бросили его. В августе 1921 года близ Ямполья тяжело раненный Нестор Махно был переправлен через румынскую границу...

Всю оставшуюся жизнь Махно размышлял, почему его так жестоко "кинули". Продолжал пропагандировать идеи анархизма. В апреле 1927 года выступил в Париже с воззванием "К евреям всех стран" и с "Открытым письмом в ВКП (б)". Так и не поняв, что его время давно ушло и теперь он никому не нужен.

Умер он в 1934 году. Немцы, заняв Париж, отправили в концлагерь его вдову Галину и дочь Елену. После "освобождения" советскими войсками Галина Андреевна была осуждена на 8 лет лагерей, Елена получила 5 лет ссылки...

А. Деятярев (Воронеж)

Воронеж, сентябрь 1919 года. А.Г. Шкуро и бронепоезд его имени.

От редакции

Нестор Махно родился на Екатеринославщине, в селе Гуляй-поле - на казачьих землях. Говорят, на крестившем его священнике от свечи вспыхнуло облачение. По народному поверью это значит, что родился разбойник...

Армия Махно формировалась на казачьей земле и во многом из потомков украинских казаков. Поселяне, чьи прадеды некогда расказачены были еще царским правительством, не испытывали симпатий ни к прежней власти, ни к новой, уже успевшей показать свою ненависть к зажиточному селу.

Как писал в одной из статей А.И. Сербя - "На территориях бывшей Запорожской Сечи с огромными земельными площадями преобладали семейные хутора и система "зимников" с частными охотничьими и рыбными хозяйствами. И именно там было оказано самое яростное сопротивление "социализации" земли (при социалистах Петлюры и разношерстном сборе советом) или возвращению её в руки дореволюционных владельцев-помещиков (при Деникине)".

В планы Махно входило основание независимой крестьянской республики - по подобию Запорожской Сечи, в устройстве которой он видел осуществление принципов анархизма. Советы могли сохраниться, но не как органы власти, а лишь как средства содействия людям в их трудовой деятельности. Саму же свою жизнь граждане должны были устраивать по принципам полного самоуправления - в соответствии с традициями и здравым смыслом. Как писал украинским анархистам сам Махно: "Займёмся разрушением рабского строя, чтобы вступить самим и ввести других наших братьев на путь нового строя. Организуем его на началах свободной общестственности, содержание которой позволит всему, не эксплуатирующему чужого труда населению, свободно и независимо от государства и его чиновников, хотя бы и красных, строить всю свою социально-общественную жизнь совершенно самостоятельно у себя на местах, в своей среде..."

Войско Махно представляло собой интересную картину: многие бойцы ходили, словно персонажи знаменитой картины Репина, в широких шароварах, подпоясанных красными кушаками, в длинных вязаных фуфайках. Гранаты, револьверы за кушаком, пулемётные ленты крест-накрест...

Тактика ведения боевых действий махновцев, также восходившая к казачьим традициям - быстрота, маневренность, скрытность, - была разработана применительно к ведению партизанской войны. Ядро "армии" (до 500 человек) составляли бывшие младшие офицеры и солдаты цар-

ской армии. Обученные ими крестьяне сразу пересаживались на знаменитые махновские тачанки. Пользуясь поддержкой населения, отряды махновцев совершали в полной тайне переходы по 60-70 км. Не было проблем ни с пополнением людьми, ни с продовольствием.

В отличие от значительной части Красной Армии, мобилизованной насильно, с привлеченными под угрозой расстрела семей военнослужащих, это была действительно **народная армия**. Вот только за кого сражалась она?.. **В чьих интересах?..**

Активные действия Нестора Махно в тылу Русской армии сыграли огромную, если не сказать **решающую!** - роль как в конечной неудаче наступления казаков Шкуро и Мамантова на Москву и захвате красными в октябре 1919 года Воронежа (в советское время этот факт замалчивался, дабы подчеркнуть "исключительную" роль Буденного), так и в нанесении в октябре 20-го года решающего удара по силам Врангеля под Екатеринославом-Александровском-Мелитополем и в прорыве последних линий обороны Белой армии. Тем самым во многом предопределив будущее страны, трагедию ее казачества и крестьянства.

Сравнительно мало известно, что Врангель, пытаясь использовать разногласия между махновцами и большевиками, хотел договориться с Махно. В июне 1920 года он обратился к "батьке" с предложением союза в борьбе с советской властью (которую сам же Нестор называл "**большевицкой диктатурой**" и "**контрреволюцией**"). Но, увы - ненависть к старой власти и соответствующее оружие не позволили Махно сделать этот нелегкий выбор...

Известно, что Махно сочинял не только воззвания. Как писал один из исследователей его жизни - "**в его стихах - пулеметы, тачанки, шашки, поверженные враги, белые и красные...**" Вот одно из его стихотворений, 1921 года. Словно подводимое итоги всей жизни:

Я в бой бросался с головой,
Пощады не прося у смерти,
И не виновен, что живой
Остался в этой круговерти.
Мы проливали кровь и пот,
С народом откровенны были.
Нас победили. Только вот
Идею нашу не убили!
Пускай схоронят нас сейчас,
Но наша Суть не канет в Лету.
Она воспрянет в нужный час
И победит. Я верю в это!

ГК

В издательстве "Центрполиграф" вышли два тома книги омского историка В.А. Шуддякова "Гибель Сибирского казачьего войска". 1-й (1917-20 гг.; 748 с., 134 илл.) посвящен зарождению казачьего движения и участию сибирцев в Гражданской войне в составе войск Временного Сибирского правительства и армии адмирала А.В. Колчака. 2-й (1920-22 гг.; 607 с., 47 илл.) - борьбу казаков под командой атамана Б.В. Анненкова в Семиречье и в составе Дальневосточной армии в Забайкалье и Приморье, участию их в Западно-Сибирском и других восстаниях 1920-21 гг. Книги можно заказать в издательстве (111024, Москва, а/я 18; сайт www.centropoligraf.ru). Предлагаем в сокращении главу книги о трагедии казачьего Семиречья. Небольшое войско (в 1917 году - 45 тысяч лиц войскового сословия, более 4600 казаков в строю) одним из первых испытало тотальный террор и расказачивание. В 1918 году семиреченские казаки ожидали помощи от своих старших братьев - сибирцев...

Гибель Семиреченского войска

...Советская власть долго не могла утвердиться в Семиречье. Но вот в феврале 1918 года в Верный из Персии прибыл 2-й Семиреченский казачий полк, в котором уже был антагонизм между комсоставом и полковым комитетом. Проследовал он через Ташкент - главный гнойник большевизма в регионе - где был обработан агитаторами. А верненские большевики послали на встречу ему представителей, говоривших, что Войсковое правительство и его сторонники - "**контрреволюционеры**", "**буржуи**", "**поработители трудящихся**"...

Войсковой круг избрал атаманом командира 2-го полка Георгиевского кавалера полковника Генштаба А.М.Ионова. Но в ночь на 3 марта 1918 года красногвардейцы с помощью казаков 2-го полка разогнали круг, арестовав атамана, и объявили об установлении в области советской власти. Затем полк, передав свое оружие совдеду, разъехался по домам. Очень скоро второполчане раскаялись в содеянном!..

Образованный в Верном областной совет народных комиссаров решительно приступил к революционной ломке. Кир-

гизское восстание и разорение 1916 года, неурожай 1917-го, нарушение большевиками продовольственного аппарата привели к тому, что зимой в Семиречье пришел голод.

В начале апреля 1918 года облсовнарком объявил "**поход за хлебом**". Преобладавшие в совдепах крестьяне попытались свалить основную тяжесть хлебной разверстки на казаков, но станицы Верненского уезда арестовали прибывших продовольственных уполномоченных. Тогда облсовнарком наложил на них громадную контрибуцию, направив из Верного отряд с артиллерией для взимания зерна и скота.

Подойдя к станице Софийской (Талгар), красные, пьяные, в ультимативной форме потребовали немедленной выплаты контрибуции. Станичники работали в полях, и атаман попросил два часа на сбор общества. Собравшиеся на зов набата казаки постановили защищаться. Вооружились, чем могли. Спустя два часа усмирители, не дождавшись ответа, сделали по станице ружейный залп, после чего предупредили, что дают еще 20 минут, а затем открывают артогонь.

Тем временем в Софийскую прискакали казаки из станицы

цы Надеждинской (Иссык). Софийцы и надеждинцы решили упредить врага и сами атаковали. Большевики, бросив две пушки и два пулемета, бежали. Другие станицы уезда тоже стали вооружаться. Мало-Алматинская встретила отступавших красных боем, довершив их разгром. Началось восстание шести южных станиц Семиречья.

С 10 апреля 1918 года девять дней вокруг Верного шли, с переменным успехом, бои. Казаки-надеждинцы во главе с сотником Бортиковым совершили налет на город, освободив войскового атамана. Облсовнарком ответил террором против интеллигенции и "богатого класса" - в Верненской тюрьме было перебито до 40 чел. Но в народе ожесточения пока не было. Восставшие не исключали мирного исхода, требуя роспуска красной гвардии, отмены контрибуции и выборов "настоящей народной власти". Большевики использовали примиренческие настроения, чтобы выиграть время.

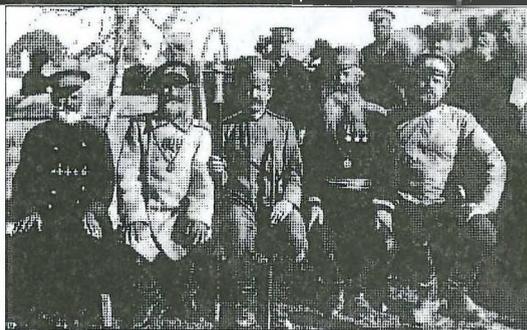
25 апреля был заключен мирный договор. Стороны обязались отпустить политзаключенных и пленных, распустить вооруженные формирования, созвать областной съезд от всех слоев населения и переизбрать облсовнарком. Для охраны порядка и границы решили призвать два молодых года срочной службы и сформировать крестьянско-казачий "отряд народной армии". Казаки разошлись по домам, сложив оружие в станичные склады. Но большевики лишь ждали подкрепления. Красную гвардию не распустили. Наоборот, захватив часть казачьего оружия, стали вооружать крестьян-новоселов. А заключенных они уже перебили.

Обнаружив обман и узнав о скором прибытии карательного отряда из Ташкента, казаки вновь поднялись. Они запросили подмогу у северных станиц и снова подступили к Верному. Но момент был упущен. Казаки же Копальского и Лепсинского уездов серьезной помощи не оказали, прислав лишь три небольших добровольческих отряда. Несколько станиц, после долгих споров на сходах, послали к Верному казаков двух нарядов, 1917-18 годов. Но "одурманенная большевизской пропагандой" молодежь в дороге замитинговала и повернула назад. А казаки-второполчане вообще отказались с кем-либо воевать.

С прибытием из Ташкента отряда Мураева в 600 штыков с пулеметами превосходство красных стало подавляющим, и 19 мая у Мало-Алматинской и Любовинской (Каскелен) они разбили повстанцев. "Казаки в панике бежали, стали предавать своих командиров", - писал очевидец. Победители приступили к расправе. Казнили всех офицеров, священников, интеллигентов, многих рядовых казаков. В Больше-Алматинской станице каратели вывели всех сдавшихся мужчин на площадь и расстреляли. Разграбив хозяйства, красные сожгли станицы, выселили и хутора. Без крова осталось шесть тысяч семей! Это был массовый террор - задолго до января 1919 года и знаменитого циркуляра Оргбюро ЦК РКП (б)...

Повстанцы, бежавшие в северо-восточном направлении, еще оказали сопротивление. Пронесся слух, что большевики решили вырезать всех казачат старше 6 лет, чтобы оставленные в живых забыли о своем происхождении, и казаки собрались с силами, отбросив преследователей от Джаркента. Тогда каратели прислали ультиматум: сдаться, иначе поголовное уничтожение населения. Сложившим оружие обещали жизнь. У казаков началась митинги, и после колебаний, не видя выхода, большинством склонилось к капитуляции. Войсковой атаман бежал в Китай, в Кульджу.

К концу мая "Верненский белоказачий мятеж" был подавлен. Собравшиеся в Джаркенте казаки 27 мая сдали оружие, а спустя два дня узнали, что облсполком решил их расквациить и лишить всех избирательных прав. Крестьянским селам косить сено повстанцев - казачьи земли перешли в "общенародное" пользование. "Тут призадумались наши казаки-большевики" - вспоминал один из казаков. В тот же день под Джаркентом собрались около 40 казаков, более по-

Старики - участники завоевания Семиречья, с представителями станичного самоуправления. В центре, с булавой, атаман станицы. Фото начала XX века.

ловины второполчане. Теперь они калялись: "На нас кровь отцов и детей наших, мы повинны в гибели войска!". Решено было начать партизанскую войну. 3 июня 1918 года облсполком принял декрет о ликвидации Семиреченского войска. Казачье сословие и его самоуправление были "аннулированы в области навсегда". Казаков переименовали в "граждан-крестьян", станицы - в села. Вместо атаманов насаждались комиссары. Все имущество войска переходило в распоряжение облсполкома - конфискации подлежали не только офицерские земли, но и "излишки" скота и хлеба рядовых казаков.

Часть казачьих угодий передавалась другим категориям населения. "Все достояние станиц перешло к крестьянам, - писали очевидцы. - Семиреченское войско было стерто, и вся власть была передана тому крестьянину-мужику, которого семиреченцы гостеприимно приняли на завоеванные ими земли, дали им возможность безбедно жить..."

Для расказачивания северных станиц облсполком направил отряд И.Е.Мамонтова - 1200 штыков и сабель при нескольких орудиях и пулеметах. Мамонтовцы показали себя еще в областном центре. Прямо в храме они схватили епископа Семиреченского и Верненского Пимена и расстреляли его. Двигаясь на север, каратели оставляли "реку крови от истребления казаков и их сочувственников". 19 июня они произвели массовые расстрелы в станице Копальской.

Слухи о расправах опережали карателей. В станице Урджарской казаки и киргизы образовали "Комитет спасения". Узнав, что советская власть в Западной Сибири свергнута, Комитет 29 июня послал телеграмму в Семипалатинск и Омск: "В Верненском уезде совершенно уничтожены станицы Малая, Большая, Каскелен, Тастак, некоторые киргизские, старожильческие селения. Большая часть населения без различия пола [и] возраста вырезана большевиками. Беженцы по дороге расстреливаются. По декрету облсовета казаки лишены звания, земли и общественных прав, киргизы ограничены в правах". Комитет просил срочно прислать войска, оружие, патроны.

Помощь не могла прийти быстро, а Мамонтов уже 6 июля занял Урджарскую. Комитет спасения и многие жители бежали на восток - в Китай, а отряд урджарских казаков ушел на север - на станицу Кокпектинскую Сибирского войска.

Станица Сарканская направила в Сибирское войско уполномоченных с просьбой не покинуть семиречков "на расхищение злых коршунов и подать руку помощи". "Дышащий сплошным ужасом рассказ о зверствах, чинимых красными над мирным населением и, в особенности, над казачеством" так впечатлил общество станицы Семипалатинской, что оно немедленно приступило к формированию добровольческой партизанской сотни.

Делегаты же проехали далее в Омск, 6 июля выступив на заседании 4-го войскового круга сибирцев. Сарканец А.Е.Шарапов произнес потрясающую трагизмом речь о гибели родного войска, многие слушатели прослезились. Круг постановил оказать семиречкам экстренную помощь. После этого Шарапов поехал по Сибирскому войску. Он посетил 81 станицу, везде ему обещали спасти "младших братьев".

Был образован "Семиреченский отряд Сибирской армии" под началом полковника Ф.Г.Ярушина. Войсковой атаман сибирцев П.П.Иванов-Ринов приказал ему немедленно выехать в Семипалатинск, а оттуда с более-менее готовыми частями выступить на Сергиополь (Аягуз).

Тем временем начальник войск Семипалатинской области есаул П.И.Сидоров решил произвести разведку боем. 7 июля из Семипалатинска выступил конный отряд подесаула Г.П.Люсилина в составе Семипалатинской партизанской сотни, сводной сотни 3-го Сибирского казачьего полка и офицерской пулеметной команды (более 100 сабель, 2 пулемета). На рассвете 15 июля отряд с налета захватил Сергиополь, но защищенную окопами "крепость" не взял. После подхода к красным крупного подкрепления с орудием Люсилин отвел свой маленький отряд к пикету Алтын-Кулат. События в Семиречье взволновали казачество Зайсан-

Войсковой атаман генерал - майор Александр Михайлович Ионов (1880-1950), казак станицы Больше-Алматинской

ского уезда. 11 июля в станицу Кокпектинскую явился отряд из 133 урджарских казаков с просьбой о помощи, указывая на собственном примере, что тихо отсидеться не удастся.

Перспектива нашествия отряда Мамонтова заставила кокпектинцев взяться за оружие. Под руководством станичного атамана Матвеева вместе с соседней Буконской станицей они в три дня сорали 158 всадников (командир вахмистр Вишняков). Урджарцы, кокпектинцы и буконцы присоединились к Люсилину.

16 июля из Семипалатинска выступила колонна Семиреченского отряда Сибирской армии под командой капитана Н.Д.Виноградова: Автомобильный партизанский и Павлодарский добровольческий отряды. В Алтын-Кулате капитан объединил все собранные силы, в том числе более 400 сибирских и семиреченских казаков. 20 июля он атаковал Сергиополь. Бой шел более суток. Красные бежали, оставив пушку, 3 пулемета, раненых и пьяных. 26 июля была взята Урджарская. Но через три дня в селе Маканчи Виноградов был смертельно ранен. Пал и каратель Мамонтов, но более многочисленные красные отняли Урджар.

Семиреченцы распадшегося отряда Виноградова отступили на восток - к китайской границе. Сплотившись вокруг полковника Вяткина, они заняли приграничное село Бахты. 2 августа отряд Вяткина (450 штыков и сабель, 4 пулемета), перейдя по тракту в наступление, взял Маканчи. Навстречу наступали от Сергиополя части полковника Ярушина. После четырехдневных боев они овладели станицей Урджарской. Днем раньше у села Благодатного произошло соединение передовых частей сибиряков и семиречков. У Ярушина в авангарде шла Семипалатинская партизанская сотня подесаула Люсилина, у Вяткина - сотня войскового старшины Бычкова. Сотня Бычкова оказалась во время боя в критическом положении, и подходившие к Благодатному сибирцы с ходу ринулись в бой. Их атака спасла семиречков...

Вне три крупных селения на тракте от Сергиополя к китайскому городу Чугучаку (Урджарская и старожильческие села Маканчи и Бахты) жестоко пострадали от красных, оставшиеся на месте жители перебиты. А "киргизы, не успевшие откопаться, вырезаны большевиками включительно до грудных младенцев". Большевики из очищали землю для "крестьян-социалистов"...

Особенно ужасна участь богатого, цветущего села Маканчи (Ивановское). Красные вырезали в нем всех обнаруженных женщин и детей, забросав телами колодцы. "Вместо домов остались буквально одни обгоревшие, закопченные саманные стены, - вспоминал очевидец, - Все, что могло быть поломанным или сожженным, уничтожено или приведено в полнейшую негодность: двери, деревянные косяки, столы, скамьи, фруктовые деревья, огороды, - все выломано, сожжено, изрублено, вытоптано..." В селе просто невозможно было встать на ночевку...

На призыв войскового атамана А.М.Ионова к крестьянам - вступать в Семиреченское войско, вернувшиеся на пепелища маканчинские беженцы записались в казаки, и их село было преобразовано в станицу. В 1919 году село переименовали в Анненково - в честь атамана Партизанской дивизии Б.В.Анненкова.

Зная тракт Сергиополь - Бахты и обеспечив тыл, сибиряки могли наступать на юг. Освобождение Сергиополя для пострадавших от террора семиречков стало сигналом. 23 июля 1918 года началось восстание в Копальском и Лепсинском уездах: в станицах Копальская, Арасанская, Абакумовская, Сарканская, Лепсинская и др. В Копале образовался повстанческий "Боевой совет". Но из Верного пришел новый красный отряд, и сибирские части помочь не успели. Казачье население бежало в горы - держалась лишь Сарканская станица.

Возглавляя защитников Сарканской казак Коровев, выбранный обществом "начальником обороны", и войсковой старшина Н.Д.Кольц, офицер 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеева полка, фактический военный руководитель. В станице противников разделяла только улица. Из захва-

Начальник войск Семипалатинской области есаул П.И. Сидоров (1909 г., в звании хорунжего)

Командир Семипалатинской партизанской казачьей сотни подесаул Г.П. Люсилин (1917 г.)

Зам. войскового атамана в 19-20 гг. генерал-майор Н.П. Шербаков (1879-1922)

ченной ее части красные увели всех жителей, разграбили все имущество, а постройки сожгли. Сарканцы упорно держались в уцелевшей части станицы, несмотря на полное превосходство сил противника, дефицит боеприпасов и воды, солнцепек и вонь от разлагающихся трупов, левявших между боевыми линиями. Они держались под жестоким артиллерийским огнем, отбивали яростные атаки, гасили пожары, добывали воду, делали ночные вылазки и... надеялись, что вот-вот придут сибиряки.

Штурм в ночь на 28 августа едва отбили, после чего Н.Д.Кольц записал в дневнике: "У казаков замечается упадок духа, устойчивости, ибо надеются теперь на чужую помощь, а не на себя... Еще один такой бешеный натиск - и труды, жертвы двухнедельной борьбы сведутся к нулю. Запас патронов ничтожный..." Но отряд Ярушина был уже близко.

Сотня 3-го Сибирского казачьего полка 29 августа прорвалась к Сарканской: "С запада станицы затрещал пулемет, - вспомнили сарканцы, - все звери, упившиеся нашей кровью, ринулись на этот звук. То были первые пришедшие из сибирцев. Только после этого прекратилась орудийная канонада и свист пуль, оставших станицу. Мы не имели сил и не имеем возможности выразить о той радости, какая охватила нас при вести о явившихся спасителях..."

Сарканское общество не просто выразило "самую чистую, от глубины казацкого сердца благодарность", но постановило переименовать станицу в Сарканско-Сибирскую. В общественном приговоре 1 декабря 1918 г. говорилось, что новое имя ее "послужит в назидаение нашим потомкам, как живое свидетельство о той братской любви и отзывчивости к нам сибирцев, с которыми они откликнулись на наш зов..."

К ноябрю 1918 года в Семиречье воевало четыре сотни и полковые команды 3-го Сибирского казачьего полка (600 шашек, 2 пулемета; командир - войсковой старшина П.П.Колейкин). В декабре в составе Партизанской дивизии сюда был переброшен 1-й Сибирский казачий атамана Анненкова полк (командир - есаул Николаев). Сибирское войско помогло Семиреченскому и командными кадрами (большинство офицеров-семиречков погибло). Так, 1-м Семиреченским (Алатавским) казачьим полком командовал сибирский казак - войсковой старшина А.А.Асанов...

С приходом частей Сибирской армии началось возрождение Семиреченского войска. В станицу Сергиопольскую перебрался войсковой атамана Ионов. Здесь же действовало Войсковое правительство под председательством сотника Астраханцева. Но белые не смогли освободить всю область - превосходство на этом фронте было не на их стороне. К середине октября 1918 года красные имели здесь более 8 тыс. штыков и сабель при 15 орудиях и 35 пулеметах - против 3 тыс. штыков и сабель, 2 орудий и 22 пулеметов у белых. С сентября 1918-го по начало 1920 года в крае шли тяжелые бои, линия фронта "гуляла" по Среднему Семиречью. Южные станицы, "стертые с лица земли" в мае-июне 1918 года, так и не смогли освободиться. Станицы Среднего Семиречья несколько раз переходили из рук в руки и сильно пострадали - особенно Копал и Лепсинск, "почти совершенно покинутые жителями".

Большевики опирались на областной центр и потенциал всей Туркестанской советской республики (главное - склады бывшего Туркестанского военного округа Русской Армии). Белые могли рассчитывать лишь на ресурсы соседней Семипалатинской области и на силы, которые удавалось организовать в самом Семиречье. Между Семипалатинском и Сергиополем была слабо заселенная, почти безводная степь, запасы через нее перевозили на верблюдах и лошадях...

Семиреченцы выставили в армию Колчака конную бригаду, добровольцы были в частях Партизанской дивизии атамана Анненкова. Станичные самохранные сотни боролись с красными партизанами и повстанцами из крестьян-новоселов...

Весной 1920 года семиреченские казаки во главе с заместителем войскового атамана генералом Николаем Петровичем Щербакым с остатками Семиреченской армии отступили в Китай...

В. Шулдяков

Голод 1921-22 гг. на территории Оренбургского войска

История - это не то, что было. Это то, что может быть, потому что уже было однажды... Тойнби

В Оренбургском областном архиве хранится уникальный документ - "Приговор схода казаков станицы Урлядинской" от 7 июля 1919 года. Обыкновенные станичники сумели не просто точно оценить все происходящее в стране, но и прозорливо заглянуть в ее будущее:

"Казачество России вообще и Оренбургское в частности во все дни государства Российского являлось оплотом правового порядка в России, честно и высоко неся знамя права, правды, порядка и законности... Ныне наша святая вера православная подвергается неслыханному и невиданному поруганию. Наша Родина и наша мать-Россия и духовно распята и материально уничтожена. Даже имя русского стало позорным... Мы, казаки, теперь понимаем, что воинствующий большевизм, руководимый злейшими врагами России вообще и казачества в особенности, стремятся уничтожить и в русском народе и в казачестве все лучшее и по хозяйству и по уму и образованию..."

Казаки видели, что борьба с большевизмом затянется надолго, что "все лучшее русское и казачье погибнет на полях битвы и от бедствия голода, холода и мора. Благами восстановленных прав, правды порядка и законности воспользуются тогда наиподлейшие шкурники... При безразличии общей массы... язвы большевизма слишком глубоки и гнилы, а нас, казаков слишком мало, чтобы оздоровить всю страну, ибо нельзя дожидаться, когда все дураки образумятся и вся сволочь засовестьится".

Пришедшие к власти "босаяки и хамы" в скором времени действительно привели Россию к "голоду, холоду и мору". Засуха, приведшая к страшному голоду 1921-22 гг., поразила уже ослабленный войной и разрухой организм страны.

Советские учебники писали: "В.И. Ленин говорил, что голод явился чудовищным результатом гражданской войны. Голод был также обусловлен большой отсталостью сельского хозяйства - тяжелейшим наследием помещичье-феодалного строя".

Вольно же врать, пока факты оставались скрыты! А факты состояли в том, что до войны Россия - с тем же "отсталым" хозяйством! - была одним из главных поставщиков хлеба на мировом рынке. Только Челябинский, Троицкий и Кустанайский уезды в конце XIX - начале XX века вывозили за свои пределы 25 млн. пудов хлебопродуктов в год (более 30 тысяч вагонов)!

Введением продразверстки большевики нанесли сокрушительный удар по товарному земледелию. Крестьяне, лишенные материального стимула и свободы выбора, сокращали посевные площади. По Уральской области в сравнении с 1916 годом в 1920 году площадь запаханых земель составила 81,8 %, в 1921 году - 61,4 %, в 1922 году - 32,2 %! Посевные площади сокращались до пределов, необходимых для удовлетворения собственных потребностей в продуктах. Вместо 257 млн. пудов зерна, собранных в 1916 году, в 1921 году на территории Уральской области собрали всего 56 млн. пудов.

Крестьянско-казачье население Челябинской губернии (в частности, Миасского уезда), не мирясь с откровенным грабежом, не хотело сдавать хлеб и другие продукты. 18 сентября 1920 года ЦК РКП(б) отдает распоряжение всем уездным и губернским комитетам применять самые крутые меры к "саботажникам": "При реквизициях, в случае сопротивления сдаче хлеба и прочих случаях злостного игнорирования распоряжений продорганов, необходимо действовать с полной решительностью, применяя конфискацию имущества и личные репрессии в форме лишения свободы, но, не нарушая основных положений классового принципа..."

Положение усугублялось, когда в январе 1922 года Совет Обороны Республики преобразовал 3 армию в 1 ар-

мию труда, введя всеобщую трудовую повинность. Казаков и крестьян (с 18 до 50 лет), под угрозой ревтрибунала и конфискации имущества, заставляли работать на лесозаготовках, выполнять транспортные перевозки, дежурить при органах советской власти. Для борьбы с массовым дезертирством в губерниях создавались специальные комиссии - "Комдезертир".

Реквизиционные (карательные) и продовольственные отряды хозяйничали в поселках, перетряхивали вещи в домах, вскрывали полы, перекапывали огороды в поисках хлеба. Если находили продукты при невыполнении задания по продразверстке, изымалось все имущество (скот, продукты, одежда, домашняя утварь). Семья обрекалась на голодную смерть.

Для защиты своих очагов население стало создавать небольшие отряды самообороны, вооруженные ружьями, пиками, шашками. Под их контроль перешел старый Екатерининский тракт в районе поселков Выдринского и Фоминского - здесь останавливали продовольственные обозы, раздавая хлеб ограбленному населению.

Один из отрядов возглавил подхорунжий поселка Выдринского Степан Алексеевич Выдрин, 24 лет, другой - житель поселка Фоминского Яков Григорьевич Луконин, 54 лет, учитель школы. В июле оба отряда объединились под руководством Луконина, затем они примкнули к башкирским повстанцам Учалинского района. Восстанием был охвачен также Миасский уезд. На знамени восставших значилось: "Долой коммунистов! Да здравствует Учредительное собрание!"

10 августа 1920 года уезд и город Миасс были объявлены на военном положении. Приказом Совета 1-й революционной армии труда от 20 октября 1920 г. № 387 определялось: "Приказываю на местах, где будет иметь место убийство продработников: 1. Взятие заложников из среды кулацкого населения и расстрел части заложников. 2. Увеличение разверстки в полтора раза в волости, где произошло убийство продработников..."

В результате были расстреляны сотни ни в чем неповинных людей.

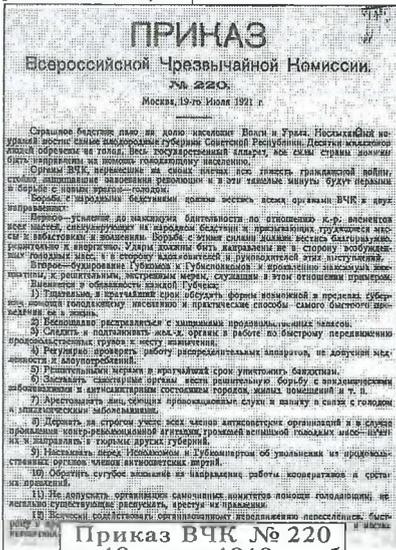
Повстанцы, в количестве 1500 человек, были разгромлены в районе Веселовки в ночь на 8 октября, удалось уйти лишь двумстам человек. Позднее при аресте покончил с собой старый учитель Луконин, был расстрелян Выдрин.

Подавляли восставшие силы регулярной армии, в том числе бойцы "Полка Степана Разина" армии Блюхера. До сего времени помнят выжившие старожилы о событиях того времени. Мария Дмитриевна Вахнина родилась в подполе дома, куда спряталась от пуль ее мама - 3 октября 1920 года на улице шел бой...

После подавления восстания власть выгрела в уезде все запасы, в том числе и семенной хлеб. Население начало голодать. Низкий урожай 1920 года при сократившейся посевной площади, и разверстка, взымая в губернии 10 843 тыс. пудов хлебных запасов, полностью исчерпали хлебные запасы прошлых лет. В итоге в 1921 году в Челябинской губернии было засеяно всего 709 021 десятина - 44,8 % от посевной площади 1916 года и 48,59 % от 1920 года.

Неурожай хлебов и трав в 1921 году, вследствие сильной засухи и больших повреждений хлеба кобылкой, стал последним ударом, подорвавшим сельское хозяйство губернии, в том числе и скотоводство. В областном архиве есть такие данные: голодало по губернии на апрель 1922 года взрослых - 421.352, детей - 368.330, всего - 789.682 человек. За 1921 год умерло от голода 28 074 человек.

В архиве Челябинской области хранится "Доклад Верхнеуральской уездной комиссии помгола", посланный в Губернскую комиссию помощи голодающим. В нем говорится: "Голод накатывался на уезд, как девятый вал в шторм на море, безжалостно вбирая в себя взрослых и детей..." До-

Приказ ВЧК № 220 от 19 июля 1919 г. об усилении террора против "к.-р. элементов" в связи с голодом на Урале

при аресте покончил с собой старый учитель Луконин, был расстрелян Выдрин.

кумент описывает события января - марта 1922 года:

"Прошла весна, и потом лето создали такую картину, что должен быть голод. За всю весну и все лето не было дождей, конечно, все погибло от жары в 40-45 градусов. Наш уезд, когда-то богатый, превратился в истинную пустыню. Насколько взор охватывает, всюду виден был только красный песок, которого до этого лета не было и который при малейшем ветре поднимается в целые тучи, представляя как бы приближающуюся игру дождя, обманывая пострадавших людей.

В июле месяце было видно, что не будет ни хлеба, ни кормов, а запасы прошлых урожаев иссякли, и вот люди накинулись на разного рода коренья, траву, даже землю под названием "Благодатная".

Многие коренья были ядовиты, и люди, наевшись их, или опухали, или умирали. Но вот появились, хотя и в малом количестве, свежие овощи, люди немного отдохнули и как бы забылись. Но дорого обошелся населению этот короткий отдых. Уже с апреля месяца голод начинает давить о себе знать. Полученные продукты съедены, а цены на них на рынке стали бешено дорожать, и бедному населению покупать их становилось непосильно. Оно нападает на разного рода травы, как-то: лебеду, березки, желуди, озерные корни, землю, торф. Но и трава на рынке от дороговизны стала не по силам, тогда население как города, так и уезда начинает собирать разные отбросы, падала, кости и все это поедали, а когда и этого не хватало, стали ловить кошек и собак, которых также поедали.

Но это вызвало новое явление - кражи продуктов и скота. Глухо в народе шла молва о страшном безнравственном преступлении - о людоедстве. Большинство людей, конечно, этого делать не могли, умирали от голода.

Люди умирали десятками, сотнями. Из приложенных сведений здравотдела видно, насколько велики цифры смертности от голода. Голод везде кладет свою силу - только стоит обратить внимание на детей, живущих в коммун, домах, где питаются суррогатами... этот народ по возрасту своему отличается бойкостью и резвостью, а теперь вид их другой, печальный с поблекшими глазами тянут одну печальную и неизбывную песню: е-е-е-ст-ь.

О детях, в домах которых нет даже суррогатов, говорить не приходится. Они обречены на смерть от голода. Эти виды и песню можно встретить около столовой в городе, учереждениях, связанных со столовыми, а также на улицах, они просят подаяние, но труды их напрасны, им не подают, да и подавать нечего...

Насколько положение ужасно можно видеть из следующих примеров. Из поселков родители или родственники привозят своих детей в город, оставляют их на постоялом дворе и сами под тем или иным предлогом скрываются, оставив больных на произвол судьбы. Последние идут отыскивать своих родителей или родственников... Не лучше дело обстоит и со взрослыми, как города, так и уезда. Распродав свое имущество и вырученные деньги проев, остаются без пищи и без крова при 30-35 градусах мороза. Люди толпами выходят к исполкомам и требуют пищи. Немудреное дело, что таких подбирают каждый день замерзшими на улицах. Трупов замерзших и умерших от голода людей настолько много, что Здравотдел и Собес не успевают в братских могилах их хоронить.

Насколько голод забрал в свои когтистые руки людей, можно видеть из следующего случая: одна женщина приходит на кладбище к сторожу и просит выдать кусочек мяса от трупа человека, конечно, сторож отказался, а она через два дня умерла, в настоящее время труп ее находится в леднике...

В городе и уезде встретить собак или кошек редкость, где имеются таковые, считаются зажиточными...

Губернская комиссия, обследовав все уезды губернии, обратилась к "Общественному Комитету помощи голо-

дающим России":

"Голод, охвативший Поволжье, захватил наряду с другими губерниями в свои цепкие лапы не менее хлебодородную и богатую раньше Челябинскую губернию. Наша губерния, бывшая ранее производящей и являвшаяся одним из центров маслodelания и поставщицей всевозможного рода сырья на zahraniчный рынок, в настоящее время голодает... Из общего числа населения официально признано ЦК Помголом остро голодающим В-Уральский, Троицкий, Миасский, частью Челябинский и Куртамышский уезды... по губернии признано голодающим свыше 900.000, что составляет 2/3 всего населения губернии.

В это число не вошли те, которые имеют в настоящее время хоть какую-нибудь возможность к существованию, но недалекого будущего приведет и эту, оставшуюся, часть к ужасной участи голодания. За последнее время общая смертность на почве голода выразилась свыше 71.000 человек".

По документам Оренбургского архива и рассказам свидетелей видно, что люди ели глину, землю, кору с деревьев, камыши, кал, собак и кошек, дохлых лошадей, коров, человечину, трупы.

Из донесения Исполнительного комитета Сухоборского волостного совета:

"В Челябинский народный комитет земледельца 6 марта 1922 г. На почве голода люди кушают все, что попадает им под руку, как-то: кошек, собак, дохлых лошадей, всевозможные суррогаты, тину озерную, мох, скотские кожи. Но более грозная и ужасная картина, что грабеж с убийствами усиливается".

В сводках на имя начальника Верхнеуральской милиции сообщалось о случаях людоедства детей:

"Довожу до вашего сведения, что во вверенном мне 4-м районной станции Куликовской в пос. Астафьевском местными гражданами Бехтеевой Анастасией, Васильевой Александрой и Васильевой Феклой в январе месяце сего года первое - была съедена девочка 2-х лет, умершая дочь Васильевой, второе - зарезали мальчика 12 лет своего Федора Бехтеева - сына Анастасии Бехтеевой, третье - удушили женщину, гражданку Парижского поселка... Все преступления совершенные на почве голода, трупы зарезанных и удушенных съели, а кости выбросили, в преступлениях своих сознались». 4 февраля 1922 г. Начальник 4 района Сопрыкин".

Из рапорта о похищении и убийстве ребенка:

"Часов в 7 вечера сего числа гражд. гор. В-Уральска Иван Лобанов заявил Уголовному розыску о загадочном исчезновении сына Николая 10 лет. Командируя тотчас же агента и двух милиционеров на розыски мальчика, розыском обнаружена потрясающая душа картина. В доме гражданки Матрены Токаревой отыскиваемый обнаружен уже зарезанным. Тело разделено на части и спрятано, обе руки и внутренности съедены Токаревой и ее детьми... При наличии улик, после некоторого запирательства мегера-людоедка в совершенном злодеянии созналась и вместе с частями тела и головою убитого доставлена и арестована".

Сведения, собранные корреспондентом Уездной комиссии помощи голодающим Замковым с 22 февраля по 8 марта, и отправленные в Губкомпомгол:

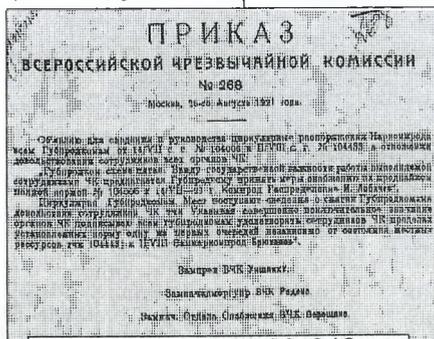
"За это маленькое время положение населения в отношении голода сильно изменилось в худшую сторону. Из всех станций поступают сведения о том, что голод день ото дня усиливается, скот поедается, и людоедство принимает такие размеры, что местные власти ставят в безвыходное положение. В станции Кизильской проводится хищение трупов с кладбищ, а также из могил, что подтверждается актом... В поселке Амурском семья съела трех своих умерших детей и двух зарезала..."

Преступления принимали ужасающие формы. Из записки комиссии по борьбе с последствиями голода:

"Одновременно с голодной смертью на почве голодания получили значительное развитие различные специфические формы голодной преступности: самоубийства, вызванные голодом, убийства членов семьи в целях облегчения от голодных мучений или в целях оставления живым больших

Оренбургский казак Сутунев - один из тех, кто погиб в те годы, сражаясь с краными грабителями

Приказ ВЧК № 268 от 26 августа 1921 г. о первоочередном снабжении продуктами сотрудников ЧК

продовольственных запасов, убийства с целью грабежа, гол-
лодные кражи, трупоедство, людоедство...

В общем, людоедство получило в губернии довольно широ-
кое распространение. Особенное развитие оно получило в
В-Уральском уезде, наиболее тяжело голодающем уезде
губернии, где за август месяц зарегистрировано всего 86
случаев людоедств. В общем по губернии зарегистрирова-
но следующее количество случаев людоедства в 3-х наибо-
лее голодных уездах: В Уральском - 84, Троицком - 5, Ми-
асском - 7. Всего по губернии - 98".

Наследничья станица: "В феврале месяце 1922 г. ежед-
невно умирает по 10-20 человек. Трупы убирать некому,
настроение населения паническое. Собаки, кошки съедены.
Развивается людоедство. 19 февраля в поселке Наслед-
ничьком выяснено, что гражданки Прасковья и Елена Но-
виковы зарезали трех детей в пищу, взяв их из детской
столовой под видом согреть у себя дома...

В Челябинском архиве хранятся дела расследований по
убийству людей, связанных с голодом. Вот одно из них -

"Акты и протоколы дознаний о случаях
людоедства в Златоустовском уезде за
октябрь - ноябрь 1922 г. " Начинается
оно с обвинительного заключения: "О
предании суду гр. Уфимской губ. Злато-
устовского уезда Симского завода Рос-
тислава Бочкарева - по обвинению в
умышленном убийстве мальчика Кузне-
цова. Обвиняемый под стражей.

29 января настоящего (1922) года де-
вочка Мария Стропченко заявила Угро-
зыску, что вчера 28 января ее брат Фе-
дор Стропченко 14 лет со своим това-
рищем Ростиславом Бочкаревым 15 лет
заманил в их квартиру, находящуюся
по Монастырской ул., д. 37 неизвестно-
го ей мальчика и убили топором, после чего,
отрезав ему руки, сварили их и съели..." (следуют подро-
бные объяснения обвиняемых в страшном преступлении).

Выдержки из уголовного дела по обвинению гражданки
Дмитриевой Степаниды Ивановны и Пелагеи Ивановны в
систематических убийствах людей с целью употребления
в пищу от 3 июня 1922 года. Из протокола дознания: "1922
года мая 1 дня опрошена гражданка Поповского поселка
Варламовской станицы. Обвиняется в заколе людей - Дми-
триева Степанида Ивановна, 58 лет, неграмотная, черно-
рабочая, беспартийная...показала, что колола людей и мя-
со ела... колола не одна, а со своей сестрой Кривчиковой Пе-
лагеей Ивановной и гражданкой Зверевой Еленой Михай-
ловной...закололи девять человек..."

Угрожающие размеры приобрели кражи и бандитизм, из-
за чего 11 января 1922 года президиум Челябингубисполком-
а принял постановление - "все дела о кражах, как с при-
менением насилия, так и без такового", теперь передава-
лись в высшее отделение губревтрибунала. Но и суровые
наказания, вплоть до расстрела, не решили вопроса. Насе-
ление с наступлением темноты наглухо закрывало дома -
и в зимние дни 1922 года немало беженцев замерзло по
этой причине. Обезумевшие от голода, променявшие на
кусочек хлеба все, что можно было променять, они засыпали
прямо на улице. Нередко обессиленные люди становились
жертвами людоедов. Достаточно типичный случай в селе
Требиатском Верхнеуральского уезда описал 3 марта 1922
года в газете "Советская правда" Д. Попов:

"Производившие обыск решили искать по тем дворам, над
которыми курился дым, и в первом
же таком дворе они наткнулись на
картину приготовления пищи из че-
ловечьего мяса. От большого котла,
вмазанного в очаге, валил на всю из-
бу пар. Несколько горящих голодным
безумием глаз впились в содержимое
котла... На вошедших никто из ожи-
дающих еды даже не посмотрел.

- Что у вас варится в котле? - и в
ответ услышали могильно-спокой-
ный ответ: - Человечина...

Через несколько дней вся эта се-
мья, за исключением одного чело-
века, умерла от голода".

Газетные сообщения рисуют и бо-

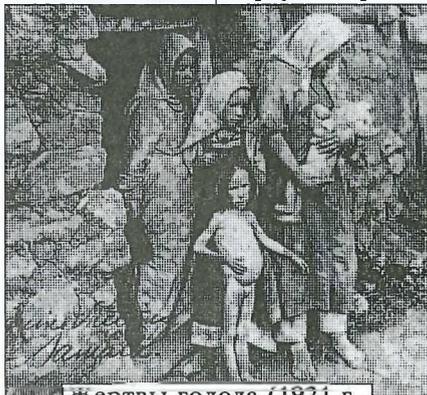
лее страшные картины, когда родители поедали своих
детей. Так, в январе 1922 года в Верхнеуральске "роди-
тели-татары зарезали для сведения свою 8-летнюю
дочь, причем когда в их доме был произведен обыск, то
было обнаружено мясо ребенка, но только половина, ос-
тальное было уже употреблено в пищу".

Умерших не успевали хоронить и свозили в специаль-
ные склады "до общих похорон в братской могиле, про-
изводимых при посредстве субботника". Описаны слу-
чай, когда трупы из таких складов выкрадывались с це-
лью употребления в пищу.

Многие искали в это время и более быстрой смерти, специ-
ально заражаясь тифом и холерой. Не в состоянии смотреть
на страдания голодных детей, до крови обгладывающих ру-
чонки, многие матери кончали жизнь самоубийством.

В то же самое время партийно-руководящий состав на ме-
стах и в центре обеспечивался продпайком в достаточном
количестве, причем сотрудникам ВЧК предписывалось в
первую очередь выдавать продуктовый паек, вне зависи-
мости от имеющихся ресурсов.

При этом органы милиции находи-
лись в положении, лишь немного луч-
шем, чем обычное население. Из Отче-
та о деятельности отдела управления
Миасского Уисполкома за период вре-
мени с 1 января по 20 апреля 1922 го-
да: "Положение работников милиции
было до того плохое, что, несмотря на
всю неоспоримую необходимость суще-
ствования милиции, существование
это могло совсем прекратиться: в про-
дольственном отношении положение
милиционеров было настолько скверно,
что они болели и пухли от голода, ели
крыс и собак; в отношении обмундиро-
вания дело обстояло тоже слишком плохо..."

Жертвы голода (1921 г.,
фото из архива АРА)

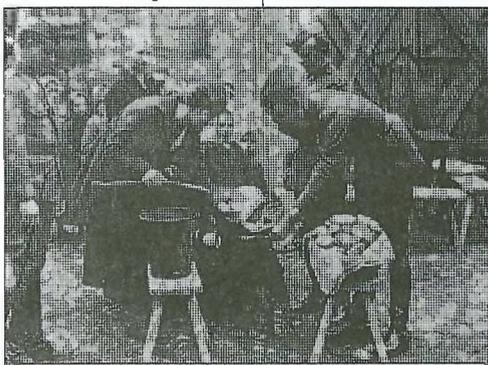
Голод толкал людей на спекуляции, за что, согласно
приказам ВЧК, виновных ждал расстрел. Сохранилось
письмо в Челябинский Губревком от советского служа-
щего горно-алтайского уездного совета народного хо-
зяйства Булкова И.П. (от 15.10.20 г.): он просит освободить
от наказания его жену, торговавшую спиртом ради
спасения четверых детей от голода. Он потерял связь с
семьей из-за гражданской войны и вот теперь нашел ее в
таком положении. Письмо было переправлено в ВЧК.
Ответ говорит о том, что приговор приведен в исполне-
ние в день получения письма...

Разные страны мира откликнулись в те годы на призывы
о помощи из России. И помощь доходила до людей. Ста-
рожилы Челябинска еще помнят, как в 1922 году на ули-
цах города действовали питательные пункты "Американ-
ской администрации помощи" (АРА). По опубликован-
ным данным, в Челябинске действовало 7 столовых АРА
на 5000 человек, в челябинском уезде она кормила 19580
жителей. Мария Дмитриевна Вахнина, 1920 года рожде-
ния, и Валентина Ивановна Кошигина, 1911 года, жили в
то время в селе Поляковка и помнят, как из Троицка при-
езжали сотрудники АРА и всем детям раздавали какао...

В посредстве АРА была обвинена в том, что из трех сотен
ее сотрудников в России многие были "кадровыми развед-
чиками", "комитеты АРА укомплектовывались кулаками,
духовенством и выходцами из бывших привилегированных
сословий". Д.Л. Голинок, автор двухтомника "Крушение
антисоветского подполья в СССР", сообщил, что "США при
посредничестве АРА извлеклись от
залежей военных запасов продовольст-
вия, что давало возможность капита-
листам поднимать цены на сельскохо-
зяйственные товары внутри страны".
Грустно и стыдно читать это...

Другим международным организа-
циям "повезло" больше - об их по-
мощи просто забыли. Мы почти ни-
чего не знаем ни о Нансеновской
миссии, включавшей 32 общества
помощи голодающим, ни о Межраб-
поме (пролетарской организации с
центром в Берлине), кормившем
только в Челябинске 9107 детей...

В рамках данной работы невозможно

Раздача голодающим американской
помощи (фото из архива АРА)

отразить весь собранный материал. Но и без того видно, что правы были урядинские казаки! Равнодушие, "безразличие общей массы" привели к победе кровавого режима и чудовищным бедствиям. Ныне в обществе, между прочим, тоже спад политической активности...

Василий и Владимир Мандрынины

Приговор № 24

Мы, нижеподписавшиеся, казаки станицы Урядинской 2-го Округа Области Войска Оренбургского на своем станичном собрании июля месяца 7 дня 1919 года в числе 35 чел. всего числа жителей Урядинской станицы (поселка) обсудив настоящее положение Оренбургского казачества и вообще России в связи с свирепствующим большевизмом постановили: обратиться через войсковое правительство к Верховному Правительству его Высокопревосходительству адмиралу Колчаку со следующим: Ваше Высокопревосходительство господин Верховный правитель России и Верховный Главнокомандующий Российскими военными силами: Казачество России вообще и Оренбургское в частности во все дни государства Российского являлось оплотом правового порядка в России, честно и высоко неся знамя права, правды, порядка и законности. Право правда, порядок и законность создавали величие и мощь нашей Родины. Ныне воинствующим социализмом "большевизмом" поруганы право, правда, порядок и законность. Религия наших отцов, наша святая вера православная подвергается неслыханному и невиданному поруганию. Наша Родина и наша мать-Россия и духовно распята и материально уничтожена. Даже имя русского стало позорным...

Ваше высокопревосходительство, мы, казаки, теперь понимаем, что воинствующий социализм "большевизм", руководимый злейшими врагами России вообще и казачества в особенности стремятся уничтожить и в русском народе и в казачестве все лучшее и по хозяйству и по уму и образованию. Уничтожив всех лучших наших людей и в России и в казачестве, "интернационал" сделает нас духовными и физическими рабами руководителей и вдохновителей "интернационала" - жидов русских и заграничных. Мы хотим, чтобы нами правили наши лучшие русские люди - наши братья и по крови и по вере. Понимая это, мы, казаки, сами восстали против большевизма и вот почти уже два года, как боремся с ним. Вам, Ваше Высокопревосходительство, известны наши жертвы в этом деле. Но не все однако русские люди думают так. Наши братья, наши дети, наши отцы, сражающиеся с большевиками на всех фронтах, сообщают нам о случаях массового предательства, массовой измены, массового перехода на сторону большевиков во время боя мобилизованных русских граждан-любителей жидовской свободы. При таких условиях борьба с большевизмом затянется надолго. Затяжная гражданская война грозит казачеству и России ужасными бедствиями. Мы твердо убеждены, что голод, холод и мор будут концом этой тяжелой борьбы. Все лучшее русское и казачье погибнет и на полях битвы и от бедствия голода, холода и мора. Благами восстановленных прав, прав-

ды порядка и законности воспользуются тогда "наиподлейшие шкурники". Знаем мы также, что в истории государства бывало так, что в трудные минуты жизни, страны соседних держав протягивали руку помощи лучшей части гибнущей страны и порядок к общему благополучию восстанавливался. Россия неоднократно помогала соседним и даже далеким странам выбраться из беды вызываемых и внутренними распоряжками и внешними неудачами. За многомиллионные человеческие жертвы, за море слез жен, матерей и детей наших, за реки пролитой нами крови в деле общей борьбы с центральными государствами и помощь союзникам в их трудные минуты - мы полагали, что встретим со стороны наших союзников нам русским, вынесшим на себе всю тяжесть мировой войны, соответствующее содействие. Настоящая борьба - борьба добра и зла. Людей "зла" в России больше, чем людей "добра", при безразличии общей массы... Мы думаем, что не позорно будет и соседней державе помочь этому добру, а для нас, казаков, не будет зазорной эта помощь, ибо язвы большевизма слишком глубоки и гнилы, а нас, казаков слишком мало, чтобы оздоровить всю страну.

Господин Верховный правитель, мы подчинимся всему тому, что угодно будет Вам предпринять по привлечению иностранного содействия для борьбы с большевиками или для вразумления несознательной части русского населения, уклоняющегося от борьбы с большевизмом по симпатии к нему, ибо нельзя дожидаться, когда все дураки образумятся и вся сволочь засовеетится. Мы всеми силами поможем поддержать в будущем предначертанные Вами порядок и законность, ибо наученные горьким опытом гражданской войны, не устыдимся более ложного прозвища "нагаечники". Мы заявляем, что готовы ценою подданства Императору Японскому избавиться от подчинения Российской сволочи, руководимой и разжигаемой в темноте и злобе своей жидами.

Нашего войскового атамана, его Превосходительства Александра Ильича Дутова, просим подробно доложить господину Верховному правителю все то, что знает он о казачестве и чего мы не сказали, в чем и подписуемся:

Председатель собрания урядник А. Голиков

Члены: Савелий Чеботов, Пимон В. Андреев, Лупль Корепанов, Назар Поляков, Филимон Фролов, Дмитрий Голиков, Кир. Зайцев, Фоддей Смирнов, Михаил Мосянит, Илья Данилов, Зот Федоров, Иван Горбунов, Григорий Забалуев, Пимен Басарыгин, Петр Ципков, Александр Акулинин, Самуил Пастухов, Артемий Смольников, Иван Плишкин, Федор Рыжков, Константин Никитин - за него Федот Рыжков, Аким Забалуев, Евтихий Зайцев, Егор Зайцев, Петр Корепанов, Иван Козлов, Семен Бессарыгин, Андрей Федоров, Павел Поляков.

Настоящий приговор действительно поставлен в моем присутствии и подписан грамотными собственноручно и за неграмотных по их личному доверию, что и свидетельствую подписом с приложением печати.

1919 года июля 8 дня.

Атаман станицы урядник С. Басарыгин,
станичный писарь Мезенцев.

Баба Катя

Старые казаки стали постепенно вспоминать о своей жизни загубленной, о поруганных в советские годы станицах Кубани. Не обошла великая смута стороной и небольшую станицу Ключевую (ныне города Горячий Ключ).

Есть в городе улица революционера Тельмана. Стоит здесь над ериком времянка, переделанная из сарая - на две комнатки, общей площадью 18 кв. метров. Живёт в ней со своими думами и бедами баба Катя - дочь казака Логвина Васильевича Оситяна, одного из основателей Ключевой. Вот что она рассказала.

Великая смута началась задолго до 17-го года. По рассказам Логвина Васильевича и её матери Анны Артёмовны - еще с 1905 года. Первые крамольные мысли в казачьей станице проходили вроде бы незаметно - а в местечке Горячий Ключ, в 2-х километрах от станицы, где проживали иногородние и инородцы, они нашли благодатную почву. Но до местечка по тем временам было далеко, и в станице жизнь шла своим чередом, казачьим укладом.

Баба Катя помнит 1914 год. Вся семья была на своих землях в Жидковой поляне - убирала урожай. И вот в один из дней прискакал казак без остановки с флажком и криком - война! Отец ускакал в станицу. Домочадцы собрали имущество в телегу и на быках поехали в станицу. В Ключевой уже все казаки были на площади у церкви рядом с атаманским правлением, в форме, при оружии. С крыльца правления атаман объявил, что началась война, на нас напали германцы и турки.

Не было криков и плача - казаки и казачки приняли известие спокойно, они были всегда готовы к защите Отечества. Потом были печальные известия об убитых, привозили с войны хоронить казаков.

Логвин Оситян вернулся домой, но тут пришла другая волна смуты - 1917 год. И пошло - поехало! То красные, то белые, то зелёные. Жизнь стала дешевле копейки. Неизвестно, кто и когда за тобой придёт и куда уведут.

Отец бабы Кати занял позицию нейтралитета - из-за фрон-

тогового ранения. Но и их не оставили в покое. Да и не было ни одной казачьей семьи, которых бы не коснулась беда.

В 1918 году поздней осенью, когда все опять были на уборке урожая в Жидковой поляне, из Ключевой в сторону станицы Кутаисской проехали "зеленые" казаки - воевать местечко Горячий Ключ. Не отвовав его, ушли в леса. Они так пели песни казачьи, как баба Катя не слышала больше ни разу. Слезы стояли в глазах.

Ну, а рекой слёзы у Оситянов полились, как вернулись в станицу. Дом был полностью разграблен красными. Осталась лишь картошка, привезённая с поля, и одежда, которая была на них. Жаловаться идти некуда, так как власть советская была в местечке Горячий Ключ у красных, а туда казаки идти боялись, ибо могли и не вернуться.

Остались голыми и босыми в зиму. Но потихоньку, с Божьей помощью и помощью соседей и родственников, снова справили хозяйство. И только оправились вроде - как осенью 1924 года, когда уже шел легкий снежок, пришли опять из Горячего Ключа, арестовали отца и стали раскулачивать. Забрали быков, две коровы, свиней, гусей курей, сало и всё, что можно было унести. Даже дрова, заготовленные на зиму! Тут же начали было распродажу некоторых вещей с аукциона, но люди боялись покупать - сами могли оказаться в кулаках. Или еще имели стыд, наживаться на чужом горе не хотели. Отца посадили в местечке.

Мать Анна Артёмовна раз ходила на свидание, но её не пустили к отцу. Через несколько дней принесли записку, чтобы отцу принесли шубу. Но шуба уже не понадобилась. Логвина Васильевича расстреляли в логу (где сейчас магазин "Слава труду") со многими другими казаками.

Ходили к властям семьями - просили отдать тела похоронить по христианским законам, но и это не было дозволено. Остались лежать казаки не погребёнными, лишь чуть присыпанные землёй, которую обильно удобряли своей кровью и потом.

Осталась семья казака без кормильца, без питания, без тепла и одежды в суровую зиму. Объявили семьёй врагов Советской власти, как и других таких же несчастных казачьих родов. Был приказ им не помогать, а кто будет помогать, припишут к врагам тоже.

Тяжкое время наступило, особенно для семей убиенных казаков. Но нашлись милосердные люди - ночью уже привезли наколотых дров, чтобы не пропали дети в суровую зиму. В такое страшное время казак Ворошилов Яким, такой же обездоленный, выручил станичников, попавших в беду. Да и другие станичники ночью носили еду, одежду. Сказалось веками сложившаяся традиция казачества, сам погибай, а ближнего выручай. Так и перебились зиму...

Рассказала баба Катя и о расправах над другими казаками. Первыми погибли священник и атаман Малаяр - их расстреляли, но еще разрешили похоронить в церковной ограде (на месте нынешней 3-й школы). Ну, а потом... Записали мы только тех казаков, фамилии которых помнит баба Катя - по фотографии, которую она принесла.

Вместе с Л.В.Оситяном были расстреляны Матвиец, Шишацкий, Пастушко, Касилов и семья Василенко Александра с женой и дочерьми Надей и Марусей, сыновьями Лёней и Николаем. Казачьего офицера, проживающего в станице Ключевой, Михалко Иосифа Ивановича, увезли в Краснодар и на рынке, при жене и детях привязали к лавке и разрубили шашками на части. Расстреляли и повесили Антоненко, Криворучко Стефана, Самуся,

Зоня-Митю с отцом и матерью, Макуху, Криворучко Афанасия и многих других.

И побежали со своей родной земли - кто куда. Бросали дома, хозяйство - и на чужбину, и детям запрещали говорить, что они казаки. Брат и сестра бабы Кати, что постарше, убежали из станицы. Брат оказался в Америке, сестра - в Иране! Младших присматривали и докармливали родственники.

С 20-х годов у нас не правили местные: у власти всегда пришлые, они и правят на свой лад. Не давали земли для строительства домов, и ехали опять казаки, кто куда: на Север, Дальний Восток, на Мангышлак, на шахты... С тех пор и повелось у станичников искать счастье в чужом краю - а плодороднейшая земля наша с благодатнейшим климатом в запустении.

Горячий Ключ. Памятник в честь 100-летия Кубанского Казачьего Войска

...Только год поучилась баба Катя в школе, как началась война. При отступлении красноармейцев в горы местных жителей заставляли носить боеприпасы в горы - на себе, в дождь и слякоть. Но в целом в войну-то жилось лучше, чем до войны! С приходом немцев беспредела не стало. Немцы лояльно относились к казакам, даже помогали едой.

После войны разруху постепенно убирали, но замордовали налогами: за курицу, за яйцо, за плодовые деревья. Некоторые пилили их ночью, чтоб меньше платить

налоги, но за это поплатились тюрьмой. Корниенко спил 3 сливы - и получил за это 10 лет тюрьмы.

К 60-м годам жить стало постепенно легче. В 1965 году объединили станицу с местечком, и так стал город Горячий Ключ. Уютное красивое место в предгорьях Кавказа, близость Чёрного моря, целебные источники - вот и понаехало сюда много народа. Всем нужна работа, места для жительства - и на местных вновь начались гонения. Так или иначе, выгоняли с рабочих мест - клеветой, анонимками. Баба Катя рассказала, как местные казаки бригадиры Доля, Шкуратов, Леусенко плакали от обиды, что им не дают работать на своей земле в Ключевском совхозе.

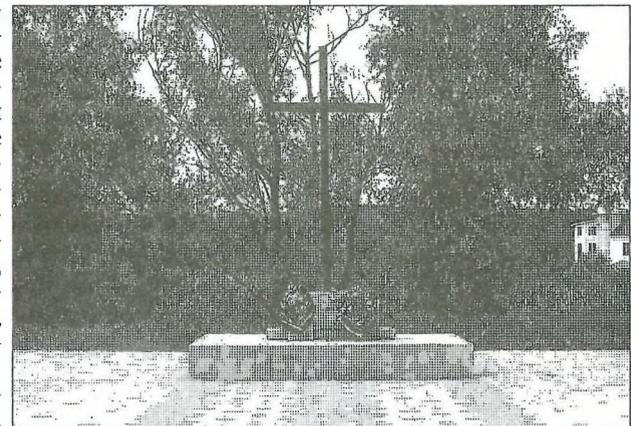
Племянник бабы Кати, Владимир, окончил институт и по направлению работал в Якутии следователем, прокурором, судьёй. В 1992 году после смерти отца он вернулся домой ухаживать за мамой. Обратился насчёт работы по специальности, а ему прямо заявили: "Был бы не местный, работал бы в суде или прокуратуре, а так - извольте!.." Торгует сейчас на рынке...

С 14-го года, с того памятного казака с флагом, по сей день льётся кровь на нашей земле. И нет этой войне окончания!..

Воспоминания очень расстроили старую казачку. Но слёз у неё не было. Только вздох: "Ох, Божэ тай Горэ, колы воно кончтия..."

В. Терновский

PS: На месте расстрела в 1917 году большевиками

Горячий Ключ. На этом месте в 1917 году были расстреляны казаки и офицеры Русской армии

казаков и офицеров Русской армии казачьим обществом Горячего Ключа 10 лет назад был установлен памятный крест. Постамент его сначала был облицован плитами с именами погибших...

К сожалению, все плиты с тех пор уже украдены. А планы установки за крестом памятника (см. фото на обложке этого номера) не удается реализовать из-за отсутствия у казаков необходимых средств (1,7 млн. руб. в бетоне и 2,5 млн. - в чугуне). Пока же модель памятника, выполненная местным скульптором В. Ждановым, стоит в его мастерской и постепенно разрушается...

Просим всех, кто может, помочь в установке памятника. Обращаться можно в редакцию "Станицы".

Владимир Федорович Копылов

В июле этого года после тяжелой болезни скончался на 59 году жизни один из старинных авторов нашей газеты Владимир Федорович Копылов, казак станицы Правоторовской. Мы не раз печатали его рассказы и очерки - о Гражданской войне в урюпинском Прихопье, о расказачивании, о голоде и произволе на казачьих землях, о репрессиях 30-х годов и военных годах, об удивительных и трагичных судьбах своих земляков... Многие из них невозможно читать без содрогания - настолько страшно то, о чем пишет автор!

При том за внешней неброскостью, кажущейся бесхитростностью повествования кроются несомненный литературный талант и ясно выраженная гражданская позиция автора. Очерки эти всегда строго документальны. В них сохранены подлинные названия хуторов и станиц, имена и фамилии действующих лиц, их должности и звания. И в них всегда четко выражено отношение автора к поступкам действующих лиц. Палачи названы палачами, а их жертвы возвращаются из небытия, чтобы вновь предостеречь от повторения своих ошибок.

Чтобы всегда быть точным, Владимир Федорович восстановил план станицы до 1917 года и список по домам всех ее жителей, собрал сведения едва ли не про каждую семью. Дай Бог каждой станице, каждому Войску такого краеведа! Если о жизни только одной станицы и ее окрестностей можно еще сегодня собрать столько сведений - то сколько же невероятных историй, жизненных коллизий, ярких образов и поступков сыщется во всем казачестве? Казалось бы - бери и пиши, ничего и выдумывать не надо...

Бывая в Москве, Владимир Федорович всегда заходил в нашу редакцию, делился планами, рассказывал о том, что творится на Дону (он принимал активное участие в работе казачьих организаций, не раз избирался хуторским атаманом). Говорил, что какая-то неодолимая сила буквально заставляет его вновь и вновь браться за ручку. Наверное, эта сила - совесть. Невозможность не передать потомкам святую память ушедших. Казаки всегда были сильны связью поколений. Прервали эту связь, лишили памяти - и мы видим, что получилось...

Предлагаем вниманию читателей несколько рассказов В. Копылова из его книги "Адский круг".

Тихое место

В мае 1918 года умер священник Правоторовского прихода отец Петр Борисов. На вакантное место епархия направила приехавшего из Петрограда по распределению Никифорова Анатолия Михайловича, с отличием закончившего Духовную академию. Это был 26-летний, красиво сложенный, под два метра роста блондин, с небольшой бородкой. Приехал он вместе с невестой - Лидией Витальевной фон-Смит, 25-летней девицей, окончившей Смольный институт.

Из революционного Петрограда еле вырвались, две недели добирались до Ростова. Потом - на почтовых лошадах, от станицы до станицы - еще две недели до места назначения. И вот уже шестой месяц жили в станице, снимая квартиру у Яшкина Михаила. Лидия Витальевна ожила, забыв тяготы переезда, сдружилась со станичниками, и часто говорила, что о таком тихом уголке всегда мечтала.

На 19 ноября была назначена их свадьба. Приглашено было много народу, и свадьбу решили играть на мельнице. На берегу Канавы за мельницей была большая столовая с двумя залами - в малом обедали работники мельницы, в большом - казаки, приезжавшие молотить зерно.

Большой зал был установлен столами с закуской. Лавочка Мефодия Астахова осталась в тот день без конфет. Рано утром пара белых лошадей, разукрашенных лентами, запряженными в рессорный тарантас, подкатила к дому Яшкина. Отец Анатолий вывел невесту, и свадебная процессия двинулась к церкви. Венчал молодых отец Николай Крицкий, свидетелями были уважаемые люди станицы. От жениха - Александр Тихонович Левицкий, инженер-механик, и подьесаул Владимир Александрович Полторацкий, от невесты - Петр Аристархович Аврамов, коллежский секретарь, и Дмитрий Васильевич Беловолинский, земский врач. Гулянье продолжалось на мельнице весь день. К вечеру перегруженные казаки еле добирались до домов.

Утром было тяжелое похмелье, и казаки с женами, быстро управившись по хозяйству, кто на бричках, кто пешком потянулись на мельницу.

* * *

Части хоперцев Алферова переформировались перед решительным наступлением, в ходе которого казаки выходили на границу Хоперского округа. Передовой полк располагался на правом берегу Хопра в хуторе Захоперском. Артиллерию разместили на вершине Ракового бугра - весь левый берег до самого хутора Дубовского был, как на ладони. Конницу замаскировали в Слишком яру. Рота пластунов располагалась в станице на южной оконечности у ракитника. Вдоль кустов краснотала выкопали окопы, казаки несли караул в окопах, согриваясь в ближайших домах. Командовал ротой подхорунжий Сафронов Иван Степанович.

20 ноября командир был вызван в штаб полка в Захоперский. В роте за старших остались прапорщики Лещенков Семен Иванович и Шапошников Гавриил Степанович. Свадебная процессия завернула по пути в роту, и казаки приняли по чарке за здоровье молодых.

* * *
Красные части 9-й армии Егорова и партизаны Тушканова после жестокого поражения под Новохоперском рассредоточили силы от станции Балашов до Урюпинской и хутора Головского. Штаб соединения квартировал в доме Кучина Андрея. Вечером 19 ноября командир сводного отряда Степин Артур Карлович собрал командиров полков: - Товарищи командиры, командующий Егоров приказал в кратчайший срок взять Правоторовскую и, прорвав укрепление белых, выйти к Калачу. Разведка доложила, что в станице расположена лишь рота пластунов, но взять ее будет трудно - при наступлении будем как на ладони у артиллерии.

Встал Тушканов:

- Артур Карлович, я местный, и знаю, как пройти незамеченными. Дайте сотню калмыков от Городовикова, своих возьму с десятков казаков, и завтра с утра поведу их по Голой балке до вершины, а там перейдем до Кожаной балки, с балки выйдем на Сосновый лес и ударим в тыл пластунам. Мои люди выведут вас через Калмыцкий бугор к озеру Каменному, и вы перережете дорогу на Захоперский. Все это займет часа три!..

На том и порешили. Утром 20 ноября сотня калмыков под командованием Тушканова начала совершать марш-бросок к станице. Через два часа прискакал ординарец Степина:

- Сопроводил до самого конца Голой балки, пошли на распадку на Кожаную, везде тихо.

Дверь в горницу была приоткрыта, и разговор слышал 16-летний сын Кучина, тоже Андрей. Потихоньку выйдя во двор, он увидел оседланного коня ординарца. Пробравшись об плетень, отвязал уздечку и, вскочив на коня, галопом выскочил из хутора в займище. Пока оседлал лошадей, беглеца было уже не догнать. Наметом перескочив луг, Андрей об Кривой ерик выехал к мосту в хутор Захоперский.

Командование полка он предупредил, но пластуны ничего о наступлении не знали. Сафронов быстро собрался, но было уже поздно.

* * *

Калмыки лавой накрыли окопы, были зарублены оба пулеметчика. Отстреливаясь, казаки садили отходить с Нижней улицы станицы. Калмыки насадили со всех сторон. Отступая, Лещенков крикнул Шапошникову:

- Отводи казаков к крутому обрыву Ильмена, пока красные найдут дорогу, уходите в лес, я прикрою.

Лещенков залег возле самого обрыва, посылая пулю за пулей в наседавших калмыков. Пластуны стали прыгать с обрыва и уходить в лес. Пробившись, наконец, к прапорщику, калмыки изрубили его шашками. Спускаться на лошадях было круто, пока объехали станицу по дороге, пластуны ушли в глубину леса.

- Не торопитесь, к вечеру мы пешим строем перестреляем всех пластунов, как куропатку, - приказал Тушканов.

В это время с мельницы показались подводы подвыпивших казаков. Услышав стрельбу, они спешили в станицу. Красные начали было обстрел свадьбы, и лишь по случайности обошлось без жертв - лишь тяжело ранили Молоканова Николая (после ему ампутировали ногу до колена). Из-за Хопра начала бить артиллерия, но, боясь попасть в

дома, после двух залпов обстрел прекратили.

Собравшись в лесу около прапорщика, пластуны стали отходить к Хопру.

-Тихо! - вдруг сказал Шапошников.

За кустами они услышали стук топора. Продравшись сквозь ветки, увидели казака лет 45-ти, рубившего хворост.

- Отец, как перебраться через Хопер?

- Ребята, здесь везде большая глубина, надо уходить к мелям. Сами вы дорогу вряд ли найдете, давайте помогу.

Он быстро распряг лошадь, вскочил на нее и охлюпкой поехал впереди остатков роты. Через полчаса дошли до мелей, вода о берег уже подернулась льдом. Дождавшись, пока казаки перешли реку, Филипп вернулся к арбе, сложил хворост, запряг лошадь и поехал в станицу.

Через час распахнулась калитка на его дворе. Трое калмыков и красный партизан в кожанке с бантом подъехали прямо к крыльцу.

- А ну, сволочь, пошли к командиру, - приказал партизан. В штабе долго разговаривать не стали. Тушканов, тыча в лицо нагайкой, кричал:

- Рассказывай, гад, как помог уйти белым через Хопёр!

- Я помог людям, православным, - ответил Филипп.

- Кирей! - крикнул Тушканов.

В избу зашел его ординарец Лисевский.

- Возьми пару бойцов и расстреляй эту белую сволочь, - приказал Тушканов.

- Да ведь это мой родной старший братец!.. Все-таки вляпался, не усидел дома.

- И тебе, гнида, повторяю: я помог людям, - ответил казак.

- Ну что ж, пойдём, и я тебе помогу уйти, на тот свет, - засмеялся Кирей.

Выводить казака далеко не стали: прямо за плетнями заставили копать могилу, и Кирей расстрелял родного брата.

Половину дня пробыли калмыки в станице, но успели ограбить большую часть домов. Забирали всё, что понравится.

21 ноября части Алферова с двух сторон перешли Хопер, взяв станицу в кольцо. Без боя красные отошли к хутору Деминскому, потом еще дальше, к станице Филоновской.

Во второй половине дня жители станицы стали звонить порубаных пластунов к церкви. Отпелал погибших священник Гавриил Савин с псаломщиком Колоковым Григорием. На кладбище в братской могиле похоронили рядом погибших пластунов и красных партизан. Лежат в ней:

1. Лещенков Семен Иванович, 24 года, прапорщик, станица Правоторовская

2. Бабкин Мефодий Петрович, 27 лет, хутор Дубовский Правоторовской станицы

3. Кушер Анна Францевна, 32 года, Минская губерния

4. Малахов Дмитрий Петрович, 31 год, х. Родниковский Правоторовской станицы

5. Леонтьев Федор Михайлович, 54 года, ст. Правоторовская

6. Лобачев Игнатий Петрович, 29 лет, х. Дубовский Правоторовской станицы

7. Галушкин Георгий Семенович, 22 года, ст. Филоновская

8. Бирюков Тимофей, 30 лет, станица Аннинская

9. Харитонов Терентий Федорович, 32 года, ст. Филоновская

10. Макаров Яков Федорович, 26 лет, ст. Федосеевская

11. Овечкин Владимир Ефимович, 25 лет, хутор Дубовский Правоторовской станицы

12. Краушкин Филипп Федорович, 23 года, станица Правоторовская

13. Карпов Гавриил Михайлович, 28 лет, хутор Меловской Правоторовской станицы

14. Трухляев Павел Васильевич, 31 год, хутор Дубовский Правоторовской станицы

15. Малахов Клавдий Игнатович, 24 года, станица Правоторовская

16. Закобыльский Афанасий Кондратьевич, 37 лет, станица Правоторовская

17. Бабичев Петр Григорьевич, 21 год, хутор Федосовский Луковской станицы.

Десять калмыков схоронили у кладбищенской стены. На месте гибели Филиппа Ивановича Лисевского поставили трехметровый дубовый крест, простоявший до 30-х годов.

...Через год красные снова подошли к станице. Владимир Полторацкий зашел на квартиру Никифорова:

- Отец Анатолий, пол станицы уходит с Алферовым...

Не боишься оставаться?

- Мы долго думали с женой... Вероятно, нигде в России не найти тихого уголка, поэтому я слагаю с себя сан священника и вместе с женой ухожу с вами.

Неисповедимы пути Господни, неведомы нити судьбы, которые связали этих людей в годы гражданской войны. Через три месяца всё тот же Лисевский расстреляет взятых в плен медсестер Лидию Витальевну фон-Смит и Федорову Анну Николаевну, уроженку хутора Головского. Погибнет красный командир Тушканов Яков Тимофеевич, сгинет где-то при отступлении бывший священник Никифоров Анатолий Михайлович, уйдет за границу войсковой старшина Полторацкий Владимир Александрович...

И лишь душегуб Кирей Лисевский до 30-х годов жил в станице. Люди относились к нему с прохладцей, и он уехал в хутор Головский, где дожил до старости в почете, как красный партизан.

Праздничный концерт

Афишу о собрании, посвященном первой годовщине колхоза "Большевик", повесили еще в субботу. И послышные, с утра заходя в каждый дом, предупреждали об обязательной явке.

К девяти вечера клуб, переделанный из дома раскулаченного Напалкова, заполнился до отказа. Вскоре в клубах табачного дыма стало почти ничего не видно. Три трехлинейные лампы еле освещали сцену, стол, покрытый красным материалом, сделанную местными плотниками трибуну. За столом сидело руководство колхоза. Секретарь совета Быстрицкий Александр постукал карандашом по графину:

- Тихо, товарищи, давайте начинать! - и, стараясь перекричать галдевших казаков, встал: - Да вы замолчите или нет? Прекращайте безобразие!

Гул в зале начал затихать. Секретарь взял листок в руки:

- Слово предоставляется...

Зачитали поздравление Нехаевского исполкома. Поздравил перуполномоченный. Началось чествование.

- Товарищи колхозники и колхозницы, - председатель колхоза Вершинин взял список. - Сегодня мы награждаем передовых колхозников, кто честно проработал год и не имеет ни одного прогула. Первым в списке у нас Сазонов Матвей Иванович.

В первых рядах встал крепко сбитый казак лет 32-х.

- Подымайся сюда, - председатель показал на место рядом с трибуной.

Матвей нехотя поднялся на сцену.

- Вот, товарищи, еще год назад это крепкий хозяин с уклоном на кулака. Но человек одумался, сам сдал все имущество в колхоз, и вот сейчас мы его награждаем как передовика. По решению правления Матвей Иванович награждается петухом!..

Из подсобки вынесли вырывающегося и на свету закукарекавшего петуха. В зале раздался дружный смех:

- А зачем он мне? Зарубить и съесть? - Матвей спрятал руки за спину.

- Зачем съесть? - председатель настойчиво совал петуха Сазонову. - Купишь пяток кур, производитель уже есть...

Из зала раздался чей-то насмешливый голос:

- Бери! Будешь на работе - он тебя бабе заменять будет. Матвей усмехнулся:

- А потом опять в колхоз заберете...

Поднялся за столом уполномоченный Семичатов:

- Все уже разобрали свою птицу по домам, а ты почему не забрал?

Матвей, все также усмехаясь, развел руками:

- Кто успел - забрали, а я, пока пришел, кто-то все остатки порубал, говорят, общиной съели...

Взяв-таки петуха, он протянул его жене, подошедшей к сцене.

- Подарок ты получил, теперь ответное слово за тобой. Может, спляшешь или споешь, - и председатель указал на пустое место на сцене.

- Нет, уважаемые, я вам не клоун. Наградили, так наградили, а петь и плясать артистов из Урюпинска вызывайте, - и Матвей, грузно спрыгнув со сцены, вышел из зала.

Председатель, нагнувшись к секретарю, прошептал:

- Кто его включил в список? Весь праздник испортил, - и уже, обращаясь к залу, продолжил: - Идем дальше, товарищи. Следующий передовик колхоза Королева Акулина Ефимовна. Просим!

Зал дружно захлопал. На сцену поднялась молодая нес-

кладная девушка лет 18-ти.

- Вот, товарищи, равняйтесь на Акулину, ни одного прогула, трудится на загляденье, куда бы не послали, со всем справляется. По решению правления она награждается катушкой ниток.

- Ой, спасибо, а то у меня платье порвалось, а зашить нечем, - смущенно улыбаясь, взяла она катушку.

- Вот ты, Акулина, отлично работаешь, а теперь скажи что-нибудь своим товарищам колхозникам, - председатель подвел ее к краю сцены.

Девушка смутилась еще больше:

- Да я не знаю, как говорить со сцены...

- Говори, говори, у тебя получится, - раздался выкрики из зала.

Акулина еще постояла, что-то шепча губами, потом пошла к самому краю, сделала серьезное лицо, выбросила вперед руку и прокричала:

- Здорово, товарищ Ворошилов!

В зале начались судороги от смеха. Словно сговорив-

шись, в разных концах поднялись Авилов Алексей и Ковыгин Михаил - поклонились и в один голос сказали:

- Слава Богу, Кулинка Королева!

Смех перешел в хохот.

- Да ну вас, я же говорила, что не умею говорить, - Акулина сбежала со сцены.

Смешливый паренек стал икать и, ухватившись за живот, выбежал из зала. Продолжая смеяться, он присел рядом с Сазоновым:

- Ну, утомила Кулинка, ну, концерт...

Матвей, тянувший самокрутку, похлопал его по спине:

- Смеетесь? Ну, ну, скоро плакать будете...

- Да ну тебя, дядя Матвей, все не по-твоему... Слишком ты сурезный.

Паренек зашел обратно в зал. Чествование передовиков продолжалось...

Через неделю Сазонова Матвея Ивановича с домохозяевами, как неблагонадежных и бывших кулаков, выселили в Архангельскую область.

С о в е с т ь

В начале 33-го года великий вождь и учитель на пленуме ЦК ВКП (б) лично указал, где скрывается кулак: *"Кулак стал хитер, чтобы вредить тихой сапой, он ужом вполз на руководящие посты в совхозах, он стал агрономом, механиком, счетоводом, учетчиком"*. ОГПУ приняло это к сведению. Во всех МТС для борьбы со скрытыми врагами были созданы политические отделы - начальник политотдела имел те же права, что и работник ОГПУ.

...После расстрела в 19-м году священника Левицкого, сын его Александр ушел с казаками, матушка куда-то уехала, и большой дом пустовал. В 1925 году, разобрав внутренние перегородки, в нем сделали библиотеку - она и стала основным фондом читальни. После ликвидации казаков-дворян Полторацких, как врагов трудового народа, попали туда и их книги.

Избачом стал Тарасов Александр Михайлович - красный партизан, а после бесменный комсомольский вожак. Он постоянно привозил из Нехаевской книги и газеты. В повозке у него всегда лежала винтовка. На вопросы: "Зачем тебе сейчас винтовка?" - отвечал с улыбкой: "Врагов еще много, а я с ней сросся с гражданской..."

Был он с шестого года, год назад женился, и жена его, Ариша, была на сносях.

Зима 33-го была лютой - в ноябре морозы доходили до 30. В один из морозных вечеров в дом к Тарасову пришел посыльный и сказал, что его ждут в политотделе. Политотдел располагался в одной из комнат бывшей церкви. Когда Александр пришел, за столом уже сидели начальник политотдела Курапов Михаил Васильевич, председатель сельсовета Черноиваненко Андрей Павлович, директор МТС Степин Иван Григорьевич, председатель колхоза Большинов Петр Иванович.

- Садись, Саша, вопрос важный, - сказал Курапов. - Из района постановление об аресте затесавшихся в ряды колхоза врагов: учетчик Демин Петр Семенович, зав. почтой Чекуров Георгий Павлович, агроном Малявко Александр Григорьевич, зав. магазином Викторов Дмитрий Васильевич, механик Шпистергер Иван Иванович, бригадир Чуйко-Дьякович Иосиф Ульянович...

Александр привстал:

- Как врагов?! Ну, Демина с Малявко я мало знаю, они у нас недавно, но остальных-то - как облупленных, от начала до конца с ними прошел гражданскую! Иосиф был два раза ранен, у Дмитрия рука не сгибается, а вы - "враги"!

- Не горячись, Александр, - сказал Черноиваненко. - Письма об их вражеской деятельности в район пришли месяц назад, следователи разобрались, и теперь для ареста надо поставить наши подписи. Мы уже подписали, нужна твоя подпись, как члена политотдела.

- Товарищи, я не могу подписать такое, - с трудом произнес Александр.

- Саша, не дури, ты коммунист и должен поступать по коммунистически, Врагов надо искоренять, - сказал Степин.

Тяжело поднявшись, Александр долго стоял над бумагой, смотрел невидящими глазами. Потом быстро подписал и вышел. А рано утром "черный ворон" уже увез

всех шестерых в домзак Урюпинска.

Вечером Александр с бутылкой самогона пришел к Воропаеву Владимиру, лучшему другу с гражданской войны.

- Ты же не пьешь, - сказал Владимир.

- Тут, друг мой дорогой, запьешь...

Немного захмелев, он заплакал.

- Володя, что происходит? Забрали ребят, с которыми мы кормили вшей всю гражданскую, создали колхоз - теперь они враги.

- Саша, не лезь ты в это дело, мы люди маленькие, нас не спрашивают, - сказал Воропаев.

- В том то и дело, что спрашивают. Я тоже подписывал бумагу. Ты понимаешь, что следующими будем мы?

- Да успокойся, кому мы нужны!..

Не допив, Александр ушел.

Он похудел, осунулся, ночами не спал. Ариша стала волноваться, старалась развеселить, спрашивала, что происходит, но Александр отмахивался, молчал.

На престольный праздник, 19 декабря, Николай, Александр с женой и свояком Иваном поехали к двоюродному брату, Меркулову Андриану, на свадьбу в хутор Поповский. Выехали пораньше, мороз крепчал.

- Проехали только Лукьянов лес, а я так замерзла, что зуб на зуб не попадает, - сказала Ариша.

- Градусов 40, наверно. Ну, ничего, скоро доедем, - ответил Александр и поплотнее укутал её тулупом.

Что-то мешало Арише сидеть, она пошарила в сене и нащупала приклад.

- Ты и на свадьбу винтовку взял?

- Да мало ли, вдруг волки, - ответил Александр.

Весь день на гулянье он сидел молча, почти не выпивал. Как начало темнеть, со свояком вышел к сараям покурить.

- Иван, позови Аришу, - попросил Ивана.

- Да она, наверно, уже легла, - ответил тот.

- Позови, позови, пожалуйста!..

Иван через несколько минут вышел с Аришей на крыльцо.

- Ну что ты чудишь, Саша? Пошли в дом, пора ложиться, - сказала она.

- Прости, Ариша, я не могу иначе! - вдруг прокричал Александр, и раздался выстрел.

Иван кинулся к сараю. Александр лежал без полушубка, в одном валенке, под самым сердцем - маленькая дырочка, возле которой уже замерзла кровь.

Дико закричала Ариша, упала на снег, с ней случился припадок. Произошел выкидыш, и до конца своей короткой жизни она волочила потом левую ногу...

Пока сообщили в район, пока приехали оттуда, прошло три дня. Тело Александра так замерзло - в станице два дня оттаивали у печи, чтобы положить в гроб. Комсомольцы схоронили своего вожака с почестями в центре станицы.

Из шестерых станичников, арестованных в ноябре, не вернулся никто. Машина репрессий перемальвала свои жертвы...

В 1934 году Л.М.Каганович на пленуме ЦК ВКП (б) заявил: *"Партией при помощи политотделов разоблачены и изгнаны из колхозов и совхозов антисоветские, антиколхозные, вредительские элементы, кулаки и подкулачники, проникшие в колхозы и совхозы и тихой сапой пытавшиеся разложить их изнутри"*.

В. Копылов

В. Бурцев: Записки молодого казака

За прошедшие 60 лет мне никогда ни с кем не приходилось вспоминать в разговорах события 2-й Мировой войны.

...Еще до войны моя мама, Царство ей Небесное, рассказывала мне о борьбе казаков с большевиками. Мы из станицы Баталпашинской Кубанского Войска, Хоперский полк наш родной. Отец воевал в гражданскую у Шкуро, а в 1920-м, когда красные установили свою власть на Кубани, он вместе с двумя братьями ушел в отряд лесных партизан. Чекисты охотились за женами белых партизан, будучи бессильны против казаков. Мама была настоящая боевая казачка, она, буквально на глазах у большевиков, приехавших за ней домой, чтобы забрать, ускользнула.

А вообще, у нас в роду не было такого, чтобы брат шел на брата или отца. Все были, что называется, заядлые казаки и воевали только за настоящее казачество, а не большевицкое. Это, как по отцовской линии, так и по материнской - Поповых, выходцев с Хопра.

Братья отца, старший женатый, младший нет - в том году погибли, отец был ранен. Ему удавалось ускользать от станичников-комбедовцев и от чекистов. В конце 1920-х, не дожидаясь репрессий, мы убежали в Закавказье. Отец работал на одной из нефтеперекачивающих станций Баку-Багуми, а с началом войны 41-го года получил бронь от призыва в армию и вместе с демонтированным оборудованием станции был эвакуирован в город Гурьев. Когда отец уехал, мы - мать и нас трое детей - вернулись в Пашинку (Баталпашинскую), где и встретили немецкую армию.

Не только пожилые казаки, но и молодежь по горло насытились советским "раем". Многие были свидетелями расказачивания и голодомора 1932-33 годов.

1943-й. Борьба с партизанами

Холодющая зима конца декабря 1942 года. С наступлением Красной армии казакам, пришлось "смазывать" из родной станицы. Меня мама опекать поручила своему брату Пете, который, как и другие "заядлые", чистокровные казаки служил в казачьей конной жандармерии.

Покидая станицу в зимнюю стужу и метель, я был обут очень легко, не по-зимнему - в ботинки. Правда, я вскоре приспособился, обмотав ботинки в заячьи шкурки. Но все равно большие пальцы ног были обморожены.

Уходя, мы не теряли надежды, что вернемся в станицы возрожденного казачества. Однажды при уходе нам поручено было сопровождать стадо рогатого скота. И вот, чтобы избавиться от этой обузы, решили оставить его - где-то в селе под Белой Глиной. Но, предполагая, что по возвращении придется отчитываться, решили написать расписку якобы от имени председателя колхоза, что он стадо принял...

На Украине в селе Новоукраинка нас сформировали в какую-то часть. Наша 5-я сотня называлась тяжелой, т.к. имела на вооружении противотанковые 45-мм орудия, станковые пулеметы "Максим" и 82-мм минометы, которые я и обслуживал.

Из Кировограда после Пасхи в начале мая железнодорожным эшелоном прибыли в Киев. Прошли по главной улице - Крещатику, основательно разрушенному при отступлении большевиков (хотя это они после войны "вешали" на немцев). Наш конечный пункт - село Забуянье Макарьевского района, под Киевом. Кругом лес и лишь отдельные пахотные поля. Наша цель - борьба с партизанами.

От Киева к Забуяню - везде следы "хозяйствования" партизан: взорванные, сожженные мосты через реки, в частности, большой мост через реку Тетерев. Население в селах запуганное, с удивлением встречало-провожило нас - казаков. В этом походе я, уже 18-летний парень, впервые выпил-попробовал пиво.

Разместились в основном по хатам, часть казаков и штаб - в школе. И пошла военная жизнь: то где-то партизаны в соседнем селе доберутся

мои родители - Бурцев Владимир и Екатерина, январь 1917 г.

до молочарни (что-то вроде цеха сырзавода), то выезд в деревню, расположенную в лесной глухомани, для разведки и профилактики.

Здесь же надо отметить, что все "максимы" были "посажены" на настоящие кавалерийские тачанки, изготовленные казаками. В расчете одной пулеметной тачанки были двое 16-летних Терских казачат. Как и всякие молодые ребята, ночью, находясь в охране за селом, бывало, баловались пулеметным огнем, объясняя потом, что там что-то мелькало-шуршало. Но были у них и боевые моменты.

Однажды я ночью находился за селом "в секрете". Вдруг слышу в направлении поля какой-то шорох. Я, как и положено, без предупреждения, на шумок-звук выстрелил из карабина. В ответ: "Подожди, это я, Григорий". Это был муж моей кузины. О нем еще будет сказано, как он погиб.

Трагически погиб и другой зять, Тимофей. Преследовали в конном порядке по лесу партизан. И вот дошли до заболоченного места - так называемого Гутлища. В одном месте был мосток-переход, через который, очевидно, партизаны и переправились на другую сторону. Но, наверное, не все. Или же в другом месте некоторые из них переправились назад. Ведь лес - это страшно темное дело. Часть казаков спешилась, в ложбине оставили лошадей с коноводами, одним из которых был Тимофей. Но партизаны обстреляли их, ранив в ноги Тимофея. Захватив, увезли его в дальнее село Белковка (кажется, так). А там, после истязаний, расстреляли. Об этом мы позже узнали от жителей села.

Как-то партизаны были замечены в лесу недалеко от села. Быстро снарядили группу казаков, в их число попали я и дядя Петя. Проскакав, сколько можно, по лесной дорожке, выехали на опушку леса. На противоположной стороне поля, тоже на опушке - домик лесника. И вот командир-сотник говорит: "Надо проверить, нет ли там партизан. Кто пойдет?" Тут я и еще один такой же глупец-молодец (это уже в крови заложена казачья удаль) отозвался. Проскакали мы с другом по опушке леса до домика лесника. К счастью, в нем никого не оказалось. А ведь запросто могли бы нас "ссадить" с коней.

Казакам было поручено охранять лесопильный завод, расположенный на опушке леса в трех-четыре километра от села. Территория его обнесена высоким дощатым частоколом, двое ворот: одни в сторону леса, другие к Забуяню. Охрану завода несли по очереди. В этот раз в число очередников попал и я. Расположились в бараке, находившемся почти в середине территории. Там же и ящики с минометными снарядами. Наступила Троица 1943 года, 17 июня.

Как всегда на праздник, многие казаки хорошо погуляли, конечно, с горилкой.

В числе других "трезвенников" с несколькими немцами-ефрейторами я заступил с вечера в караул. Расположились в окопах, здесь же и миномет. И только чуть стемнело, как около нашего села взлетели сигнальные ракеты. А у нас со стороны леса - "ура", и вдруг у ворот взрыв гранаты. На посту был Григорий, и его убило.

Пошла трескотня от выстрелов. Но партизаны все же боялись идти на штурм. Вскоре кончились мины, которые выстреливались прямо за забор, так как миномет стоял лишь с небольшим наклоном вперед. А ящики с минами в казарме. Пришлось под непрерывным свистом пуль перебежками от укрытия к укрытию сделать немало бросков к казарме и обратно, пока не отбили партизан.

И вот тут отличился казачата-терцы со своей тачанкой. Имитируя, что у нас "станкачи" - пулеметы у обоих ворот, дадут пару-другую очередей от одних ворот, и галопом к другим воротам. И так, пока не отбились от партизан.

дядя - Попов Иван, 1917 г.

Пока мы отбивались на лесопильном заводе, в Забуянье на "молодежном" посту у окраины села дежурили два кубанских молодых казака с ручным пулеметом. Когда партизаны кинулись на село, трое из них напоролось на пулеметное гнездо. В результате умелых действий, переговоров: "мол, ждем своих ребят-партизан..." - казачатам удалось усилить бдительность партизан и, обезоружив, взять в плен.

На другой стороне села, когда началась суматоха, командира сотни дома не было. Вестовой казачок, схватив автомат, зная, что "гости" обязательно сюда нагрянут, пригрозил их встретить. Через окно заметил, что двое пробираются уже у дверей. Недолго думая, дал очередь из автомата через дверь. Крик, стон, грохот. Одного уложил, а другой дал "стрекоча", оставив кровавый след.

Среди молодых казаков были не только артиллеристы, пулеметчики, минометчики, но и санинструкторы. Один из них Жора. В том бою у Гутлища, когда был захвачен с перебитыми ногами Тимофей, Георгий пробираясь ползком среди кустов к раненым казакам, нарвался на партизана в засаде. Партизан бросил гранату, она не долетела, но осколком писанула по спине. Казачок, преодолевая боль, добрался до раненых и оказал им первую помощь.

Однажды, когда я был на квартире, прибежал посыльный, сказав, что меня срочно вызывают в штаб. Там мне вручили медаль "За храбрость" за бой на Троицу. Медали за свои подвиги получили казачата-терцы, кубанцы с "молодежного" поста и вестовой командира сотни.

Однажды в лесу у Забуянья завязался бой, вначале неудачный для нас. Партизанское соединение известного Федорова передвигалось по лесам сравнительно недалеко от нашего расположения. В одном месте партизаны были окружены немецкими войсками. В этой операции мы были в оцеплении со всем своим тяжелым оружием. Но, очевидно, из-за большого района охвата, недостаточной плотности оцепления партизаны нашли лазейку и ночью обозные их части ушли. Зато оставшимся досталось сполна. Началось в лесу преследование партизан, стычки с их засадами в кустах мелколесья. Сказался значительный наш перевес в живой силе и технике. В этой операции я находился в "минометном тылу" и в ближайшем преследовании не участвовал. А вот у дяди Пети произошел такой случай. Метрах в 8-10 от тропы, по которой он двигался, под деревом лежал партизан. Увидев Петю, так жалобно на него стал смотреть, что, наверное, из-за этого карабин казачий дал осечку. Оставил его дядя лежать нетронутым. Значит, так было Богу угодно...

В начале ноября я попал в санчасть с высокой температурой - а в ночь на 6 ноября на скорой помощи меня и других казаков сначала по лесной глухомани, а затем по автотрассе Киев-Житомир доставили в эвакуационный госпиталь Житомира, где было очень много раненых. Я не взял никаких вещей из квартиры, в том числе и медали, не попрощался с дядей Петей - и больше его не видел...

Из Житомира поездом меня переправили в Варшаву, затем, поправившегося - в Млаву, в 5-й Запасной полк 1-й Казачьей дивизии.

Франция. Школа унтер-офицеров

Во Млаве пробыли недолго. С приближением фронта наш 5-й учебно-запасной полк был погружен в вагоны и через Польшу, Германию привезен в предгорья Альп, в местечко Лонс-ле-Заунир под швейцарской границей. На остановках население радушно встречало казаков, преподносило даже подарки-сладости. Выгрузившись из вагонов и разместившись, мы стали ожидать развития дальнейших событий.

Вскоре командование решило провести отбор из молодых казаков, сносно владеющих немецким языком, в унтер-офицерскую школу. Попал в эту команду и я. Проверили наши способности на артиллерийских командах: "плюс-минус", "больше-меньше" и т.д. И вот здесь (не хвалясь) я проявил способность, что называется "схватывать на лету". Только экзаменатор закончит вопрос, как я - ответ. До этого я усиленно занимался изучением немецкого языка, имея при себе постоянно словари и грамматические справочники. Был у меня и друг-наставник, немец унтер-офицер, возрастом немного старше - Кляйн. Он всегда говорил, что знание немецкого языка всегда пригодится, по крайней мере, пока находишься на территории, подвластной немцам. И, пока есть время, есть возможность, надо

учить, а не быть тем, кто думает и говорит: "Morgen, morgen, nur nicht heute, sagen alle faule Leute" ("Завтра, завтра, не сегодня, так лентяи говорят").

Я был зачислен в школу унтер-офицеров. Из Лонс-ле-Заунира мы отправились своим ходом вглубь Франции. Прибыли в город Шамон, старинную крепость. Въезд в ее ворота с одной стороны идет вдоль высокой толстой каменной стены с бойницами; противоположная равнинная часть укреплена форпостами. И здесь же хорошая взлетно-посадочная площадка, загроможденная всплошную "козлами" из бревен.

Нас сразу же направили в унтер-офицерскую школу, находившуюся в городе-крепости Лангрес. Там и "выжали соки" из нас. Особенно запомнился мне "гусиный шаг" - вприсядку бегом. По возвращении в сотню из школы я был назначен унтер-офицером по продовольственному снабжению. И здесь, наверное, основную роль сыграло знание немецкого языка.

В Шамене размещены мы были в кавалерийском городке французской армии. До нас здесь уже побывали немецкие кавалеристы, о чем говорили плакаты в конюшнях: "Ein guter Reiter weib genau - erst das Pferd und dann die Frau" ("Хороший кавалерист знает точно - ухаживать сначала за лошадью, а потом за женщиной").

Во Франции были свои партизаны - "маки", но с ними нам сталкиваться не приходилось. Один раз за все время пребывания в Шамене мне пришлось с карабином вместе с другими казаками отправиться в дом терпимости (во Франции свободно разрешенные, что для нас было удивительно) для успокоения наших же казаков, поднявших дебош.

Здесь же довелось встретиться с некоторыми казаками из нашей 5-й тяжелой сотни. Они рассказали о нелепой гибели отважного казака нашей сотни Павла Жерлицы, родом из какой-то предгорной кубанской станицы. Как казаки уходили из Забуянья, не пришлось вести разговор на эту тему. В каком-то селе он остановился на ночлег. Поздно вечером на дворе рев мотора. Оказалось, танк немецкий. Павел выскакивает из избы, пулеметная очередь - и все кончено, казак погиб. А дело в том, что у Павла была привычка носить серую советскую шинель, и танкист принял его за советского солдата. Павел, помню, рассказывал, как с приходом в станицу немцев, в лес в партизаны ушли заядлые советчики, партийные работники. И вот с одним таким коммунистом, которого Павел хорошо знал, ему пришлось встретиться в лесу и испытать - у кого нервы крепче и кто духом богаче. Казаки преследовали партизан. Павел обнаружил сидящим в яме одного из знакомых партработников. Призыв сдаться тот отверг. Тогда Павел приближается к яме все с тем же призывом. Нервы у коммуниста сдали, вышел на милость казака. А ведь Павел шел прямо на пулю...

Встретил я там и родственников. Однажды пошел в кинозал посмотреть журнал - недельное обозрение "Die Wochenschau". Рядом со мной сидит молодой казак. Перебросились словами. Оказалось, что мы не только одногодки, но и однофамильцы. За ним рядом его отец, спрашивает: "Ты не такой-то бабки внук?" Оказалось, двоюродный брат моего отца!

В Шамене мы пробыли до лета - до высадки в Нормандии англо-американского десанта, из-за чего пришлось двигаться уже на восток.

Бавария

Обратный путь своим ходом с общим направлением на южную Германию был почти тот же, что и при движении во Францию.

Часто я останавливался на ночлег у тех хозяев, у которых уже бывал ранее. В одном местечке, когда еще следовали из Германии, я разговорился с хозяином квартиры. Он, оказалось, воевал на Кавказе и был в Черкесске. Но после тяжелого ранения его сняли с военного учета по чистой.

Однажды двигались мы по открытой местности. Вдруг на горизонте на большой высоте появилась армада американских самолетов Б-29 - "летающая крепость". Они имели, конечно, свое задание и мы им абсолютно не нужны были. Когда самолеты поравнялись с нами, какие-то чудачки стали по ним стрелять. А американцы решили на "шутку" тоже ответить "шуткой". Несколько самолетов, немного снизившись, направились в нашу сторону и стали сбрасывать одиночные бомбы. Визг их был устрашающий. Казаки бро-

Минометный расчет казаков на позиции

сились враспынную: кто в кювет, кто еще какое-то укрытие нашел. А главный "герой", немец-фельдфебель, схватившись за голову, бегаёт из стороны в сторону с криком: "O, mein Gott, o, mein Gott!". Или бывал под бомбежкой, и его накрывало землей, или от роду такой "герой". Тем более, что бомбы рвались в стороне.

Прибыли в Баварию. При движении бывали, конечно, и любовные встречи. Завязка всегда происходила в связи с моим знанием немецкого языка. Хотя я, будучи окружен товарищами, всегда старался переложить это "бремя" на кого-то из них, но с девушкой по имени Паула я подружился, у нас завязалась платоническая любовь. У хозяев я жил в отдельной комнате. Они часто приглашали меня к обеденному столу или на ужин. Их сын был на фронте и погиб под Сталинградом.

Перед отъездом отец и мать Паулы говорили, что война идет к концу, что когда демобилизуешься, то приезжай к нам. А Паула подарила свое фото с надписью: "Von deinen Liebbling" ("От твоей возлюбленной").

Наступило время, нас погрузили в вагоны со всем нашим имуществом и повезли на восток. Без приключений приехали в Австрию, в город Wienerneunstadt, вблизи от Вены. Отсюда своим ходом перебрались на постоянное расположение в Цветтль.

Австрия. Переводчик генерала Шкуро

Сколько стояли в Цветтле - не помню. Но где бы я ни был, обязательно со мной что-то случится или сам выкину какую штуку. Так и здесь. Однажды меня назначили помощником дежурного по части (дежурный немец). И вот к вечеру прибегает мой друг Сашка Кулев - терский казачок, одногодок мой. Дружили еще с Шамона. И говорит, что "сегодня в клубе идет очень хороший фильм *"Die goldene Stadt"* ("Золотой город", о Праге) - пойдём, посмотрим".

Пришли в клуб. А у входа вдруг - наш немецкий офицер, знавший, что я назначен дежурным. Спрашивает: "*Was machst du hier?*" (Что ты здесь делаешь?) Я в ответ: "*a разве не видите - пришел в кино*". Кино просмотрели, вернулись в часть. Все и обошлось, хотя и была небольшая нотация.

А вскоре нам сказали, что сюда едет казачий генерал. Кто - не знали. Меня же предупредили, что я, может быть, буду при нем переводчиком, т.к. он хотел бы переводчика казака.

Через несколько дней приезжает генерал - Шкуро Андрей Григорьевич. Меня вызвали в штаб и представили ему, как казака, хорошо владеющего немецким языком. Оставив меня при себе, Андрей Григорьевич спросил: "*где изучил немецкий?*" Ответил, что самостоятельно. Он похвалил меня. Далее интересовался моей родословной, из какой я станицы? Узнав, что из станицы Н-ской, сказал, что места эти хорошо знает по гражданской войне, что тогда там большевикам много "неудобств" устраивал - вообще в разговоре и в дальнейшем при выступлении перед строем казаков в его речи прослеживалась некоторая струнка юмора, а к большевикам и сарказма.

Я рассказал, что мой отец в 1919 году был у него в корпусе. Из-под Воронежа пришлось доставлять домой погибшего там офицера-соседа, будучи у него вестовым. В 1920 году вместе со старшим и младшим братьями (которые были убиты) - у Фостикова, среди восставших казаков. А в настоящее время он, хотя и не воюет, как в былые времена, но и в красной армии не находится...

Выйдя к строю казаков в парадной казачьей форме (черкеска, папаха, пояс с серебряным набором, кинжал в такой же оправе), А.Г. Шкуро произвел на нас особое впечатление. Казакам было интересно и мило увидеть родную форму, т.к. мы были обмундированы в обыкновенную немецкую. Генерал невысокого роста, не по годам подтянутый и подвижный, поздоровался по-казачьи: "*Здорово, братцы казаки!*" В ответ: "Здравие... и ура!" Выступление его было непродолжительное, но направленное на подъем духа казаков. Мне же приходилось все переводить для начальства на немецкий - что, конечно, значительно труднее, чем наоборот, для построения немецкой речи надо твердо знать их грамматику.

Скоро стало известно, что советские танки появились под Веной. Мы собрались и двинулись своим ходом на запад, чтобы достичь американской зоны. Едем по берегу какой-то речки. Дорога каменистая, в колдобинах. Карабины сложены в подводы, мы сзади верхами. Вдруг, в какой-то момент, выстрел из карабина на бричке. Миг - и казак, мой додок, ехавший рядом со мною - склонился. Оказывается, ка-

кой-то карабин был заряжен и при сильной встряске боек сорвался и все - казака нет. А ведь я ехал рядом. Значит кому, что на роду положено.

Через какое-то время все подводы были разгружены, оружие выбросили в речку. Заехали в зону, где хозяйничали французы. С питанием стало совсем плохо. Ели своих лошадей - в Зальцбурге дошла очередь и до моей лошади...

Вскоре попали к американцам - в лагерь военнопленных где-то под Мюнхеном. Должен сказать, что с обращением, содержанием, питанием все было нормально. Помню, хлеб у нас пек свой - чешский немец.

Возвращение

Продержав нас некоторое время в лагере военнопленных, нас стали демобилизовывать, начав с немцев. Был отпущен мой товарищ унтер-офицер Кляйн. Он дал мне свой адрес в Ганновере, приглашая к себе. Адрес и приглашение я имел и от хозяев, у которых сдружился с их дочерью. Но у меня были все время мечты о Кубани.

Наконец, и мы (я, Сашка Кулев и еще один казак) получили демобилизационные удостоверения (Entlassungsschein) и по знойной сумме немецких оккупационных марок с правом идти, что называется, на все четыре стороны.

Пройдя некоторое расстояние, вечером попросились у одного бауэра (крестьянина) переночевать. В доме я разговорился с хозяином. И вот он мне сказал, что, мол, у тебя чисто берлинский акцент. Что вполне объяснимо, ведь я изучал язык по грамматике и словарям. Пришлось призадуматься о необходимости какой-то "ломки" своего литературного языка на простой разговорный.

Пробыв пару дней в этой крестьянской семье, немного поработав и ознакомившись с сельхозинвентарем, я сказал ребятам, что не вижу здесь надежной перспективы. Они, не зная достаточно для обычного общения немецкого разговорного, не могли воспользоваться моей легендой (которая вошла потом в мою официальную биографию на родине). Суть ее: во время оккупации станицы я был насильно "угнан" на работы в Германии. Такое бывало, и даже добровольно молодежь ехала на работы - посмотреть Европу. В продолжение легенды я называл местечко - село, адрес которого у меня был.

Хозяин помог переодеться в цивильную одежду, и я отправился на сборный пункт недалеко от Мюнхена по репатриации гражданских лиц - тех, кто стремился скорее домой. Здесь я освоился с обстановкой и, что называется, "внедрился" в гражданское, в основном молодое, общество.

Вскоре мы были американцами погружены в товарные вагоны и повезли нас в советскую оккупационную зону. На одной из остановок, вблизи от конечного пункта пути, все повыскакивали опривитесь. Здесь недалеко я подложил в расщелину под каменной глыбой свои бумаги, которые все еще держал при себе на всякий случай - демобилизационное удостоверение, фотографию в форме с Сашей Кулевым и карточку Паулы.

Довезли нас до Хемница в Восточной Германии. Здесь прошли мы проверку - я вел себя уверенно и поэтому, с Божьей помощью, все обошлось. Замечу особо, что на всем пройденном пути меня сопровождали молитвы моей покойной мамы - Царствие ей Небесное. Во время отъезда из станицы она благословила и вручила мне молитву "Живые в помощи" (точное название - "Во время бедствия и при нападении врагов", Пс.90.). Я также имел Молитвослов, молитвы которого не только читал, но и выучивал. И Бог дал мне спасения и сил пройти этот тернистый путь.

Из Хемница пешим порядком свои "родные" погналы нас до Ризы, под Дрезденом. Здесь мы занимались демонтажем репарационного оборудования на заводе, рубкой деревьев. На лесоповале произошел случай (правда, по моей оплошности). Подпилил и подрубил дерево, я должен был отойти в сторону от линии его падения, а стал именно на ней. Падая вперед, дерево скользнуло подрубленным концом назад от комля, и я получил удар в грудь. Захватило дыхание, но я быстро очухался с помощью напарника.

Казалось бы, в моем положении надо держаться "ниже травы, тише воды". Ан нет! Однажды я стал инициатором протеста из-за недостатка в питании, за что провел ночь в карцере - сыром подвале. Но в итоге все обернулось легким испугом - и с сочувствием окружающих едоков.

Где-то в октябре 1945 года, поместили в товарные вагоны, нас привезли на родину - на другие работы.

публикация П.С.

Казак в Австрии

В мае 1945 года в Восточный Тироль из итальянской области Фриули вышли более 25 000 казаков - мужчин, женщин, детей и стариков. Местное население сначала испугалось. Среди крестьян получили распространение самые невероятные слухи. И что "Гитлер послал казаков защищать границы Восточного Тироля от красных", и что "казаков поселят в здесь, изгнав местное население".

Но казаки пришли в Австрию не как военные колонисты или "азиатские завоеватели", а совсем даже наоборот - как беженцы, в очередной раз гонимые несчастливой судьбой и злобой волей "ялтинской тройки" (еще в 1943 году створившей выдать на расправу Сталину и бывших подсоветских людей, вырвавшихся из-под власти красного Кремля, и белоэмигрантов).

Надежды на спасение обернулись трагедией на Драве. Обманутые англичанами, разоруженные, лишенные атаманов и офицеров, казаки были выданы советским карательным органам. Выдача сопровождалась жестокостями британских солдат и самоубийствами казаков, не желавших возвращаться в советское рабство.

Все это происходило на глазах местного австрийского населения. Тирольские крестьяне традиционно считали свой край "медвежьим углом", "задворками Европы". И вот теперь он таким неожиданным и страшным образом вошел в мировую историю! Тирольцы были возмущены происходящим. За время пребывания казаков в Лиенцкой долине местные жители перестали их бояться, охотно принимали помощь станичников в работах по хозяйству, успели подружиться со многими из них (и потом, в страшные часы выдачи, многие даже усыновили малых казачьих детей).

Зверства большевизма к тому времени ни для кого не были секретом, как и ковровые бомбардировки беззащитных городов Европы англо-американскими союзниками - чего стоило одно только уничтожение с воздуха Дрездена, когда заживо сгорело до 250 000 человек (главным образом, раненых, женщин и детей). Американцы в самые последние дни войны разбомбили и крохотный городишко Лиенц, в котором уж точно не было ни воинских частей, ни военных объектов. Но вероломства от офицеров армии "Его Величества Короля Великобритании и Северной Ирландии и Императора Индии" не ожидал никто! И до сих пор у местных сохранилась стойкая неприязнь к англичанам - да и английские туристы не балуют эту живописную местность своими посещениями...

После войны уцелевшие в Германии и Австрии ветераны казачьих частей создали "Товарищество XV казачьего Кавалерийского Корпуса бывшего германского вермахта" имени генерала Гельмута фон Паннвица (Kameradschaft des XV. Kosaken-Kavallerie-Korps der ehemaligen deutschen Wehrmacht General Helmuth von Pannwitz). Не так давно, кстати, "Станица" поздравляла Товарищество с юбилейным номером его журнала "Nachrichten", постоянно издающегося в Германии.

Командир сформированной из бывших подсоветских казаков, решившихся с оружием в руках возобновить борьбу против большевизма, и казаков-белоэмигрантов 1-й Каза-

чьей Кавалерийской дивизии (преобразованной позднее в XV Казачий кавалерийский Корпус) генерал Гельмут фон Паннвиц был избран в конце войны на Всеказачьем круге в Вировитиче Верховным походным атаманом всех казачьих войск. После окончания войны он вместе со своими офицерами добровольно разделил судьбу казаков, выданных в СССР, и был казнен в 1947 году по приговору несправедного суда вместе с казачьими генералами П. и С. Красновыми, Домановым, Шкуро и Султаном Келеч-Гирем.

В Товарищество ветеранов, названное его именем, вошли не только бывшие чины Корпуса (немцы, австрийцы и природные казаки), чины Казачьего Стана, других казачьих подразделений, но и многие друзья казачества, в том числе и рожденные уже после войны. Эти люди делали и делают все эти годы очень много, чтобы сохранить добрую память о казаках, сберечь связанные с казаками памятные места.

На протяжении уже многих лет распространением правды о трагических событиях в Лиенце, навечно легших позорным пятном на мундир британской армии, занимается группа австрийских исследователей во главе с профессором Гаральдом Штадлером.

Гаральд Штадлер родился в 1959 году в Лиенце - через 14 лет после казачьей трагедии. Изучал в Инсбрукском университете историю первобытного общества и Древнего мира, классическую археологию и историю Средних веков. В 1991 году защитил докторскую диссертацию и поступил на службу в Федеральное ведомство охраны памятников истории и культуры в Вене. Одновременно стал сотрудником Венского городского ведомства археологии и институтов классической археологии, первобытного общества и Древнего мира Венского университета. Профессор кафедр истории Древнего мира, Средних веков, а с 2000 года - также Нового времени. Он автор пяти книг и более 100 монографий на различные темы из сферы истории человеческого общества.

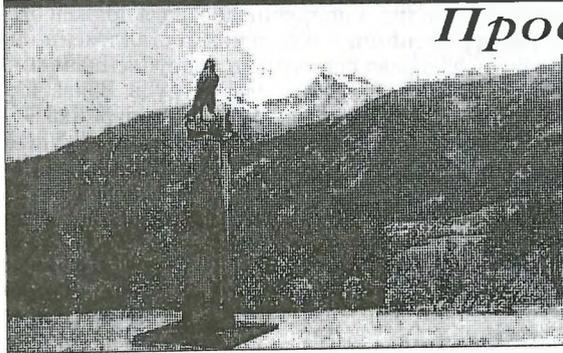
Профессор Штадлер постоянно занимается "казачьим мотивом в австрийской судьбе", организовал множество передвижных выставок, посвященных Лиенцкой трагедии - в Австрии и Германии. Благодаря его стараниям, в частности, с этого года в Баварском музее военной истории в Ингольштадте (ФРГ) существует постоянная экспозиция, посвященная военной истории казачества с древнейших времен и до 1945 года. Она включает в себя разделы, посвященные участию казаков в Тридцатилетней войне, в войнах Священной Римской Империи германской нации и Речи Посполитой с турками (в том числе при освобождении Вены) и в двух гражданских войнах (1918-22 и 1941-45 гг.).

В этом году Гаральд Штадлер, в соавторстве с коллегами-историками Мартином Кофлером и Карлом К. Бергером, написал иллюстрированную монографию "Бегство в безнадежность. Казаки в Восточном Тироле", посвященную трагедии на Драве. Кроме того, он вплотную работает с властями города Петтеца, где находится большое казачье кладбище, над созданием Мемориального музея, посвященного казачьей трагедии 1945 года.

Отметим, что за свои заслуги перед казачеством Московское казачье общество "Станица" наградило профессора Гаральда Штадлера крестом "Последнее рыцарство". В год 60-летия трагедии Лиенца от имени казаков России мы хотим еще раз сердечно поблагодарить всех жителей Германии и Австрии, сберегающих вдалеке от родных для каждого казака мест их могилы - и саму память о них!

В. Акунов

Проект памятника в Лиенце

Московским скульптором К. Чернявским подготовлен предварительный проект установки памятника казакам, навечно оставшимся в австрийском Лиенце. Над быстрой Дравой - на месте, где 60 лет назад в результате сговора "союзников" со Сталиным была перевернута одна из последних страничек в истории казачества - на высоком постаменте вознесется бронзовый сокол, сидящий на казачьем седле. По казачьим поверьям, эта птица символизировала прежде души казаков, не вернувшихся с поля боя...

Вопрос установки памятника, который должен стоять недалеко от мемориального Казачьего кладбища, уже согласован с местными властями. Остается одно - найти источник финансирования проекта!

Возвращение в юность

Выдача казаков в Лиенце 60 лет назад стала второй страшной трагедией XX века после расказачивания - об этом "Станица" не раз писала. Уцелевшие казаки первой и второй волны эмиграции тогда окончательно рассеялись по всему миру.

В двух номерах "Станицы" за 2000 год (№ 32,33, статья "Долгая дорога в Лиенц") В.Карпов рассказал и о моей судьбе - об отступлении казаков вслед за немцами, о том, как я попал сначала в казачье Юнкерское училище в Италии, вместе со 2-м Донским полком оказался в казачьем лагере под Лиенцем, потом - сталинских лагеря...

В этом году была четыре участника тех событий из Ростовской области - бывшие юнкера - смогли посетить Австрию по приглашению атамана войска Донского за рубежом.

29 мая делегация российских казаков из семи человек прибыла в город Лиенц. Остановка в городе, языком никто не владеет. Понимаем только две фразы: "Nicht verstehen" и "Danke". Наш руководитель группы пытался как-то объясниться с местным жителем - не получается. А когда три старых казака вышли из микроавтобуса в казачьей форме, австриец тут же: "Я,я,я!" - и указал, куда идти.

Подъехали прямо к братскому кладбищу. Здесь нас встретила родная русская речь. Первым к нам подошел священник Михаил Протопопов, прибывший из Австралии отслужить литургию по безвинно погибшим. На казачье кладбище со всех стран мира приехали те, кто еще детьми пережили трагедию Лиенца, потомки казаков. По окончании литургии первый заместитель атамана за рубежом Греков наградил всех черно-белым траурным крестом.

После траурных мероприятий мы имели возможность встреч и бесед с близкими интересными людьми, сохраняющими обычаи и традиции казачества во многих уголках мира. Наконец-то мы познакомилась и обнялись с редактором журнала "Станичный вестник" Е.Я.Шипулиной из Канады, с писателем Д.Н.Толстым-Милославским и его сыном, с председателем комиссии по организации траурных мероприятий в Лиенце М.Васильевым.

Вечером участники траурных мероприятий собрались в ресторане на старой площади Лиенца за од-

На казачьем кладбище в Лиенце

ним большим общим столом на поминальный ужин.

На второй день мы утром вновь посетили кладбище, отслужили молебен. Далее - прогулка к месту бывшего старого моста через реку Драва, посещение музея, где, к своему изумлению, увидели старые брички на деревянных ступицах и другие уникальные вещи, картины, образцы казачьего быта.

Я имел счастье вновь пройти те тропы, где ходил 60 лет назад, 17-летним пареньком. Порадовался, что на Австрийской земле в идеальном порядке содержится казачье кладбище, сохранены предметы казачьего быта. Жители Лиенца хранят память трагедии казачества, произошедшей в конце второй мировой войны. И неизменно мы чувствовали их приветливое, доброжелательное отношение!

Приглашение посетить Лиенц я получил в феврале от председателя комиссии по организации траурных мероприятий М.Васильева. Я был единственным приглашенным из Каменского района как живой участник тех событий.

В заключение выскажу сердечную благодарность за моральную и материальную поддержку моего путешествия главе администрации и атаману Каменского района Н.Б.Кольжанову и нашему местному депутату В.А.Скибе.

П.С. Богданов

И з д а т е л ь и у ч е н ы й

3 января 1971 года в Пуатье (Франция) на 79-м году жизни скончался бывший член Уральского Войскового Правительства и представитель Уральского Казачьего Войска при Верховном Правителе адмирале Колчаке казак станицы Уральской войсковой старшина Евгений Давидович Коновалов, в эмиграции в 30-е годы член правления "Казачьего Союза".

Окончив в Твери (по месту службы отца) гимназию, Е.Коновалов поступил в Санкт-Петербургский университет. С началом 1-й мировой войны он добровольцем ушел в армию и был направлен в казачью сотню кавалерийского училища. Пройдя ускоренный курс обучения, был назначен в 1-й Уральский казачий полк, в рядах которого и сражался на фронте.

После революции и фактического распада фронта Е.Д.Коновалов возвращается на Урал в чине есаула и принимает активное участие в войсковой жизни: участвует в редактировании газеты "Яицкая Воля", назначается корреспондентом Ставки генерала Деникина при Уральском Войске, включается в состав Уральского Войскового Правительства в качестве его секретаря. После избрания Войсковым Атаманом генерала В.С.Толстова Евгений Давидович назначается представителем УКВ при Верховном Правителе России.

После поражения Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке Е.Д.Коновалов оказался в Харбине, где использовал часть имевшихся в его распоряжении средств адмирала Колчака на помощь оказавшимся в изгнании в Китае уральским казакам, а оставшиеся деньги передал в распоряжение Атамана Толстова и выехал во Францию.

В общественно-политической жизни казачьего зарубежья, особенно в 20-30-е годы, Е.Д.Коновалов играл достаточно заметную роль. В 1929 году он начал в Париже издание "Казачьего журнала" тиражом в одну тысячу экземпляров. На конец 1929 года вышло 12 номеров журнала: первые четыре - машинописные, остальные

исполнены типографским способом.

В 1930-31 годах Е.Д.Коновалов издавал в Париже большой, хорошо иллюстрированный журнал "Россия", № 6 которого был полностью посвящен казакам и Казачеству, № 7 - Кубанскому и № 11 - Терскому Войскам. Вместе с тем, последние девять лет, вплоть до ухода на пенсию, Е.Д.Коновалов был преподавателем русского языка и литературы в университете города Пуатье, где пользовался "большим уважением и любовью как студентов, так и профессоров", отмечал в № 97 (ноябрь-декабрь 1971 г.) журнал "Родимый Край". - *Теперь при университете имеется зал имени Е.Д.Коновалова, где находится большая библиотека и наговоренные им диски...*

Главным же для Е.Д.Коновалова все эти годы было научное исследование, с помощью вывезенных из России и доступных европейских архивов и библиотек, "Слова о полку Игореве", перевод его на греческий язык, а также изучение карт Сарматии Птоломея 2-го века. *"Изучая подробно названия на Птоломеевой карте, - отмечал профессор Ковалевский, - он пришёл к выводу, что большинство имен имеют не географическое, а этнографическое значение и указывают в некоторых случаях на категорию животных данной области. Это новое и интересное толкование было доложено им в своё время во Французском Географическом Обществе и вызвало горячий спор; причем многие специалисты признавали, что в большинстве случаев Коновалов был прав...*

В отношении лексики "Слова о полку Игореве" Е.Д.Коновалов был занят сравнением некоторых греческих корней с древне-славянскими и на эту тему готовил диссертацию у проф. Паскаля... Защитил ли он ее?..

К сожалению, сегодня имя и немалая общественно-политическая, научно-педагогическая и публицистическая деятельность уральского казака Е.Д.Коновалова в значительной мере забыты - и в среде российского зарубежья, и, тем более, в России.

К. Хохульников

Эскадрон его мыслей лихих

Борис Александрович Алмазов всё просил рецензию на какую-либо свою работу. В конце концов, я решил прокомментировать его выступление на конференции "Казачий Петербург-2005" - опираясь на его же высказывания в разных публикациях...

"И тогда еле слышно сказал комиссар: коммунисты, вперёд!"

На конференции он заявил: "На первом Кругу удалось избавиться от коммунистического крыла, возглавляемого Лосевым" (это об Учредительном круге "Союза казаков" в июне 1990 года, который Алмазов вел).

Обвинение в адрес покойного достаточно серьёзно. Е.Ф.Лосев протестовал против того, что Круг шел по предельно заорганизованному сценарию, типичному для коммунистических форумов, и безальтернативности выборов атамана. Пожилого писателя, скрутив, просто выкинули со сцены. Лосев, поклонник Филиппа Миронова, был если не членом КПСС, то коммунистом по убеждению. Но более известным певцом той идеологии был тогда сам Алмазов. Иначе бы ему не доверили вести то мероприятие!

Цитирую: "Был проведен Большой круг и создан Союз казаков. Важную роль в его формировании сыграл один из приближенных М.С.Горбачева, заместитель заведующего отделом ЦК КПСС А.Сазонов" (А.Скорик, Р.Тикиджян, "Казачье возрождение на пороге XXI века" - Сборник "Казачий Дон. Очерки истории", 1995 г.). Говорит об этом и Алмазов: "Так возник Союз казаков. Нас разрешила советская власть - вот та предательская советская власть. Но разрешила не просто так, а для того, чтобы мы разваливали Советский Союз" (газета "Смена", 4.11.1995 г.).

Итак, затеяв разрушение страны, предатели (что коммунистам не в первой!), доверили ответственную роль автору таких слов: "Коммунисты - вперёд! И вот идут по разбитым дорогам продотряды, чтобы ценою своей жизни доставить хлеб в умирающие от голода города. - Коммунисты - вперёд! - и, не страшась кулацких пуль, едут в деревни двадцатилетитысячники - первые председатели первых колхозов..." (Б.Алмазов, "Государство - это мы!", 1982 г.).

Тут же панегирик красноармейцам, громившим Врангеля. Не удивительно: единственный известный персонаж гражданской войны с фамилией Алмазов - комиссар 5-го Заамурского полка 2-й кавалерийской дивизии Красной Армии. Отличился при ликвидации "банд" на Дону в декабре 1919 - феврале 1920 года и "по уполномочию председателя Казачьего отдела ВЦИК" награжден серебряными часами...

Быть певцом продотрядов для казака - это круто! Но, похоже, это родное дело Бориса Александровича: "Мой дед был учителем, а стало быть, самым образованным и уважаемым человеком в нашем небольшом казачьем хуторе..."

Советская власть дала землю - только работай! И вот однажды в дом к учителю набилась народ... Хуторянин Арбузов рукавом протёр орден Боевого Красного Знамени. - Земля у нас теперь много. Мне, чтоб семью прокормить, столько не надо!.. - А в городе, - загалдели казаки, - детишки с голоду мрут. А что мы можем? Нам в одиночку с этой землей не справиться! - Народ с голоду из города бежит! Нанимай - помогут! - сказал старик Антипчев. - Ага! - взвился Арбузов. - В батраки к тебе, значит! Да тебе за это девять грамм, и не дыши!.. Миром просим! - встал старик Антипчев, и за ним поднялись все. - Съездите в город. Мы вам лошадей и всё такое на дорогу дадим... Спознайте, как большевики на этот счёт располагают. Мы с вами сельхора пошлём, только он ведь молодой, не разберёт...

И мой дед поехал. Хоронясь от банд, которые гуляли по степям (т.е. от казаков-повстанцев - В.Н.), опасаясь волков и лютой метели, поехал он в город и привёз новые слова: "коммуна", "сельскохозяйственный кооператив". - Чтобы всё, значит, было всеобщее! - восторженно пояснил сельхор... Давно отшумели эти споры. Отцы и даже деды нынешних ребяташек не знают, что это такое - частная собственность на землю... Государство у нас народное, значит, земля - наша. Это наша общая собственность" ("Государство это - мы!", стр.41-47).

По Алмазову - это советская власть дала казакам землю!!! А репрессии против всех и вся - нужное дело:

"Сразу после Октябрьской революции в стране оставались

люди, которые при царе жили за счет народа или служили самодержавию: бывшие помещики, капиталисты, жандармы, священники, кулаки, торговцы, хозяева мастерских, трактирщики и другие. Если бы тогда в стране существовало равное избирательное право для всех, то, безусловно, в Советы попали бы люди из "бывших", которые сделали бы всё, чтобы вернуть прежние времена, когда они были господами. Государство - орудие подавления враждебных классов... Сегодня в нашей стране нет не то что целого класса - нет ни одного человека, который бы имел право и жил за счёт наёмного труда. Ребятам в школе приходится долго растолковывать, кто такие были кулаки, дворяне, мещане... Наши ребята с трудом это понимают, потому что ни кулаков, ни дворян, ни мещан, ни купцов давно нет в нашей стране. Нет эксплуататоров" (там же, стр.50-52).

"Нельзя быть святое Папы"? Можно! Борис Александрович и мещан записал в эксплуататоры - портных, сапожников, парикмахеров, дворников... Никто заставить такое писать в 80-х годах не мог. Старался быть замеченным?!

"Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнём... Порохом баррикад Красной Пресни пахнут эти строчки... Невозможно, не обладая душою и горячим сердцем поэта, приниматься за борьбу с трехсотлетней монархией... Мы говорим о Ленине, как о великом мыслителе, о гениальном организаторе, но Ленин был человеком поэтического мышления!" (стр.57-58).

Скажите, малость перестарался в заказном издании? Но вот - о самом себе:

"Но и в моей жизни был момент... Вот замер строй, и, звонко печатая шаг, ты идёшь к знамени части, мимо портретов героев, мимо своих товарищей... Вот ты опускаешься на колени... И в этот момент что-то происходит! Кажется, что знамя горячее, и рука, которая берёт его край, почему-то дрожит... И в эту секунду проносятся перед тобою два года тяжелой службы и кажется: все солдаты, что стоят на наших границах, и все, что были прежде, от тех босых и голодных, остервенело кричавших "Весь мир насилья мы разрушим!", - что шли на проволоку Перекопа, и те, что поднимали знамена над столицами поверженных врагов, все стоят рядом с тобою, и вся страна, и все труженники планет смотрят на тебя! Недаром знамя, под которым дрались... ремесленники Парижа в 1789 году, коммунары в 1871 году, рабочие Петербурга в 1876-м, боевики Москвы в 1905 году, матросы Балтийского и Тихоокеанского флотов, бойцы Февральской и, наконец, Октябрьской революции, было красного цвета. Не случайно, как только народ поднимается на борьбу за свободу и правду, он поднимает над головой красное знамя!" (стр.168-169). Вот с кого для писателя история начинается!..

В автобиографии, которую дал мне Алмазов, нет ничего о воинской службе - и что он "в совершенстве овладел тринадцатью воинскими специальностями и получил несколько военно-спортивных разрядов", и что, "прыгая в чёрную ледяную воду", спасал утопавшего тракториста, и т.п. В армии он не служил, и знамя части целовал разве что во сне. А руки если и дрожали, то от перспективы быть реально призванным на службу. Сам на "проволоку Перекопа" не полез бы, но "босым и голодным" сочувствовал:

"У моего прадедушки и у его брата была одна пара сапог на двоих, поэтому в школу они ходили по очереди... (стр.97) Смело мы в бой пойдём за власть Советов!" - пели босые и голодные пролетарии. Вот она - власть Советов! Советская власть!" (стр.49).

В канун 60-летия Бориса Алмазова с ним беседовали студентки-журналистки. Позабавили выданные им перлы: "Сам Борис Алмазов пожмает плечами: "Удивляюсь, как меня - диссидента 60-80 годов - не посадили..." И тут же: "Награжден 17-ю государственными, военными, общественными наградами и почетными знаками..." Хорош "диссидент"!?

Эту чушь я безжалостно вычеркнул, редактируя в июле 2004 года статью в "Невском зеркале"...

"Дедовщина" Бориса Алмазова

Алмазов ставит себе в заслугу: "Удалось заложить основу новой казачьей идеологии, внедрив в сознание участников первого круга слоган "Слава тебе, Господи, что мы - каза-

ки!"... Должен со всей ответственностью заявить, что эти слова, ставшие знаменем казаков, по крайней мере на 15 лет, не являются старинной казачьей молитвой, а были любимым присловьем моего деда".

Но в памяти под тем же звучным названием (1992 г.) пишет иначе: "Вслед за предками нашими, кричавшими с католических костров, с турецких колов, истекая кровью, под татарскими саблями, умирая в застенках и лагерях, мы повторяем слова главнейшей казачьей молитвы: "Слава Тебе, Господи, что мы - казаки!"

Выдавать свои изобретения за "главнейшие молитвы" - не глумление ли над памятью погибших казаков, в чьи уста он вкладывает их? Если "новая казачья идеология" созируется на заведомой лжи, которую нужно "внедрять в сознание", название ей - одурачивание. Впрочем, не удивлюсь, если, поискав, найду это выражение в литературе. Что Алмазов нередко лжет, известно давно. Напомню одну историю.

Цитируем: "За спекуляцию своими прежними "заслугами", не имея на это права и реальной почвы, нарушение казачьих традиций и обычаев, самовосхваление, ложь, карьеризм, выбор стилиа работы по принципу "разделяй и властвуй", искажение истории казачества в его литературной деятельности, наказать Алмазова Б.А. 10-ю ударами нагайкой, согласно устава и добрых казачьих традиций, и предупредить, что в случае продолжения подобных действий он будет наказан более строго" (протокол Совета старейшин Санкт-Петербургского казачьего округа, 17.11.1994 г.).

Один из подписавших его, Н. Волошинов, писал в "Донских Войсковых Ведомостях":

"При полной неразберихе организационных и кадровых дел в верхах Союза казаков РФ, бывший атаман землячества Невской станицы Алмазов Б.А. более двух лет носит погоны полковника казачьих войск. При этом он "белобилетник", никогда не стоял в строю и перед строем воинов, не держал в руках боевого оружия, а его познания в области военной науки ниже, чем у ефрейтора... Может быть, Алмазов от природы наделен качествами, способствующими становлению казачества, возрождению православия, традиций, молодого поколения? Этого никак сказать нельзя. Правда, в результате учебы в театральном учебном заведении он получил артистические навыки: научился складно гитарить, часто искажая действительность; подать команду в храме "шапки на караул" (!); театрально броситься в ноги лицу высшего духовного сана; выпустить брошюру, путая и искажая действительность и факты истории казачества..."

Письмом на имя мэра Санкт-Петербурга и главы области 12.10.1994 г. атаманы казачьих организаций уведомили, что Б.Алмазов "был изгнан из атаманов и занялся эксплуатацией той известности, которую получил... В настоящее время Б.Алмазов находится вне казачьих обычаев и традиций..."

То же и в отношении происхождения. "Семья происходит из старинного казачьего рода, который упоминается в документах с 1632 года. По линии матери с 1726 года... Мой дед со стороны матери - священник и учитель в станичной школе, а дед со стороны отца - его ученик... После Сталинской конституции 1935 года все ограничения на образование и трудоустройство для лиц непролетарского происхождения формально сняли. Казакам вменили в обязанность носить лампасы (?!!)..." (Б.Алмазов - "Не только музыка к словам...", 2003 г.).

"Выходец из старинного казачьего рода, упоминаемого еще в XVI веке (!!)..." (газета "Славянка", 29.06.2000 г.).

Так кем же был легендарный дед, на чье присловье ссылается писатель? Учителем и пламенным агитатором колленизации, опасавшимся "недобитых" белоказачьих? Или священником, дочь которого репрессировали? Что значит "священник и учитель"? Расстрига? Кто бы иначе пустил его в школу, когда взрывали храмы, а священнослужителей тысячами расстреливали и ссылали...

О каких документах 1632 года или XVI века говорит Алмазов? В Ростовском университете донскими родами занимается В.Н.Королев. В Москве - автор 52-х выпусков "Донских генеалогических сборников" С.В.Корягин. В Санкт-Петербурге - А.А.Шумков, автор "Алфавитного списка Донских дворянских фамилий" и "Алфавитного Донских дворянских родов". "Старинного казачьего рода Алмазовых" они не знают.

А Борис Александрович в личных разговорах уже уверяет, что является "прямым потомком половецких ханов", а

его родословная исчисляется как минимум с XII века. Как та старуха - уж не хочет быть столбовою дворянкой, а хочет быть владычицей морскою!..

Предваряя в 1995 году мою статью "Неизвестное казачество", редакция "Смены" сообщила: "Владимир Новиков - большой знаток казачьей истории: конкретных судеб станиц, хуторов и казачьих родов... На днях ему удалось отыскать документальные сведения о прадеде писателя и атамана Бориса Алмазова..." Информацию эту дал сам Алмазов. Но единственное, что я на самом деле нашел - в хуторе Самойлов Славцевской станицы атаманом в 1916 году был некто Прокофий Алмазов. Прежде чем сообщить об этом Борису, попросил назвать станицы, где могли жить его родственники. Он назвал четыре - Славцевской среди них и близко не было. Зато уже через пару дней целую поэму в прозе рассказывал о своем расстрелянном чекистами прадедушке - хуторском атамане!..

Вне политики?..

Соотнесем два его высказывания: "На Первом кругу удалось избавиться от коммунистического крыла, возглавляемого Лосевым, и либерально-демократического, декларируемого Кокунько", - и тут же, через пять строк в тексте: "В полном убеждении, в каком я пребываю и сегодня, в том, что только реставрация религиозно-нравственного этнического самосознания казаков, возрождения национальной культуры и мировоззрения, может в какой-то мере сплотить остатки нашего истребленного народа, а не политическая борьба и не попытка занять какую-либо нишу в социальной структуре государства, я вернулся с Круга".

Вряд ли это запоздалые извинения перед упомянутыми Лосевым или Кокунько, раз радуется, что удалось от них "избавиться". Но ведь это и есть политическая борьба? Устроил чистку, затем про Бога вспомнил...

А раньше свои убеждения Алмазов не скрывал. Вот выдержки из его интервью газете "Пограничник": "Говорят "казаки - реакционеры". А между тем, первым в России пропандистом марксизма стал кубанский казак Михаил Бруснев... "Казаки - душители революции". У истоков революции в 1917 году стал донец Макар Филатов, который на Знаменской площади в Петрограде решительно сорвал попытку жандармского пристава учинить расстрел рабочих..."

Газета "Невское время" 5.12.1991 г. сообщала: "Председатель Контрольной комиссии Горсовета Александр Степанов, потомственный донской казак, присутствовавший на последнем казачьем кругу Невской станицы, сообщил, что 2/3 питерских казаков являются коммунистами. Есаул из Новочеркасска, приехавший на Круг, заявил, что Дон не признает Алмазова атаманом питерских казаков".

"Либо дурак, либо незнамо где деланный..."

"Казачье возрождение", грезившееся Алмазову, не состоялось - и лучше пожелать нельзя! Казачество периода Российской Империи его не устраивает: "холопы", "военные рабы", "ниже крепостных"...

"Если мы поднимем документы XVIII века и посмотрим, как казаки служили, то увидим, что более жалких существ в стране не было" ("Смена", 4.11.1995 г.). Это об Иване Федоре Краснощековых, Федоре и Адриане Денисовых, о Матвее Платове и тысячах их сподвижников? О каком тогда "возрождении" он еще говорит?..

"В раннее время казакам ничего, акромья службы и землепашества, не позволялось. Так что, ежели кто станет брехать про казачью волю, - либо дурак, либо незнамо где деланный. Тольки не у нас!.. У нас в станице любой и каждый скажет: кака там воля! Жили хуже мужиков!.. Хуже каторжных, пра!" (Б.Алмазов - "Кто ты есть прежде всего?", Казачьи сказки, 1996 г.).

Служба и землепашество, понятное дело, Алмазову - адские муки! А вот на памятнике на парижском кладбище Сент-Женевьев де Буа выбито: "Казакам - сынам славы и воли!"

В РГИА хранится обширный фонд князя Александра Михайловича Дондукова-Корсакова. Этот государственный деятель управлял в различные годы обширными регионами Империи, был наказным атаманом Кавказских Казачьих Войск, командовал крупными воинскими соединениями. В центре Софии и сейчас один из бульваров носит его имя. Был героем Кавказской войны, награжден золотым оружием за храбрость и орденом Св. Георгия 4-й степени. Носил он и высокое звание донского казака - был

принят в Цимлянское станичное общество.

В 1859 году генерала Дондукова-Корсакова назначили начальником штаба Войска Донского. Россия стояла на пороге больших перемен. Не мог остаться безучастным к происходящему и он, адресовав военному министру 3 декабря 1861 года "Записку о войске Донском" - 57 страниц рукописного текста. Прочитав отрывок:

"Как гражданин, каждый простой казак считает себя с некоторым основанием несравненно выше всех прочих податных сословий России. Выборное начало и другие либеральные права, составляющие основу казачества на Дону, развили в нем чувство личного достоинства и самостоятельности. Любознательность и жажда образования, свойственные донским казакам, вместе с родом службы от берегов Аракса до северных границ Финляндии, пребывание полков в Бессарабии и Польше ознакомили сословие это с другими элементами жизни и, несомненно, способствовали к развитию понятий, которых далеко чужда общая масса населения России.

Сравнительное материальное благосостояние казака против крестьян в России дает этому сословию также основание себя в этом отношении выше последних. Общепринятое у простых казаков название "москаль" и "хохол", для именованья жителей российских губерний и Малороссии, суть выражения, хотя и не враждебные, но далеко не дружеские...

...Выборное начало составляет одно из существенных правил Войска Донского, которым масса сословия преимущественно дорожит. Простой казак гордится своим правом голоса на станичных выборах и сборах наравне с прежним своим командиром полка, офицерами, генералами, если они граждане одной с ним станицы".

В отличие от Алмазова, у князя все в порядке - и с происхождением, и с образованием, и с жизненным опытом. Но он совсем иных взглядов на современное ему положение казачества! Хотя, с другой стороны, говоря о "незнамо где деланных людях", Борис Александрович все же излишне самокритичен...

Игры в дочки-матери

Что еще хочется "внедрить в сознание" окружающих? В выступлении прозвучало: "Казаков не может быть больше, чем их родили матери-казачки".

Каковы же критерии отбора "матерей-казачек"? По этническому признаку? Командир лейб-гвардии Казачьего полка генерал Иван Иванович Краснов был женат на дочери генерала фон Гантвиха - Александре Карловне. Их сын, генерал Николай Краснов, был женат на Феодосии Ильиничне, урожденной Гавриловой, русской петербурженке. Их, в свою очередь, сын - атаман Войска Донского генерал от кавалерии Петр Краснов - по крови хорошо, если на четверть донской казак. И сам, кстати, был женат на немецке, урожденной Бакмансон. Так казак он или нет? Кто бы сомневался - разве что Алмазов...

Венчанная жена казака, кем бы ни была по рождению, считалась казачкой. Гражданско-правовые отношения и родство духовное преобладали над родством кровным.

Кстати, внук Семена Ивановича Краснова (брата упомянутого Ивана) - генерал Семен Николаевич Краснов - был казнен вместе со своим троюродным братом Петром Николаевичем в 1947 году, а правнук - бригадный генерал чилийской армии Мигель Краснов-Марченко - сейчас в чилийской тюрьме. Не обошел в своем творчестве события в Чили и Алмазов, посвятив им главу в книге "Государство - это мы!": "Армия Чили... осталась такой же, как и при антинародном правительстве. Она не была армией народа. Не говоря уже о том, что многие офицеры были подкуплены иностранной разведкой" (стр. 89). Ход мыслей автора не блещет оригинальностью: со времен генерального комиссара Госбезопасности Ежова формула "агент иностранной разведки" тиражировалась в нашей стране многократно. Алмазов её экспортировал в Чили.

Но - вернемся к теме. Говорить об этнической замкнутости казаков - полное незнание истории. Против себя же обернется! Алмазов пишет: "Самого отца никогда не видел... Когда мама по старинному казачьему обычаю, протянула ему ребенка, чтобы он трижды поднес меня к иконе со словами "мой сын, мой род, моя кровь", что считалось официальным признанием отцовства, даже если в семье родился негр, он вдруг отшатнулся с криком: "Погодите!"... обряд не удался, и я вырос, помня слова бабушки о том, что отец не смог взять меня на руки..." ("Не только музыка к словам").

Мать, напомним - дочь священника, чего-то пряталась по буеракам от недобитых казаков. И так, по словному признаку к казачеству Борис не относился. Зато теперь - первойший казак!..

Тенденции к замкнутости - сословной! - среди казаков были, и порою сильные. Вот что пишет Дондуков-Корсаков: "Описанная мною особенность в этом отношении Войска Донского не встречается в близко известном мне Линейном казачьем Войске. Сие последнее постоянно формируется из разнородных источников. Ежегодно в ряды оно поступает: донские казаки, переселенцы из Малороссии, крестьяне Ставропольской губернии, женатые нижние чины регулярных войск и прочие..."

Можно сказать, что идет процесс образования казачьего сословия, до некоторой степени тот самый, который еще до царя Алексея Михайловича производился на Дону. Мера приписки посторонних лиц к казачьему сословию, столь обыкновенная и полезная на Кавказе, будет встречена на Дону с совершенно другим взглядом и чувством".

Если бы казачество не пополнилось активно извне, то давно исчезло бы - при том образе жизни, что вело столетиями.

"Дать по ребрам сапогами дробью, да по морде ему"

На конференции Алмазов заявил, что оставил пост атамана Невской станицы после "покушения" на его жизнь в конце 1991 года. Возможно, речь о том, как один казак прилюдно наградил его полновесной пощечиной, или о возможной порке: Алмазов безумно переживал по этому поводу. Появилось даже инициированное им коллективное письмо мэру города с требованием оградить его от расправы за литературную деятельность.

На всякий случай сочинил он и очередную сказку - лиц старше 50 лет пороть - де нельзя. На самом деле никого нельзя - ещё Александр II телесные наказания отменил. Но Алмазов против того лишь, чтоб его самого драли - против порки других отнюдь не возражает. В его книгах казаков бьют все, кому не лень. "Схватили казака, растянули на козлах, стали пороть... Допороли до бесчестности..." - это о службе в гвардейских полках в Петербурге! ("Смерть казака Игната", Казачьи сказки).

Пишет он и о своей детской мечте: "Так грезилось мне, как отец мой придет!.. В мохнатой папахе! Во главе эскадрона! На белом коне! И окружит его эскадрон городок. Станет тихо и страшно - окончится смех... - Кого за обиды накажем, сынок? И я бы ответил: - Руби их всех! Как я его ждал. Он мне снился ночами. Без этой мечты я бы детства не вынес..." ("Не только к музыке слова...").

Такие вот грезы - о массовой казни переживших блокаду жен, матерей, сестер, невест и дочерей фронтовиков, большая часть которых не вернулась с войны, детей блокадного Ленинграда. И что за зондеркоманда должна была совершить её? Казаки?..

"Я участвую в национально-освободительной борьбе, как писатель, потому что пишу русские книги, я борюсь словом, - пишет Алмазов. - Нам внушили, что наши предки - славяне. А на деле у двух третей русских корни не славянские - татары, половцы, немцы..." ("Мы - казачьего рода").

О женщинах-казачках

На открытии Казачьей художественной выставки 3 мая 2005 года Алмазов обрушился на одну из святынь казачества - память о бравших оружие в руки женщинах-казачках. Это-де тяжкий грех. Опять роль Господа примеряет, что грешно, что праведно, устанавливает.

Казаки же всегда гордились, что пятая часть защитников Азова во время знаменитого Сидения в 1637-41 гг. были казачки, сражавшиеся наравне с мужчинами. Летом 1737 года донские казачки вместе с малолетними сыновьями, когда все мужчины воевали с турками и крымскими татарами в Крыму и под Очаковым, отбили нападение кубанских татар на пять донских станиц - от Романовской до Быстрянской.

А героическая оборона Науруской на Тереке 10-11 июня 1774 года? День памяти святых апостолов Варфоломея и Варнавы - 11 июня - в Моздокском полку назывался "бабьим праздником". Пишет атаман М.А. Караулов ("Герское казачество в прошлом и настоящем"): "Оборона Наура была первым случаем, когда от кавказской женщины понадобилась серьёзная и опасная боевая служба. Впоследствии она уже не расставалась с нею и даже сроднилась, как с чем-то неизбежным, среди суровой обстановки порубежного быта.

Моздокские казачки не пугались ни свиста вражеских пуль, ни стрел, ни дикого рева и гика нападающих неприятелей..."

В мае 1918 года казачки Мигулинской станицы на Дону вместе со стариками, не вынеся издевательств от красноармейцев, частью уничтожили, частью пленили 76-й Ставропольский полк. А 8 мая напали на 5-й Заамурский полк (где комиссарил некто Алмазов!), но были отбиты...

Отсутствие уважения к женщинам вообще характерно для Алмазова. Его интервью газете "Час пик" (25.05.1992 г.) представлял анонс: "Атаман Алмазов гордится тем, что старушка целовала ему лампасы". Сильно сомневаюсь в существовании такой старушки - но, если тронутая умом и нашлась, то лучше бы о том молчать.

Вспоминаю свою покойную маму: увидев Алмазова по телевизору, она очень удивилась: "И фамилии такой у казаков не знаю, а уж рожи и подавно такой не видала..."

"Вот он - молот, вот он - серп..."

Расказачивание, по Алмазову, пошло с Петра I. Допустим. Чего ж тогда ты - страстный поборник допетровских прав - ошиваешься возле усыпальницы Романовых в Петропавловском соборе?

Опять цитирую: "С годами менялся и рисунок самого орла, всё хищнее разевались его клювы, всё сильнее втягивались когти в державу. Но вот рухнуло самодержавие. Царя больше не стало, но власть в стране захватило Временное правительство - Керенский и "министры-капиталисты", как метко называли их в народе. И вот удивительное дело: герб стал свидетельством того, что по сути дела Временное правительство старалось проводить политику царизма (правда, без царя). Гербом остался двуглавый орёл. Изрядно оципаннный: без короны, без державы и скипетра, но всё равно - хищный и злой!..." (в самый бы раз в Грузию или Латвию - там на такие откровения большой спрос).

Ну, а идеал? "Наш нынешний герб: земной шар, над которым сияет пятиконечная звезда, в лучах солнца и в обрамлении колосьев. Это вечный мир, изобилие и счастье для всех живущих на земле. А изображение серпа и

молота расшифровывать не нужно - это символы труда" ("Государство - это мы!").

Писалось это, когда полки в магазинах были почти пусты, а изобилие было уделом узкого круга партноменклатуры и её холоуёв, когда популярна была частушка: "Вот он - молот, вот он - серп, это наш советский герб. Хочешь - сей, а хочешь - куй, всё равно получишь!..."

Алмазов обижен на президента: "Президенту Российской Федерации Владимиру Владимировичу Путину меня никто не представлял. С Владимиром Владимировичем, когда он работал в Смольном, я, по старой памяти, встречался. А вот с Володей Путиным состоял в очень хороших отношениях - вместе занимались дзюдо" ("Охваченные членством").

Да - при встрече с вице-мэром Санкт-Петербурга В.Путиным тот обращался к Алмазову запросто: "Борис!" Но вот с 60-летием "великого" писателя не поздравил, правительственной награды не удостоил - посчитал, видимо, что хватит и тех 17-ти наград, что тот сам на себя навешал.

А еще ходят упорные слухи, что Борис Александрович информировал соответствующие органы о разговорах молодого дзюдоиста. Говорит, не знал тогда, где служил Володя, да и знал его под фамилией "Платов". Сам по себе этот факт не удивляет: в союзе писателей, известно, "стучали" многие...

Выступление на конференции Алмазов завершил фразой из римского наследия. Что ж, обращайся и я за помощью к древним: "Платон, ты - друг, но истина дороже!"

В. Новиков

PS: Как-то Алмазов написал: "Повсюду в казачьих организациях - горлопаны, дураки и не казаки". Или (в послесловии к своей книге "Дорога на Стамбул") - о современных казаках: "Разнообразные дураки с лампасами шире штанов..., маргиналы в зависимости алюминиевых крестов и полковничьих погонах, не имевшие по происхождению никакого отношения к казачеству, в конце концов, угробившие казачье возрождение". Сдается, сказанное имеет отношение и к нему самому...

Развенчание мифов

Роман М.Шолохова "Тихий Дон" со времени первой публикации оброс кучей многочисленных диссертаций, слухов, домыслов и мифов. Но вот в наше время наконец-то нашелся человек, прочитавший этот роман открытыми и честными глазами, не зашоренными советской пропагандой. Более того, этот человек, к нашему счастью, оказался наделен одновременно и недюжинным литературным талантом, и даром исследователя-ученого - и поэту блестяще рассказал о своих открытиях, полно и убедительно доказав в своих книгах антиказачью сущность всего творчества Шолохова. Речь идет о нашем давнем авторе - Сергее Корягине и двух его последних книгах из серии "Генеалогия и семейная история Донского казачества" - "Миражи Тихого Дона" (вып. 47, 2004 г.) и "Шолохов, Крюков или...?" (2005 г.). С фрагментами первой из них мы уже знакомили читателей (см. "Станица", № 42, июль 2004 г.).

Так сложилось, что большинство критиков Шолохова (или, как их называет С.Корягин, антишолоховеды) озабочены установлением авторства "Тихого Дона" - т.е. по сути интересуются лишь формой, не обращая внимания на его содержание. Точнее сказать так: содержание романа для них всех вне подозрений, ибо признается только гениальным! Такое "научное направление" С.Корягин справедливо называет бессмысленным.

Забегая вперед: все-таки некоторые выводы С.К. на этом "направлении" имеют важное значение.

Первое, он окончательно доказал, что великий казачий писатель Ф.Д.Крюков не повинен в написании этого "шедевра", поскольку "это был человек, горячо любивший Донское казачество, и написать какую-либо значительную часть романа, источающего к этому казачеству столь явно выраженную неприязнь, он не мог ни под каким видом. В общем, 30-ти летнего периода (с 1974 года), в течение которого имели место эти гнусные инсинуации (т.е. об авторстве романа - В.Ш.), оказалось вполне достаточно, чтобы понять их полную необоснованность.

Ввиду того, что все это время бедный Ф.Д., вероятно, систематически переворачивался в гробу от возмущения, хочу категорически заявить: спите спокойно, дорогой Федор Дмит-

риевич! Опасность миновала. Вряд ли в дальнейшем появятся желающие ославить Вас до такой степени". От себя замечу: для того, чтобы не появились такие желающие, надо бы издавать эти книги более большим тиражом, чем теперь.

Второе, сочетание "Шолохов + Серафимович" многое в этой истории объясняет (но об этом ниже).

В отличие от почти всех критиков, С.К. исследует именно содержание романа - соотношение его с той реальностью, о которой он якобы повествует, политическую и идеологическую направленность этого нобелевского "шедевра".

Для сравнения содержания романа с реальной жизнью донского казачества начала XX века С.К. использует документы и воспоминания той эпохи. И эта часть его труда представляет особую самоценность, независимую от обсуждения романа, ибо историческими документами автор воссоздает для нынешних потомков казаков те самые казачьи обычаи и традиции, о которых они мало что знают и понимают.

Книги С.К. написаны так, что их надо читать всё и подряд, не надеясь на общие выводы. Текст построен так: даются наиболее красноречивые и одиозные фрагменты из романа, из работ Серафимовича, или из диссертаций историков Алпатова-Венкова и К⁰, а к ним короткие, но убийственные комментарии. Читатель оказывается в роли исследователя и сам делает свои выводы.

Исследование построено по тематическому принципу: глава о 1-й Мировой войне, о мирной жизни, о революции, о гражданской войне. В каждой из глав выявлены вопиющие несоответствия шолоховских описаний исторических событий, лиц и их поступков с реальностью.

Если бы в романе действовали только вымышленные персонажи (скажем, Григорий и Аксинья), то претензий к нему было бы не так много. Но здесь описаны реальные исторические личности - Крючков, Каледин, Чернецов, Голубов, Подтелков и т.д., - то в этом случае претензий к автору возникает слишком много. Так, первый донской Георгиевский кавалер Козьма Крючков в романе представлен вовсе не боевым казаком, а штабным прихвостнем, получившим свои кресты не в боях, а "три креста навесили за то, что при штабе огинается". Кроме того, он еще и повинен в дедов-

щине: издевался над молодыми казаками. Точно так же искажаются личности Каледина, Чернецова и др. офицеров и казаков только потому, что и были противниками советской власти. Зато Подтелкова и ему подобных "товарищей" автор романа наделяет всеми мыслимыми добродетелями. Особенно достается казачьему офицерству.

"В одной из статей, посвященной *"Поднятой целине"*, А.И. Солженицын очень убедительно показывает, что это - сплошные агитки, полностью отвечающие тому, как бы хотела видеть советская власть описание процесса коллективизации. Ну, с этим я полностью согласен, - пишет С.К. - *Вопрос в другом: а первые два тома "Тихого Дона" разве не являются сплошными агитками? Я бы даже высказался более определенно - "агитка на агитке и агиткой погоняет". Предложенная схема описания царской армии - своего рода "классика", которую брали за основу последующие поколения советских писателей: сволочи офицеры, холуи вахмистры и урядники, дедовщина и издевательства, преступления в мирное и военное время..."*

Казалось бы, Шолохов отделяет т.н. "трудовое казачество" от эксплуататоров и как бы защищает его. Но картины мирной жизни "трудовых казаков" в романе наполнены половой распущенностью, битьем женщин, снохачеством и т.п. мерзостями. "Автор романа проецирует семейные взаимоотношения, сложившиеся после революции (и тем более после гражданской войны), т.е. полный "беспредел", на дореволюционное время, когда существовали давно сложившиеся и, кстати, очень жесткие правила, регламентирующие брак и семью. Ну, как серьезно все это воспринимать и, тем более характеризовать в качестве очень точного описания жизненных ситуаций" - справедливо указывает С.К.

Идеологическое содержание романа преследует цель опорочить офицерство, белое движение, монархию и в целом казачество и одновременно возвеличить большевиков, рабочих и якобы "трудовое казачество". И вот на это важнейшее свойство романа почему-то мало обращал внимание даже А.И. Солженицын. Между тем, это - самое главное в романе, именно за это автор был облакан советской властью, ему, многолетнему члену ЦК, достались самые высокие советские почести.

Такое содержание выстроить ему помог уже многоопытный писатель, донской казак по происхождению А.С. Серафимович (Попов). Факт писательского сотрудничества подтверждают многие исследователи. Так, А. Венков пишет: *"А.С. Серафимович правил сведенные в одну рукопись произведения (видимо незаконченные) нескольких авторов и, возможно, добавил (к "Тихому Дону" - В.Ш.) от себя некоторые образы и несколько глав, касающихся революционных событий"*. Напомним, что у Попова, члена партии большевиков с 1918 года, в 1924 году уже вышел "Железный поток" - по оценке советской критики, *"вершина творчества писателя"*. Далее у Венкова: *"То, что в романе использованы законченные или незаконченные работы разных людей, соавторов, не удивительно. А.С. Серафимович, судя по всему, правил и тех, и других, и третьих и обеспечивал первые шесть частей романа одним стилем, одними приемами и изображениями"*. Добавим: одной идеологией, а именно - большевицкой! Сам Серафимович в конце 30-х годов в очерке "Михаил Шолохов" писал: *"партия и комсомол (читай: в лице А.С. - В.Ш.) вытравливали его мысль, революционно зажгли его сердце..."*

В книге "Шолохов, Крюков или...?" С.К., детально проанализировав творчество Серафимовича, сделал вывод: *"Непрятие всего казачьего и даже ненависть к нему, очевидны. Это тем более удивительно, поскольку носителем*

такого рода отношения является казак по происхождению, и, более того, выходец из офицерской семьи". Добавлю: совсем не удивительно, что советские казаки из "Союза казаков" прославляют этого антиказака в энциклопедии "Казачество" (2003 г.) и в книге "Казачья сотня".

Книги С. Корягина, конечно же, обращены к нынешним потомкам казаков, к их бездумному почитанию этих антиказачьих писателей и их продолжателей. И тут самое время подумать о феномене менталитета нынешних казачьих потомков. Удивительно, но некоторые из них открыто ненавидят все казачье!

Я знаю таких пожилых казачьих потомков - но их как-то еще можно понять (не оправдать!) - воспитывались в 20-30 годы в условиях тотальной советской пропаганды, целью которой было выжечь из сознания (особенно детей) все положительное, что было до 1917 года: монархия, церковь, казачество и т.д. Само слово "казак" было просто ругательным. Но как понять таких, как Попов-Серафимович? Родился он (только подумать!) в 1863 году в семье потомственных казаков. С.К., помещая биографию Попова, заметил, что "мальчик рос во вполне благополучной семье". И дальше - впечатляющий список его предков: отец - есаул, мать - дочь есаула, дед по отцу - сотник, по матери - есаул...

Однако вернемся к странности менталитета наших казачьих потомков. Зададимся вопросом: почему же так трепетно почитается явно советско-большевицкий писатель, к тому же не любящий казачество? Думается, возможны три варианта ответа:

1. Не читают, но почитают, посмотрев известный фильм (это самое простое объяснение);
2. Читают, но не обращают внимания на содержание романа, по инерции из многолетнего советского почитания;
3. Читают и почитают именно потому, что сами стоят на тех же политических и идеологических позициях, на которых Шолохов и Серафимович создавали "Тихий Дон".

Третье объяснение странному феномену мне кажется самым реальным. А многочисленные доказательства ему как раз и привел в своих книгах С.К. Нынешних казаков-историков никак не упрекнешь в том, что они не читали Шолохова и Серафимовича, или в том, что они поддались массовому гипнозу советской пропаганды. Значит, они разделяют антиказачью позицию этих писателей. Правда, у Шолохова и Попова была в ходу хитрая уловка: они, мол, за "трудовое казачество" - против богате-ев, генералов, офицеров и т.п. А как же у нынешних? Сами все в генеральских да полковничьих чинах!..

В заключение - несколько слов о названии первой книги, о которой мы в основном говорили здесь - "Миражи Тихого Дона". Мираж - это все-таки по-русски "марев", лишь оптическая кажимость, не более. А роман и его сюжеты - это реальность, со всей его мифологией и клеветой на казачество и историческую Россию. Поэтому более точно бы назвать эту книгу так примерно: "Мифы или клевета Тихого Дона".

Вторая книга, "Шолохов, Крюков или...?", заслуживает отдельного разговора - в ней автор вышел за рамки собственно содержания романа, обратившись к более широкой теме, которую условно можно обозначить как "история, историки и реальность". Или, как назвал сам автор один из разделов книги - "В краю непуганых историков". Но об этом мы намерены поговорить в следующий раз.

В. Ш.

Книги С. Корягина (в том числе и остальные выпуски серии "Генеалогия и семейная история Донского казачества") можно заказать в редакции. Рассылка - наложенным платежом.

Будут ли переизданы "Казачьи сказки"?

В далеком уже 1992 году Волгоградское книжное издательство выпустило маленькую книжицу в зеленой обложке - "Казачьи сказки" (составитель В.В. Когитин). Как часто бывает в казачестве, под дешевой обложкой, за простецким оформлением - бездна мудрости и очарования. Сама душа казачья! Одни из сказок - чисто волшебные, другие - скорее бывальщины, но быть и небыль, волшебство и бытовые подробности в оранжировке вкусного, сочного и уже почти ушедшего языка завораживают. Каждая - на свой лад, а вместе - как жемчужины на нитке, и все - о том родном и суровом, часто совсем не сладком, но все равно томительно прекрасном, невозвратном житье-бы-

тье, что стремительно удаляется от нас.

Разлетелась когитинская книжка, осела на полках... Давно бы пора переиздать ее, дабы новое поколение казачат, окунувшись в стихию верхнедонского говора, почувствовало влияние этого могучего средства по выработке казачьего самосознания. Да все что-то мешает.

Пытался это сделать президент фонда "Казачья школа" Л. Филькин - с сыном Ярославом сделал новый макет книги, добавив еще нескольких сказок, рассказал о своей работе в "Станице". Но денег на издание найти так и не смог. Зато повстречал автора этих строк, также "больного" этой же идеей. Да и кто не заболит ею, раз прочтя такое! В ре-

зультате удалось было нам пристроить макет в издательство "Андреевский флаг", подключив к иллюстрированию замечательного художника С. Гавриляченко. Сергей Александрович посчитал за честь выполнить заказ бесплатно.

Издательство думало выпустить "Казачьи сказки" в разных вариантах, в том числе и подарочном, с кожаными переплетом. Но книга так и не вышла - несмотря на уже выполненные заново набор и макет. Говорят, виной всему шторма рыночной экономики...

Последний разговор с главным редактором издательства был сугубо деловым. Издательство не благотворительная организация. "Сказки" хороши, но... новая жизнь отучает людей от чтения, заставляет становиться прижимистыми на покупку книг. Абы какую читатель уже не купит - надо, чтобы ему ну о-очень захотелось! Мы надеемся на успех этого замысла, но... - где гарантии?

Короче говоря, нужен инвестор, а если уж не средства, то хотя бы портфель заказов. Чтобы издательство, отпечатав 3 тысячи экземпляров книг и выложив на это 60 тыс. руб., имело гарантийные письма от атаманов и кадетских корпусов штук на 1000 (или мешок писем потенциальных покупателей). Можно было бы выпустить книжку на паях.

Если печатать покетбук (карманный формат), в плотном бумажном переплете, с качественной проклейкой - при отправке наложенным платежом цена книжки будет

порядка 70 руб. Это, к сожалению, без иллюстраций - они резко удорожат издание (при наличии крупного заказа возможна цветная вклейка).

Итак, казаки, рядовые и сановитые, дерзайте. Доставьте радость себе и детишкам! Особо обращаюсь к директорам школ и кадетских корпусов, а теперь и детских садов с казачьим этнокультурным компонентом. В ваших программах не может не быть казачьих сказок! Они должны стоять в одном ряду с "Тарасом Бульбой", толстовскими "Казаками", лирикой Тургенева и "Родимым краем" Крюкова, первыми после лермонтовской "Казачьей колыбельной" - чтобы нашему роду и вправду не было переводу, хотя бы в душах.

последний Антонов

PS: Хорошо известно, как много темных сил порой крутятся вокруг благих начинаний... Только что нам стало известно, что издательство "Андреевский флаг" решил повторно отказаться от печатания казачьих сказок. Вроде бы по причине, что вообще издательской деятельностью они решили не заниматься.

Приходится теперь вести новые переговоры. Обещания уже кое-какие есть - но сколько мы их слышали уже, обещаний этих!.. Так что будем собирать заявки пока в редакции "Станицы", а там уж пустим в дело.

Пока же предлагаем вниманию читателей одну из сказок этого сборника.

К а з а к Ч и г и н

Дело было на Кавказе. Еще в ту турецкую войну. Менял полк позицию и попал в гибельные места. Где свои, где чужие, даже сам полковник Веревкин понять не может. Кончился фураж и провиант. Долина голая, камень да песок. В горах неприятель засел, постреливает. Охотники за провизией сгнули. Ни слуху, ни духу о них, у казаков последние сухарики давно подобрались. Палатки ветер полощет, от зноя плохая защита.

Вызывает полковник Веревкин к себе в палатку казака Чигина.

- Вот, - говорит, - братец, послал я охотников за провизией к неприятелю, а курьера - к своим, и ни слуху от них, ни духу. Одна надежда на тебя осталась.

Чигин отвечает: - Можете не сумлеваться, ваше скорое, что надо, сделаем.

- Бросать с языка, а не с сундука, - говорит полковник.

- У каждого человека своя перегородка, - отвечает казак.

Покрутил полковник головой: не лобы ему казачьи речи.

- Не зарывайся, - говорит.

- Смелство кандалы трет, смелство мед пьет, - отвечает Чигин.

- Коли эвдак, - говорит полковник, - не мешкай немало, отправляйся в путь.

Оседлал Чигин своего маштака и отправился в путь. Едет, едет, солнце в зените. От такой жары, кажись, камни полопаются. Набрал Чигин по склонам гор травинки, в рот засунул, пожевал, чтобы жажду сбить. Пососал. Да где там. Кушать захотел так, что - подвело живот к ретивому сердцу. Крути пошли перед глазами. Вдруг видит, всадник вдаль объявился. Никак турок! Иль помнилось? Точно, всадник.

Чигин своего маштака в шенкеля к нему направил: куда кривая выведет. Всадник завидел погоню - и деру. Чигин за ним. Поотстал. "Ничего, - думает, - казачий конь на даль берет. Все одно, не уйдешь". Вдруг тень занялась ужасенная. Тут око треск начался, вихорь песок поднялся до небес. Потом все враз прошло. Солнышко - засветило, небо очистилось. Облегчение. Крутит, вертит головой Чигин: нет всадника. Ушел, знать. Речка журчит. По камешкам-песочкам воды свои перекачивает. Вода тока мутная, коричневым цветом отливает. Пить хочется невмоготу, "Ну, думает Чигин, - если конь будет эту воду пить, то и я напьюсь досыта".

И направил коня к реке. Зашел конь в воду. На колени передними ногами упал. Хлебнет глоток да почавкает. Хлебнет да почавкает. "Ета чо-нибуде неспросту, - думает Чигин, - я и сам поотведаю". Хватъ глоток - сладка водича. Хватъ другой - сладка. Ба! Да это ж чай внакладку. Прибодрился Чигин. Нахлебался чаю. Душой повеселел. Конь шибче по берегу пошел.

Смотрит Чигин, у коня вроде как странное поведение

началось. Идет конь, потом - хватъ песок, похрумтит, "Никак песком кормится", - дивится Чигин. А конь песок хватъ да хватъ. И хрумтят. "Э-э! Братец ты мой, - думает Чигин, - и это недаром". Слез с коня. Лизнул песочку немного. А это не песок. Сахар, вот что. Начал тут Чигин собирать кусочки. Пропастъ сколько собрал: полны халаяы и полну запазуху.

Тронулся Чигин дале вдоль реки. Сахарком балуется, песенки попевает. Совсем на душе хорошо. Что за страна расчудесная такая, Капказ. Про всадника незнакомо-го и думать забыл.

Смотрит, вроде как овцы пасутся. Большое стадо. Кто пасет? Никого. Ан люди-то все одно должны быть. Огляделся Чигин, с седла привстал. Дом заприметил вдалеке. Подъехал ближе.

Дальше пешки пошел. Крадучись. Видит, дом большой. О двух этажах. А около двери собака лежит. Развалилась. Дремет. Здоровущая. Стрась. "Собака - это не задача, - думает Чигин, - вот в доме том кто?"

Подкрался Чигин к собаке с подветренной стороны. Разом ухватил ее за хвост, крутанул по воздуху вокруг себя три раза и бросил. Собака после такого надругательства, поджав хвост, дала тягу, даже не твякнула.

Толкнул Чигин дверь. Открыто. Заходи, пожалуйста. Прошел Чигин первый этаж. Ни души. Поднялся на второй. Мать честная! Туркения висит, к потолку за волосы привязанная. Висит и молчит. Тока смотрит жалостно. Вот порода! Терпеливая.

- А вот я, - говорит Чигин, - подожди малешенько.

Шашку вострую вытащил. Сомлела туркения. Лицо помертвело.

Чигин шашечкой раз - и оттяпал полкосы. Туркения прямо таки на пол и повалилась. Бросил Чигин шашечку. Подхватил туркению. Успел заметить - красовитая.

Уложил ее на кровать. По щечке персиковой потрепал. Очнулась туркения. Смотрит перепутанно, тока не на Чигина, а через егоное плечо.

Оглянулся казак. Мать честная! Перед ним турка стоит. Зубы скалит. Шашечкой Чигиновой поигрывает. Здоровущий, что гора. И на один глаз кривой. "Никак наездник тот, - подумал Чигин: - и дома хозяин". Схватил изза пазухи сахара кусок, что побольше, и как жишул турку в здоровый глаз. Турка - брык, и развалился на полу, что тебе медведь какой.

Поглядел на него Чигин. А турка-то смазглявенький оказался: вся сила в жир ушла. И говорит:

- Разрисовал бы я узорами твою толстую рожу, да ладно уж, недосуг мне.

Скрутил ему Чигин руки, взвалил на себя, отнес в чулан, замок запер, ключ себе в карман положил. Вернулся. А туркения уж хлопчет, на стол собирает: и вино, и лепешки, и фрукты разные. Выпил Чигин, перекусил. От туркени

глаз не спускает. Аккуратка. Подзывает ее к себе. Притиснул. Дух у нее заняло. Подалась она и притихла.

- Слушай, - говорит Чигин, - и принимай к сердцу. Поедем со мной в родимые места, женой мне будешь. Согласная?

Туркенья головой кивает. Радостно.

- Ты правильно решила, - говорит казак. - На кой тебе этот супостат кривой нужон?

Встал Чигин из-за стола. Поблагодарил хозяйку. Из дома вышел. Свистнул своего маштака. Прибежал тот на зов. Ласкает его Чигин. А как по-другому? Конь после Бога другой защитник казаку. Отвел Чигин его в конюшню, накормил, напоил, вычистил.

- Отдыхай перед дальней дорогой, друг ты мой дорогой. Скоро - скоро в обратный путь.

Заходит Чигин в дом, смотрит, а туркенья около двери в чулан стоит и о чем-то со своим муженьком шушукается.

- О чем гутарите? - спрашивает Чигин.

Вздрыгнула туркенья, испугалась, знаки кажет: так, мол, про меж собой. Не понравилось это Чигину, но виду не подал, говорит:

- Собираться в путь-дорогу пора, али передумала?

Туркенья головой кивает, улыбается, счастливая. Берет Чигина за руку и в спальню ведет, отдохни, мол, перед дорогой, пока я свою причиндалию соберу.

- Ну что ж, соглашается Чигин, - это тоже дело.

Сел на постелью, туркенья воды принесла, сапоги сняла с Чигина, ноги ему помыла - тронула сердце. Рубашку мужнюю чистую принесла, переменя, мол.

- Да ты чо, - замахал руками Чигин, - я ж в ней утону.

Твой-то хряк раза в три болеле меня будет.

Расстроилась туркенья. Слезы навернулись.

- Ладно, - говорит Чигин, - будь по-твоему.

Взял рубашку. А туркенья машет, мол, иди, а я тут передохну маленько. Повертел - рубашку, повертел и бросил у постели. Что-то душа не лежала к этой одежке. Прикорнул

казак на подушке и задремал.

Сквозь сон чувствует, душит его кто-то. Да так крепко горло обхватило, что в пору конец. Глаза открыл Чигин. А это рубашка окаянная, рукавами вокруг шеи обвилась. Напрягся Чигин, рубашку отдрать не может, словно она из жести сшитая. Кое-как сел на постели, круги перед глазами, до шашки не дотянуться. Вспомнил Чигин про отцовский ножик, что в кармане носил. Мигом вытащил и полоснул ту рубашку. Из чулана вопль донесся, потом звук такой раздался, словно кто доской об воду хватил или об грязь. Ослабели перекрыты вокруг казачьей шеи. Вошел в страсть казак, исполосовал рубашку в мелкие доскуты. Глядь, а нож-то у него в крови. "Порешил я, звать, кривого, сам того не ведаю", - подумал Чигин.

Друг двери отворяются, вбегает туркенья, на колени бух. Ноги Чигину целует. Прощения просит. "Эх, отходить бы тебя плеточкой, чтоб любо-дорого, до свежих венников не забыла бы, - думает казак. - Да что уж там, оно понятно, женское сердце с воску леплено, оно к жалости доходчиво, к милости податливо". И говорит:

- Пожалела, звать, свою муженька? А вышло напереверт. Нет тебе мово пардону.

Собрался быстро. И в дорогу. Подъехал к овцам. Отобрал стадо, чтоб друзьям-товарищам на прокорм хватило. И погнал. Куда? Да кто ее знает. Куда дорога введет. Кружил-кружил, кружил - кружил. Думы все на туркенью выводят. День прошел. Другой. Глядь, ан свой стан. Каким манером Чигин до своих добрался, до сих пор не припомнит.

Рассказывает станичникам, что с ним приключилось. Не верят. "А може и не было всего этого, - подумал Чигин. - Больно на сказку похоже". Полез в карман за кисетом. А там лежит ключ от чулана. И говорит:

- Можете мне верить, братцы мои, можете - нет. Одно сердце мне жмет: была бы у меня молодая жена, красовитая, хоть и туркенья. А теперь, почитай, что ветром отшибло...

Возобновленный "Кубанский Сборник"

Историкам, археологам, любителям казачьей старины достаточно названия, чтобы понять, о чём речь. Хочется верить, что "Кубанский сборник", известный прежде не только кубанцам, но и всему Северному Кавказу, на Украине, в южнорусских губерниях и в столице, обретет спустя 90 лет второе рождение.

В 1865 году при войсковом правлении Кубанского казачьего войска была организована статистическая часть, первым секретарём которой стал выдающийся кубанский учёный Евгений Дмитриевич Фелицын. Под его редакцией с 1873 года стали выходить "Памятные книжки Кубанской области". Выход же в свет непосредственно "Кубанского сборника" связан с уже подвижнической деятельностью Кубанского статистического комитета, открывшегося 9 июля 1879 года.

К 90-м годам XIX века в "Памятных книжках" всё большее место начинают занимать монографические обзоры и научные статьи, и комитет решил выделить научно-литературную часть в отдельное приложение. Первый том "Кубанского сборника" под редакцией Е.Д. Фелицына увидел свет в 1883 году.

Содержание сборников определялась составом авторов, их научными интересами. В них печатались такие подвижники кубанской старины, как Прокофий Петрович Короленко, Фёдор Андреевич Щербина, Антон Данилович Ламанов, Борис Митрофанович Городецкий, Иван Иванович Кияшко, статистико-этнографические описания кубанских станиц, выполненные по программе Е.Д. Фелицына местными учителями, материалы по истории, археологии и этнографии края, уникальные сведения о землепользовании и землевладении, народном образовании и здравоохранении края, наблюдения над климатом и геологическим состоянием, помещал свои содержательные библиографические обзоры Василий Семёнович Шамрай...

Последний, 21-й том под редакцией Л.Т. Соколова был напечатан в 1916 году. Грядущих социальных потрясений в России "Сборник" не пережил: его авторы вынуждены были или попросту покинуть родину, или не смогли вписаться в идеологические постулаты новой власти.

Отдельные попытки подобного издания предпринимались в разное время ("Известия ОЛИКО" в 1920-е годы; "Кубанский краевед", 1989-91 гг.; "Голос минувше-

го. Кубанский исторический журнал", 1997-2005 гг.). Но ни одно из них в полной мере не стало наследником знаменитого "Кубанского сборника", являвшего собой комплексный, системный подход к природной среде и обществу нашего края.

Двадцать одна книжка "Сборника" до сих пор представляют собой непревзойдённую энциклопедию кубанской жизни, с её уникальностью и противоречивостью, колоритом и драматизмом. Наследие это уже само по себе налагает огромную ответственность на тех, кто взялся за продолжение издания. В то же время возобновление его издания не может быть простой реставрацией старого. Во многом стала другой сама Кубань, пережившая социальные потрясения, трагедию рассказывания и раскулачивания, голодомор 1933 года, массовые депортации, оккупацию и тяжёлые бои в годы Великой Отечественной войны, разрушение единого этнокультурного пространства, мощную волну практически неконтролируемых миграционных потоков.

Страницы нового "Кубанского сборника" будут посвящены осмыслению истоков, традиций и перспектив развития самобытного края. Его структура и разделы ("История", "Наследие", "Очерки наших дней" и др.) задуманы таким образом, чтобы открыть перед читателями широкую панораму проблем в контексте органичной связи между настоящим и прошлым Кубани, а также осторожной проекции на будущее.

В подготовке 1 (22) тома приняли участие историки, археологи, социологи из Краснодара, Ставрополя, Майкопа, Славянска-на-Кубани - которых, при всей разнице научных и идейно-концептуальных подходов, объединяет любовь к родному краю.

Особо отметим, что возрождение издания стало возможным благодаря помощи благотворительного фонда "Вольное Дело" компании "Базовый Элемент" - и, прежде всего, лично ее руководителя кубанца О.В. Дерипаски. Немаловажную роль в возобновлении "Кубанского сборника" сыграли и наши земляки - кубанцы из состава редколлегии "Станицы"!

**редактор "Сборника" О. Матвеев,
кандидат исторических наук**

Заказать первый том "Кубанского сборника" можно в редакции "Станицы".

Кубанский рушничок

В середине XIX века историк и этнограф Иван Попка писал о черноморских казаках, что у них сохранились "под военной кавказской оболочкой черты малороссийской народности в нравах, обычаях, поверьях в быту домашнем и общественном. *Напев на клароше, веснянка на улице, щедрованье под окном, жениханье на вечерниках, и выделенный угол хаты, и гребля с зелеными вербами, и вол в ярме, и конь под седлом - все напоминает вам на этой далекой кавказской Украине гетманскую Украину, Наливайка и Хмельницкого*".

Запорожцы, чьих судьба забросила на Кубань более чем два века назад, и более поздние переселенцы с Украины принесли с собой свои традиции и язык, до сих пор звучащий в станицах, особенно на западе края. Репертуар Кубанского казачьего хора - в основном украинские песни, да и на семейных торжествах одна из любимых песен - "Варнычкы". Не случайно на Кубани открыты и два отделения народного инструмента бандура...

Говорят, народ жив, пока жива его песня, которую поет над колыбелью мать, и сказка, через язык и образы которой ребенок делает свои первые шаги в познании мира. Сюда же добавим - пословицы и поговорки, элементы народной вышивки, одежды, архитектуры и быта...

Сегодня во всем мире размываются самобытные черты этнических культур, все меньше носителей подлинной народной традиции. Но, с другой стороны, растет и интерес к своим корням, этнической культуре как таковой. Будем надеяться, что выпущенный нами сборник кубанских пословиц "Рушничок на кілочку" в какой-то мере утолит этот интерес.

Давно подмечена характерная черта казаков - умеют они как хвалить себя, так и смеяться над собой: "Черноморец, когда он создан с головой светлой и сердцем возвышенным, осмеет недостатки и слабости в отце родном, разругает низкое свойство и гадкий поступок в родном брате... Нельзя ругаться, чтоб он прикрыл упившегося Ноя" (И. Попка).

Представленные пословицы были записаны в станицах на черноморском (кубанском) диалекте украинского языка. Кроме лексических особенностей, авторы пытались передать и его фонетическую специфику. На этом же диалекте к 15-ти пословицам написаны очерки Юрия Алмазова.

подавляющее большинство записанных пословиц известны по всей Украине, а не только на Полтавщине или Черниговщине, откуда переехали предки части современных кубанцев. Но некоторые из пословиц являются собственно кубанскими - они возникли уже после переселения черноморцев.

Переводить образные пословицы и поговорки сложно - они имеют ярко выраженный национальный характер, многозначность, используют реалии и ассоциации, уникальные для данной этнической группы (и потому часто непонятны носителям других языков).

Чтобы передать характер пословиц, донести до русско- или англоязычного читателя ассоциативные цепочки между словами, каждая пословица сопровождается в книге, насколько это возможно, буквальным переводом на русский и английский языки. При этом англоязычному читателю предложены и краткие объяснения реалий типа *станция, хутор* - ведь простой их перевод не передает ни того факта, что в этих поселениях жили именно казаки или иногородние (а также кто, собственно, они такие), ни отличий между данными типами посе-

лений. В данном случае только такие примечания могут донести до читателя живой образ и смысл пословицы "Корова любе хутир, а баба - станицю".

В каждой национальной системе есть присущие лишь ей связи и параллели. Например, пословица "Хай буде гречка мак!" не просто о том, что в споре кто-то неохотно соглашается с аргументом собеседника, продолжая придергиваться своего мнения (ведь *гречиха* никогда не станет *маком*). На Украине гречиха - изданна одна из наиболее ценных сельскохозяйственных культур, недаром ее крестьян звали "гречкосями". Называя ее "маком", мы преуменьшаем ценность чего-то существенного, важного. Конечно, англоязычный читатель без дополнительного объяснения вряд ли поймет, почему это вдруг "гречиха" (*buckwheat*) становится "маком" (*porry*).

В разных языках семантически близкие пословицы по-разному осмысливают один и тот же образ, поэтому особенно важно установление межязыковых параллелей. Для этого, кроме буквального перевода, во многих случаях указывается английский эквивалент пословицы, а иногда и русский.

К некоторым пословицам прилагаются также их варианты - как собственно кубанские (у фольклориста А. Пивня читаем: "Звания козаче, а життя собаче", а от респондента записано "Козаче-козаче, життя твоє собаче!"), так и украинские (на Кубани: "Сиди, Векло, ще не смеркло", и украинский вариант: "Сиди, Тетяно, бо ще рано").

Не легче переводить и "прыказки до імэн" - антропонимы в пословице максимально семантически упрощены, их роль сводится к функции местоимения *кто-то* ("А ти, Марку, грай!"). Формальная транскрипция имен, особенно уменьшительных (*Панько, Савка*) вряд ли поможет англоязычному читателю - и при переводе таких пословиц имена собственные заменялись антропонимом, используемым в схожей по смыслу английской пословице ("Наша Парася на все вдалася" - "Our Paul is clever at anything"), соответствующим распространенным английским именем (*Хома - Том, Thomas*), либо другим часто употребляемым именем собственным, обретшим вторичную номинативную функцию ("По Савке и свита" - "Such Ted such his coat" - подражая, что крестьянские имена *Савка* и *Ted* предполагают ассоциацию с социальным положением носителей).

Авторы сохранили используемые в кубанских пословицах этнонимы (напр., "Треки і вірмени - всі до мене!"), хоть те не всегда "политкорректны".

Даже небольшой по объему сборник пословиц (128 страниц) ставит много вопросов. От глобального масштаба - сохранит ли Кубань глубинные пласты своей культуры, быта и обычаев запорожских казаков, обогащенных культурой и традициями других этносов, что будет с кубанской выразительной пословицей, с колоритным говором, на котором до сих пор бабушки еще *"балакають"* с внуками (в отличие от города, где все *"разговарюють"*)? - до чисто филологических.

Хочется, однако, чтобы кубанский вышитый рушничок еще долго висел у нас на колышке!..

Владимир Пукиш

Чей-то уход, отказ от участия в деле только облегчит дальнейший ход событий.

* *It's easier for a horse to start if the woman gets off the cart.*

Sometimes, if someone leaves an undertaking, this will make it easier to move ahead. Cf: "One less problem".

Бог не теля, побаче й відтіля

* *Бог не теленок, увидит и оттуда.*

Ничего не происходит без воли и ведома Господа. Всякое бесчинство будет наказано.

* *God is not a calf, He sees from afar.*

Nothing happens without God's will and consent. All outrages will be punished. Cf: "God is not mocked" (Galatians, 6:7).

РУШНИЧОК НА КИЛОЧКУ
Кубанські народні прислів'я

РУШНИЧОК НА КОЛЫШКЕ
Кубанське історичне господарство
A RUSSIAN HUND ON A PEG
Kuban folk proverbs

А ти, Марк, грай!

* А ты, Марк, играй!

Близко по значению к "А Васька слушает да ест". Что бы там ни случилось, некоторые люди делают вид, что все в порядке, и безмятежно продолжают делать свое. На Украине говорят: "Що буде, то буде, а ти, Марку, грай!"

* *And you, Marco, keep on playing!*

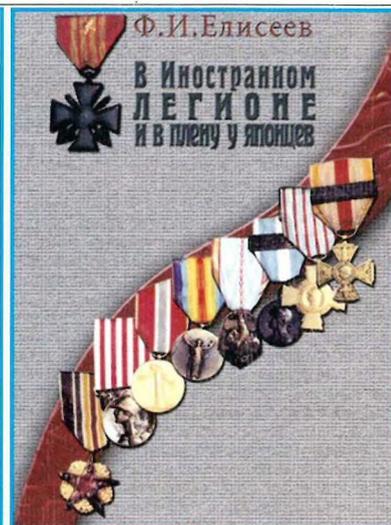
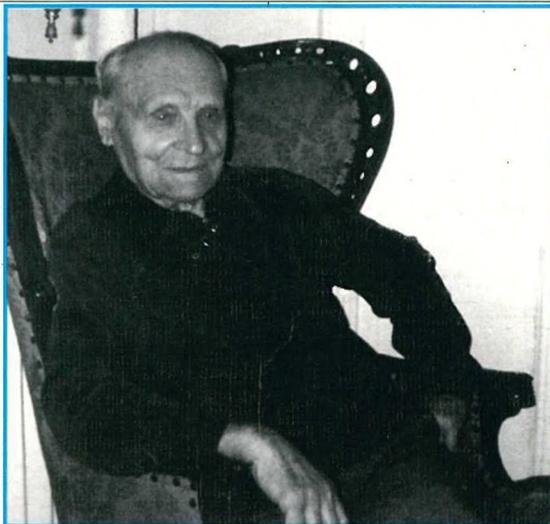
Whatever happens, some people behave as if everything is all right, and serenely continue on having their own course. In Ukraine, it is said, "Be that as it may, and you, Marco, keep on playing!"

Баба з во зу - кобилі ле кше

* Баба с воза - кобыле легче.

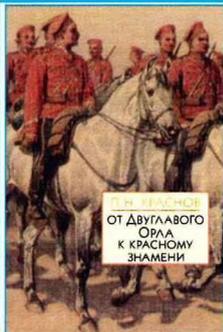
Воспоминания Ф.И. Елисеева

Вышли в свет очередные книги воспоминаний военного историка казачества полковника **Федора Ивановича Елисеева** - "**Первые шаги молодого хорунжего**" (изд. "Рейтар", 304 с.) и "**В Иностранном Легионе и в плену у японцев**" (изд. "Доброволец" - "Рейтар", 204 с.). Как и предыдущие издания, подготовлены они членом нашей редакции **П.Н. Стреляновым (Кулабуховым)**, и содержат большое количество редких фотографий. Фрагменты из книг представлены в этом номере газеты (стр. 15-17). Заказать книги можно у их составителя и в редакции "Станицы".

"Белая Россия"

Московское издательство "Айрис - пресс" издает книги авторов, вынужденно покинувших Россию после 1917 года - мемуары военачальников и политических деятелей, обобщающие исследования и исторические романы, с предисловиями современных историков. Многие книги серии "**Белая Россия**" публикуются в России впервые и могут представлять особый интерес для казаков.

А.И. Деникин - "**Очерки русской смуты**" (в 5 томах). Впервые в России издан полный вариант этой выдающейся летописи российского лихолетья 1917-20 гг. - подробная картина катастрофы, постигшей страну, детальное описание боевых действий Гражданской войны.

А.И. Деникин - "**Старая армия. Офицеры**". Сборник включает ранее не издававшиеся в России книги, написанные Деникиным уже в эмиграции, о жизни Русской Армии до 1-й мировой войны, о драматичной судьбе белых офицеров, прошедших мясорубку Гражданской войны.

С.П. Мельгунов - "**Как большевики захватили власть. Золотой немецкий ключ к большевицкой революции**". Впервые в России издана книга известного историка Русского Зарубежья с подлинной картиной большевицкого переворота, с описанием основных сил и методов вооруженной и политической борьбы большевиков, а также тех сил русского общества, которые пытались оказать им сопротивление. В работе "Золотой немецкий ключ..." собраны свидетельства, доказывающие полученные большевиками денег от германского Генштаба.

С.П. Мельгунов - "**Трагедия адмирала Колчака**". Наиболее полное, в двух книгах, исследование событий Гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири, трагических страниц жизни Верховного Правителя России - обобщение документов, воспоминаний и устных свидетельств участников событий, анализ причин поражения армии А.В. Колчака.

С.П. Мельгунов - "**Красный террор в России. 1918-23**". Многочисленные документальные свидетельства преступлений большевиков.

П.Н. Краснов - "**От Двуглавого Орла к красному знамени**" (в 2 книгах). Роман-эпопея об истории русского общества и Русской Императорской армии на протяжении более четверти века - с 1894 по 1922 гг. Эта книга переведена на 12 европейских языков.

П.Н. Краснов - "**Единая-неделимая**". Этот исторический роман, впервые изданный на родине писателя, по замыслу автора завершает тетралогию об эпохе русской смуты, начатую предыдущим романом, и посвящен судьбам донских казаков.

Станица

газета зарегистрирована
в Министерстве печати РФ
регистрационный N 1527
учредитель - коллектив редакции
Адрес для писем: Москва, 115569,
Каширское ш., 86 - 3 - 586
тел. \ факс (095) 390 4202.
E-mail: stanitsa@rambler.ru;
архив - www.stanitza.nm.ru

Главный редактор -
- Валерий Шуков
Редактор -
- Георгий Кокунько
Редколлегия:
Александр Азаренков
Игорь Борисов, Виктор Карпов
Олег Мраморнов
Андрей Серба
Павел Стрелянов (Кулабухов)
Юрий Сухарев

Мнение редакции
может не совпадать
с позицией авторов
публикаций

При перепечатке
материалов просьба
ссылаться на нашу
газету и её авторов

Компьютерная верстка -
Г. Кокунько